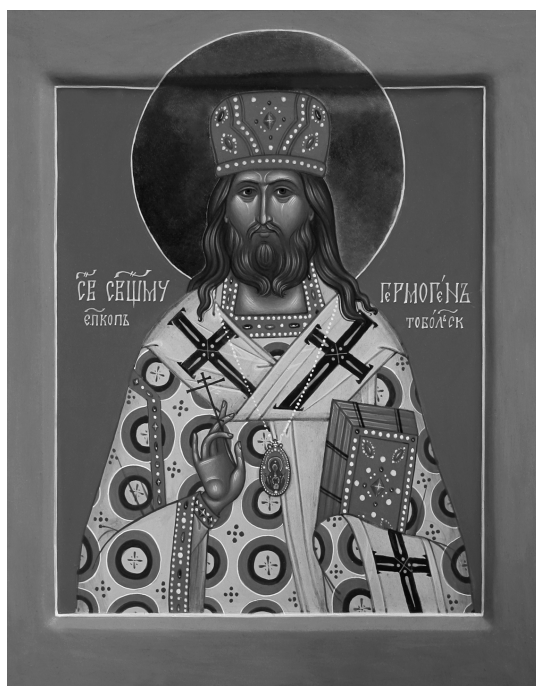

16 (29) июня

Священномученик
Гермоген (Долганев),
епископ Тобольский и Сибирский,
и священномученики
Петр Корелин, Ефрем Долганев,
Михаил Макаров
и мученик
Константин Минятов

Священномученик Гермоген родился 25 апреля 1858 года в семье священника Херсонской епархии Ефрема Павловича Долганева и в крещении был наречен Георгием. У священника Ефрема Долганева и его супруги Варвары Исидоровны было шестеро детей. Приход, где он служил, был небогатым, и семья была весьма ограничена в средствах. Отец Ефрем старался быть образцовым пастырем и учил всех, как писал о том один из его сыновей, своим «примером порядку, чистоте, опрятности, любви к благолепию службы, красоте храма, облачений, сосудов, лампад, всего чина церковного...».

Священномученик Гермоген

Низшее и среднее образование Георгий получил в духовных учебных заведениях родной епархии. Желая получить кроме духовного образования еще и светское, Георгий во время обучения в 5-м классе Одесской Духовной семинарии подал прошение об увольнении его из семинарии; выдержав экзамен на аттестат зрелости при классической гимназии города Ананьева Херсонской

губернии, он поступил на юридический факультет Новороссийского университета, который окончил в 1889 году с правом предоставления сочинения на степень кандидата права без дополнительных экзаменов.

Глубоко религиозный с детских лет, Георгий рано почувствовал влечение к подвижнической жизни, но решительный шаг ему помог сделать архиепископ Херсонский Никанор (Бровкович), и в 1889 году Георгий поступил на историческое отделение Санкт-Петербургской Духовной академии. 28 ноября 1890 года ректор академии епископ Антоний (Вадковский) постриг его в монашество с наречением имени Гермоген; 2 декабря того же года епископ Антоний рукоположил его во иеродиакона, а 15 марта 1892 года – во иеромонаха. Студентом академии отец Гермоген много потрудился как проповедник, принимая активное участие в деятельности кружка студентов-проповедников.

В академии он занимался исключительно академическими науками, избегая лишних знакомств, чтобы не впасть в многообразные искушения и стремясь исполнить слова, сказанные ему митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским): «Уклоняйся от таких дел и сообщества, которые могут отклонять тебя от настоящего твоего дела и твоих обязанностей».

В 1891 году один из студентов, иеромонах Тихон¹, стал развивать среди студентов идею о духовной пользе и преимуществе миссионерского подвига перед академическими занятиями; он сам хотел вступить на это поприще и желал, чтобы этот труд с ним разделил иеромонах Гермоген, оставив дальнейшее обучение в академии; рассчитывая, что талантливый проповедник и ревностный монах станет его подчиненным в организуемой им миссии, он стал говорить многим, и в частности ректору академии епископу Антонию (Вадковскому), что иеромонах Гермоген желает стать миссионером.

Иеромонах Гермоген сначала игнорировал эти слухи, но затем стал смущаться, что, может быть, академическое начальство воспринимает их как невысказанные, но действительные его пожелания; он обратился с этим вопросом к ректору академии, епископу Антонию, на что тот ответил: «Не обращайтесь никакого внимания».

Однако помыслы не оставляли его, все задавая и задавая ему один и тот же вопрос: «А нет ли в том Промысла Божия, чтобы оставить занятия в академии и перейти на миссионерское поприще?» Желая определиться в них, он написал письма тогдашнему своему духовному отцу иеросхимонаху Евгению на Святую гору Афон и своему отцу-священнику, испрашивая у них совета. Вскоре он получил ответ с Афона.

Духовник писал ему: «На вопросы твои можно сказать: сиди-ка ты на своем месте... Птичку, как выпрыгнет из клетки, то и сейчас и подхватывает ее кот, так и ты: остерегайся удаляться, а слушай и почитай начальников: они знают тебя более, нежели ты сам себя; где пострижен, там и пребывай, доколе выдержишь все науки, – а там и разуму прибавится, и завистников убавится, а Господь сохранит и попечется о твоей скромности, и будет тебе весело тогда, и глаза у тебя раскроются, и благо получишь от Бога...» Отец же прямо написал, что благословляет кончать курс академии.

Получив столь определенные ответы, иеромонах Гермоген «стал уже с гневом и презрением встречать всякий... слух или даже намек на какие-либо перемены»; он решил объясниться и с иеромонахом Тихоном, к которому поначалу относился с бесконечным уважением и доверием, но который, однако, и добивался ухода его из академии и перехода на миссионерское поприще под

свое начало; он категорически отказался от предложения уйти из академии, и предложивший сообщил отцу-ректору, что иеромонах Гермоген передумал и решил отказаться от того, на что ранее будто бы дал согласие. Желая объясниться до конца с тем, через кого пришло по немощи искусившегося искушение, отец Гермоген написал ему: «Благодарю Господа Бога, Его Пречистую Матерь и святого Ангела Хранителя, что расстроили и отклонили от меня пагубную сеть своеволия Они Сами, а не я. Слава Богу за все! От всей души радуюсь и благодарю Господа, что послал мне своевременные и благодетельные искушения. На Вас же... я не имею вовсе никакого злопамятства и от всей души и сердца прощаю, сознавая свое крайнее недостойнство и окаянство; простите меня, прошу я и Вас, ради Бога: я написал все по-братски, не для укорения Вас, но для назидания самого себя, чтобы эти записки помогали мне впредь быть с людьми осторожнее... После всего обращаюсь к Вашей иеромонашеской совести и прошу... не распространять в среде моих товарищей и братьев-монахов ложных новых слухов и мнений, будто Бог не положил отцу Гермогену на сердце ехать вместе с Вами...

Простите за братскую откровенность... Да простит и Вас Господь за Ваши ошибки и да не помянет ни в сем веке, ни в будущем. Прошу не переставать молиться о мне, я молюсь о Вас по-прежнему, подчас и сильнее прежнего...»

Окончив Духовную академию, иеромонах Гермоген 17 сентября 1893 года был назначен инспектором Тифлисской Духовной семинарии. Характеризуя его на этой должности исключительно как монаха, готового жертвовать всем ради ближнего, ректор семинарии архимандрит Серафим (Мещеряков)², не сочувствовавший чисто монашескому и глубоко христианскому образу жизни иеромонаха Гермогена, писал: «Будучи инспектором, он помещал в своей квартире то преподавателей, то учеников, а сам жил в одной из двух комнат...»

Игумен Гермоген (Долганев)

Во время исполнения обязанностей инспектора он состоял членом Грузинского епархиального училищного совета и председателем экзаменационной комиссии для испытания знаний кандидатов, желающих быть учителями церковно-приходских школ, а также диаконами и священниками. 28 октября 1893 года экзарх Грузии архиепископ Владимир (Богоявленский) назначил иеромонаха Гермогена членом Комитета Братства для вспомоществования нуждающимся ученикам Тифлисской Духовной семинарии. В апреле 1894 года иеромонах Гермоген был награжден наперсным крестом. С 10 июня 1896 года он по благословению архиепископа Владимира стал исполнять должность ректора семинарии и был им назначен председателем Грузинского епархиального совета, цензором проповедей и редактором журнала «Вестник Грузинского экзархата».

14 мая 1898 года отец Гермоген был возведен в сан архимандрита, а 18 июля того же года назначен ректором Тифлисской Духовной семинарии, председателем Комитета Братства святого апостола Андрея Первозванного при Тифлисской Духовной семинарии и членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Инспектором семинарии был назначен иеромонах Димитрий (Абашидзе). О них писал епископ Серафим (Мещеряков): «Святые отцы Гермоген и Димитрий совсем замолили учеников семинарии. Что-то будет. Я издали им рукоплещу и буду очень рад, если придется услышать, что это их воздействие не прошло бесследно»

Здесь отцу Гермогену пришлось столкнуться с дерзким, лукавым и лживым Джугашвили, тогда студентом Тифлисской Духовной семинарии, а в будущем разорителем России и беспощадным гонителем Церкви. Он поступил в семинарию в 1894 году, когда в ней инспектором был иеромонах Гермоген. Отпросившись на воскресенье из семинарии под предлогом похорон своего товарища, Джугашвили не вернулся в срок и, оправдывая уклонение от занятий и прогулы, написал, что возникли будто бы обстоятельства, «связывающие руки самому сильному в каком бы отношении ни было человеку: так много потерпевшая от холодной судьбы мать умершего со слезами умоляет меня “быть ее сыном, хоть на неделю”. Никак не могу устоять при виде плачущей матери и – надеюсь, простите – решил тут остаться, тем более что в среду отпускаете желающих».

Отец Гермоген не стал тогда расследовать обстоятельств за невозможностью уличить дерзкого семинариста во лжи; только много позже, когда он был уже ректором семинарии, весной 1899 года он отчислил Джугашвили из семинарии как не явившегося на экзамены³.

19 октября 1897 года отец Гермоген положил начало деятельности Епархиального миссионерского духовно-просветительного Братства в городе Тифлисе. В очерке, посвященном задачам и деятельности Братства, архимандрит Гермоген в 1898 году написал: «Наше дорогое Братство совершает вторую годовщину, о, как хочется сказать – вторую годовщину своей доброй и истинной христианской жизни и такой же христианской деятельности, как хочется прежде всего наблюдать... что... все члены нашего юного Братства живут и обращаются друг с другом и со всеми окружающими людьми в духе братолюбия, доброты, простоты, истиннейшего христианского радушия и благожелательности, к каковым братским чувствам и настроениям таинственно зовет нас всегда и Дух Божий, Зиждитель Церкви и ее братского единства: “Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе...” [Пс. 132, 1]. Этот дух братолюбия, дух

взаимного сочувствия и радушия и есть, собственно, основная, коренная, духовно-созидательная сила в христианском Братстве, это есть и могучий нравственный капитал, несокрушимый камень, или крепкая скала Петровой живой веры и в то же время связывающий духовно-строительный цемент. Словом, братолюбие и взаимное братское сочувствие есть и необходимейшая сила строительная, и материал существенный, которыми должны строиться и на которых должны стоять всеми сторонами своей жизни и деятельности наши христианские братства...

Братство обратило свое внимание прежде всего на самые заброшенные и запущенные в религиозно-нравственном отношении пункты города Тифлиса. Так, на первых порах деятельности предметом забот Братства была всем известная своим дурным нравственным состоянием местность – Колючая Балка с прилегающими к ней улицами и проулками...

Наше Братство – значительно еще ранее своей внешней официальной организации – в виде особого добротного кружка лиц, воодушевленных ревностнейшим стремлением к возможно большему развитию и преуспеванию в местном обществе религиозно-нравственного просвещения, по благословению Высокопреосвященнейшего Владимира, бывшего экзарха Грузии, открыло здесь, как некоторую религиозно-нравственную крепость для борьбы с окружающим злом, молитвенный дом в честь святителя Феодосия Черниговского⁴. Вскоре, также по особому усиленному ходатайству приходского пастыря и того же зарождавшегося Братства-кружка в этой несчастной местности была открыта Грузинским епархиальным училищным советом для местных детей обоего пола церковно-приходская школа, как вторая, не менее могучая духовно-нравственная крепость для совместной борьбы с тем же злом, широко здесь, на свободе, разлившимся.

Так Святая Мать, Православная Церковь, в лице младенчествовавшего еще Братства нашего в духовном всеоружии выступила на упорную и пламенную борьбу с огнедышащим и разинувшим свою адскую пасть нравственным злом за своих несчастных, всеми покинутых и уже исчезавших в бездне гибели православных чад и русских людей...

Интересно отметить здесь: помещения, назначенные для этих занятий с детьми, никогда не могли вместить всех желавших посещать уроки, но матери все-таки приводили своих не принятых на занятия малюток, чтобы они хотя бы присутствовали только во время этих занятий, говоря при этом всегда: “Пусть хоть посидит здесь, все добру научиться”...

К числу прекрасных духовно-нравственных средств нашего Братства должно отнести его постоянные заботы о раздаче и распространении в обществе книг и брошюр религиозно-нравственного содержания, учреждение во всех храмах, находящихся в заведовании Братства, частого, а где возможно повседневного, истово и с благоговейной тщательностью совершаемого богослужения, безвозмездное совершение общих молебнов, панихид, чтение синодиков с именами членов Братства и других лиц...»

Архимандрит Гермоген участвовал во всех миссионерских и просветительских начинаниях в Тифлисе, в чем бы они ни выражались – в беседах или в крестных ходах, которые, впрочем, всегда завершались поучениями или проповедями. Вечером 20 апреля 1899 года архимандрит Гермоген вместе с духовенством отслужил вечерню в молитвенном доме святителя Феодосия. После вечерни был совершен крестный ход по Колючей и Московской Балкам. По

окончании его перед входом в молитвенный дом отец Гермоген обратился к народу со словом, в котором разъяснил значение крестных ходов и в особенности в пасхальные дни, когда Церковь празднует победу Христову над врагами – адом и смертью.

После отпуста, сказанного уже внутри молитвенного дома, народ стал подходить ко кресту. И одна из обитательниц Колючей Балки, старушка, обратилась к отцу Гермогену с безыскусными словами благодарности. «Не знаем, как благодарить Вас, отец-ректор, за то, что Вы не забываете нас и молитесь за нас; мы также никогда не забудем Вас и всегда будем молиться за Вас», – сказала она.

Несмотря на всю самоотверженность архимандрита Гермогена и его сподвижников, миссионерские инициативы в Тифлисе претерпевали немалые трудности; 27 августа 1900 года он писал назначенному в 1898 году экзархом Грузии архиепископу Флавиану (Городецкому): «От глубины наболевшей души прошу Вас, незабвенный архипастырь и отец, всегда оставлять меня и мое служение в единой Вашей воле и власти, как Вы всегда и благоволите делать, всячески защищая мои права и авторитет: наболела же душа моя потому, что некоторые скорпионы церковные не перестают всячески угрызать ее даже под покровом Вашего благоволения и милости... Церковные скорпионы не перестают жалить меня особенно за учреждение молитвенного дома святителя Феодосия (были, правда, нападки и угрызения за миссионерские школы и многие другие церковные предприятия, которые всячески опорочивались и уничижались клеветой и всякою неправдою). Ввиду этого, от глубины души, даже откровенно скажу и со слезами действительными, а не риторическими, прошу Вас защитить мое дело с молитвенным домом святителя Феодосия и не предавать меня “зубом их” (врагов моих). С надеждой на Вашу архипастырскую милость и снисхождение я решился вновь прислать Вам братский журнал, в котором решается участь молитвенного дома святителя Феодосия...»

Архиепископ Флавиан вскоре сообщил ему, что он призывается на святительское служение. В ответ архимандрит Гермоген писал: «Пришла в трепет и ужас душа моя недостойная при известии, что я призываюсь и избран на служение архипастырское, – поистине мне страшно стало за мое непотребство и негодность мою для ношения высочайшей благодати святительства!.. Безгранично и невыразимо благодарен Вам за Ваши добрые, любящие чувства ко мне и благожелания... Чую и чувствую Вашу отеческую доброту и любовь ко мне, недостойному, чувствую также и любовь всех, призывающих меня к служению, но все-таки страшно и страшно, – страшит самое служение, страшна святейшая благодать Духа Божия, которую я должен воспринять чистой душой, светлым духом и умом, непорочным телом, но где, окаянному, взять этой чистоты, светлости, непорочности?!

Не думал я, что так вдруг возьмут меня от рабочих занятий моих и от службы послушника: я полюбил, я сжился с многими милыми трудовыми занятиями, совершавшимися по Вашему благословию и под Вашим руководством, при Вашем нравственном одобрении и подкреплении; теперь же меня призывают к шири, к власти и высокому вдохновению святительского богослужения и молитв!.. Дорогой и глубоко чтимый Владыка! Как бы хотелось мне по приезде в Петербург иметь сроку хотя бы недели две до посвящения, чтобы уединиться мне и прийти в себя, ибо здесь не могу этого сделать никак, хотя и стараюсь и

принимаю меры!.. Дела стараюсь привести в порядок, чтоб сдать потом скоро и аккуратно... Одежды у меня, облачения тоже нет, и денег и вовсе нет...»

14 января 1901 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга состоялась хиротония архимандрита Гермогена во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. Чин хиротонии возглавил митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский).

При вручении епископу Гермогену архиерейского жезла митрополит Антоний сказал: «Возлюбленный о Господе брат, Преосвященный епископ Гермоген! Размышляя о вступлении нашем в новый, XX век по Рождестве Христовом, новостью своею обозначающий постоянное течение времени, смену дней и годов и человеческих поколений, и вникая в то же время во внутренний смысл епископской хиротонии, ныне над тобою сонмом святителей совершенной, мы невольно мыслю своею останавливаемся на сочетании в жизни и истории начал временного и вечного, изменяемого и неизменного. Движение веков и поколений, могущество и честь, слава и богатство человеческие суть явления изменчивые, они приходят и уходят, а Бог и Его воля, Его уставы и повеления неизменны, они пребывают во веки... Времена идут и сменяются, а Богом установленные основы церковного строя и жизни остаются неизменными. В этом неизменном начале Божиих глаголов и повелений и заключается высший разум жизни, без которого она была бы бессмысленна и ничтожна...»

Гермоген, епископ Вольский, викарий Саратовской епархии

Представляя епископа Гермогена правящему архиерею Саратовской епархии епископу Иоанну (Кратирову), обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев писал: «В исполнение Вашего желания и действительной для епархии потребности Святейший Синод посылает Вам викария, нарочито избранного. Преосвященный Гермоген по службе своей на Кавказе приобрел себе репутацию серьезного и заботливого деятеля, и в особенности по школьному делу».

Через некоторое время Константин Победоносцев написал епископу Иоанну: «Саратовская епархия вообще обращает на себя внимание и гражданских властей. Со всех сторон приходят жалобы на беспорядки управления и на распущенность духовенства. При болезненном ослаблении сил Вашего Преосвященства одному Вам трудно управлять делами. Нарочито для сего назначен в помощь Вам Святейшим Синодом викарий молодой, ревностный и способный. Посему существенно для дела, чтобы вы пребывали с ним в мире и доверии к нему. К сожалению, люди неблагодарные и лукавые... своими внушениями поселяют в Вас враждебное к нему чувство. Для Вашего собственного благополучия было бы необходимо Вам устранить их влияние и обратиться с доверием к Преосвященному Гермогену. В настоящее время он, пребывая в Преображенском монастыре, заботится об его устройстве и об ограждении в нем порядка: и в сем не следует делать ему препятствия... Жалобы на злоупотребления и беспорядки в епархии умножаются... И в сем, как и в других делах, единственным Вашим помощником мог бы быть викарий: иначе люди, каким Вы, к сожалению, доверяете, могут привести Вас к неприятным последствиям».

Осенью 1902 года епископ Иоанн был вызван в Санкт-Петербург для участия в заседаниях Святейшего Синода. В марте 1903 года по невозможности управлять епархией по состоянию здоровья, он был уволен с Саратовской кафедры и назначен членом Московской Синодальной конторы и управляющим ставропигиальным Московским Симоновым монастырем.

21 марта 1903 года Преосвященный Гермоген был назначен епископом Саратовским и Царицынским. Довольно хорошо знавший его епископ Серафим (Мещеряков), не вполне сочувствовавший его аскетическому настроению и таким его качествам, как предпочтение церковного всему житейскому, но вполне отражавший общее умонастроение деятелей Высшего церковного управления, когда обязанностью архиерея виделась в основном административная деятельность, а его подвиг во образ великих святителей и учителей вселенских – исключительных аскетов, преобразивших свою душу с помощью Божией, – отходил, как незначительный, на второй план, – насмешливо писал об этом назначении митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому): «Гермоген – Саратовским; это ему за усердные молитвы. Достанется саратовским батюшкам; они такого фанатика религиозного еще не видели и не слыхали. Он им покажет, что значит архиерей-аскет!»

Став правящим архиереем, епископ Гермоген сразу же заявил свою программу: «Трудиться, трудиться и трудиться на благо паствы, в союзе мира и любви, в послушании власти, при полном единении сил и единомышленном стремлении соратников принести пользу тем, для кого назначаются работы».

Владыка своим собственным примером, а также частыми беседами с духовенством и особыми циркулярами⁵ призывал духовенство к неспешному и строго уставному совершению богослужения, зная по опыту, что оно само по себе есть та благодатная сила, которая удерживает народ в ограде Церкви, возвращает отпадших и привлекает неверующих.

Службы Преосвященного Гермогена, строго уставные и всегда сопровождавшиеся поучениями, производили огромное впечатление: многие плакали от умиления и духовной радости – так благоговейно и трепетно молился владыка в алтаре перед престолом Божиим. Литургия начиналась с половины восьмого утра и заканчивалась иной раз около двух часов дня. Кроме воскресных

и праздничных дней, владыка служил вечером по средам и пятницам. Во многих саратовских храмах Преосвященным Гермогеном было введено общенародное пение. В особо исключительных и важных случаях общественной и государственной жизни России владыка устраивал в Саратове и уездных городах и многонаселенных поселках ночные службы – с крестными ходами по городу и селениям, общим пением всех молящихся и поучениями проповедников. Для соблюдения порядка в крестных ходах им было учреждено при кафедральном соборе общество хоругвеносцев.

Епископ Гермоген (Долганев). 1904 год

Первое, на что обратил внимание святитель при своем служении в Саратове, – это общий духовный упадок, особенно заметный в обителях, насельники которых самим образом жизни и собственным добровольным выбором пути особо призваны к духовной жизни и благочестию, призваны быть примером не только в исполнении внешнего строя монашеской жизни, но быть последователями Христовыми всецело, всем своим существом. Приглашенный епископом Гермогеном на должность инспектора Иоанникиевского епархиального училища протоиерей Сергей Четвериков, в 1905 году во время одной из поездок в Оптину пустынь пытавшийся исполнить поручение владыки – получить из знаменитой старцами пустыни опытного наставника, – вынужден был, однако, ему написать: «Я говорил с отцом настоятелем о Вашем желании иметь у себя в скиту опытного руководителя из числа братии Оптиной пустыни, но он сказал мне, что он не решается кого-либо послать к Вам – ибо действительно опытных руководителей в настоящее время в обители нет, а когда я указал ему на некоторых, он заметил, что они еще не вполне созрели...»

Епископ Гермоген обратился с подобной же просьбой к архимандриту Иосифу, настоятелю Свято-Андреевского скита на Афоне. В ответ тот написал: «...Ваше Преосвященство изволили обратиться к нам с просьбою (скажем

откровенно) нелегкою для обители нашей, именно – чтобы прислать Вам для монастыря в город Саратов “хотя одного истинного и самоотверженного ревнителя иноческой и строго благочестивой жизни, который мог бы ввести в обители той благочиние и настоящие монашеские порядки в поведении иноков”. Задача – трудная и требует человека – недюжинного. Но как Вам не безызвестно, Владыко святой, что на Афоне вообще идут в монахи большею частью люди самые простые – от сохи да от бороны, а потому – люди малообразованные и недаровитые от природы, которые едва-едва могут только собой-то руководствовать по пути иноческого жития, а о руководствовании других таковые ниже помышлять дерзают. А потому и у нас в братстве выдающихся личностей очень-очень мало, так что даже для наших собственных учреждений – подворьев не найдем таких деятелей, которые бы вполне оправдывали возлагаемое на них послушание в настоящее время. А с другой стороны, и то нужно сказать откровенно, хотя с величайшим прискорбием, что нынешние времена – век упадка духовной жизни и оскудения духоносных мужей; прошел золотой век монашества, когда были огненные ревнители иноческого подвижничества, и прошел, кажется, безвозвратно... Упадок нравственности в обществе мирских христиан – от этого и в монашество приходят ныне люди большею частью душевно расслабленные и искалеченные страстями. По сим-то печальным причинам и в нашем обществе иноческом – скудость в истинных ревнителях строгого и терноносного иноческого жития. А если и есть некоторые личности, ревнующие искренно о своем иноческом звании, то их никакими силами невозможно будет убедить расстаться с безмолвием Афона и с сладостию пустынного жития, дабы, оставив тихую безмятежную пристань, ввергнуться в бурное бушующее море среди мира...

Простите, Владыко святой и отец чадолюбивейший! От души похваляем Ваше благочестивое желание и заботливое отеческое попечение о вверенной Вам обители, к сердцу принимаем усердно-убедительную Вашу просьбу и почти мольбу, вполне сознаем всю основательность ее и глубоко благодарим за внимание Ваше именно к нашей обители, – но при всем том, к прискорбию, вынуждены находимся ответить Вам отрицательно, потому что не в состоянии удовлетворить Вашу просьбу по вышеизложенным причинам...»

Ввиду усиления в Саратовской епархии борьбы старообрядцев, сектантов и безбожников с Православной Церковью, владыка особое внимание уделял миссионерской деятельности. Получение диаконского или священнического места в епархии Преосвященный обусловил обязательством со стороны получающего место изучить старообрядчество и сектантство, вести миссионерские беседы и быть в действительности миссионером – благочинническим, окружным, уездным или епархиальным. С целью борьбы с сектантством и насаждения православного учения, во всех городах и селах по благословению владыки стали устраиваться внебогослужебные пастырские беседы. В Саратове под руководством епископа проводились беседы во все воскресные и праздничные дни. Эти беседы предварялись кратким молебном, чередовались духовными песнопениями в исполнении архиерейского хора и оканчивались пением всех присутствующих. Беседы привлекали такую массу слушателей, что бывали дни, когда огромный зал музыкального училища, где они проходили, не мог вместить всех желающих. Кроме того, по благословению владыки велись особые беседы со старообрядцами и сектантами в Покровской церковно-приходской школе, во всех церквях Саратова, а также в учрежденных

им столовых духовно-просветительского отдела Братства Святого Креста. Как богослужения церковные, так и внебогослужебные собеседования всегда оканчивались раздачей народу листов и брошюр религиозно-нравственного содержания. Печатному слову епископ придавал особое значение в борьбе с врагами Церкви. В противовес литературе отрицательной, безбожной, противцерковной, в миллионах экземплярах брошюр и листов распространяемой среди народа врагами Церкви и государства, владыка раздавал литературу положительную и обличительную. С этой целью он преобразовал и расширил епархиальный печатный орган – «Саратовский духовный вестник» и учредил еженедельный «Братский листок»; еженедельные печатные издания по его благословию и при его поддержке появились в Балашове, Камышине и Царицыне.

Гермоген, епископ Саратовский и Царицынский

В январе 1905 года, когда после революционных беспорядков в Петербурге волнения и забастовки начались и в Саратове, епископ Гермоген выступил с разъяснениями существа происходящих событий. Многие рабочие насильственно тогда были оторваны организаторами беспорядков от работы и понесли лишения; владыка предложил прийти им на помощь и благословил провести сбор денег, в котором сам принял участие. Епископ предложил рабочим собираться вместе для решения вопросов религиозной и общественной жизни. Эти собрания происходили при его непосредственном участии; на одном из них было решено выстроить новый храм, который принадлежал бы рабочим.

Владыка делал всё возможное, чтобы отрезвить мятущийся духом народ. Несмотря на физическое недомогание, он почти каждый день тогда совершал богослужения и произносил вдохновенные проповеди. В них он упрашивал и умолял воздействовать на подстрекателей мерами увещевания, а если они не принесут пользы, отойти от возмутителей общественного спокойствия, моля Бога

о вразумлении врагов Церкви и Отечества, мер же насилия ни в коем случае не применять.

Епископ говорил: «Крепко держись, православная паства, веры Христовой, как якоря спасения, и она введет тебя в новое твое Отечество... не забывай Матери своей – Церкви Православной. Она не научит вас худому, она сбережет вас от волков, которые в овечьей шкуре появляются между вами и смущают вас. Не верьте им, они враги наши, враги Церкви, царя и Отечества. Они обещают многое, но на деле ничего не дают – кроме смуты и нарушения государственного строя. Всегда помните, что молитва и труд – вот истинная... надежда истинных сынов Святой Церкви и родной земли Русской. Помните всегда и то, что не радости и удовольствия ведут к блаженной жизни, а скорби: не широкими воротами указано нам достигать Небесного Царства, а узкой тропкой, при благодушном несении каждым своего креста».

«Особенно благотворное... влияние производили на умиротворение беспокойной толпы крестные ходы... – вспоминали их участники. – Православное население города Саратова словесно и письменно усердно просило владыку совершать эти крестные ходы. Во исполнение сердечного желания народа и для умиротворения мятущегося народного духа крестные ходы совершены были пять раз и... постепенно охватили весь город как в центральной его части, так и по окраинам. Крестные ходы привлекали к себе громаднейшее стечение молящихся, раз от разу увеличивающееся. В преднесении чтимых всем Саратовом икон, а также хоругвей и других икон, медленно двигалось по улицам, иногда главным в городе, духовенство в блестящих облачениях. Множество молящихся, одушевленно воспевающих священные песнопения, сопровождало крестный ход. Это величественное шествие встречал сам архипастырь во главе с духовенством и в сопровождении множества народа, ремесленников и рабочих... Все, видевшие эти крестные ходы и участвующие в них, не находят достаточно слов для выражения... благодарности Преосвященнейшему Гермогену, доставившему возможность отрешиться от обыденной жизни и получить истинное духовное утешение и наслаждение...»

8 июля 1906 года по благословению епископа Гермогена в Саратове при Братстве Святого Креста получило начало общество религиозно-нравственного просвещения, поставившее своей задачей содействовать «развитию христианского религиозно-нравственного направления в личной, семейной и общественной жизни населения Саратовской епархии».

Эта задача осуществлялась с помощью ежедневного богослужения в церкви-часовне во имя иконы Пресвятой Богородицы «В скорбях и печалях утешение» при архиерейском доме с обязательной ежедневной проповедью, ведения бесед во многих храмах Саратова, издания и раздачи брошюр и листов. За несколько месяцев существования общества было издано около пятидесяти различных наименований листов и двадцать пять различных брошюр. Председателем совета общества был избран священник Сергей Четвериков.

24 сентября 1906 года скончался отец владыки, архимандрит Иннокентий⁶. Он был погребен в правом приделе соборного храма Спасо-Преображенского монастыря. Это был величественной наружности благообразный старец, отличавшийся кротостью и любовью, со всеми в обращении ровный и всем доступный. В последние годы он жил «на покое и имел пребывание в покоях архиерейского дома под любящим и заботливым попечением своего любимого сына».

В начале XX века законодательство страны и экономические условия жизни людей менялись столь стремительно, что большинство дремотно настроенных русских не успевало осознать всю глубину и грядущую для них трагичность происходящих перемен, требовавших принятия решительных и неотлагательных мер для предотвращения катастрофы.

24 марта 1907 года владыка, прося поддержки, писал товарищу обер-прокурора Алексею Петровичу Роговичу: «При сем просвещенному вниманию Вашего Превосходительства имею честь представить два ходатайства моих об учреждении в Саратовской епархии богословской миссионерской церковно-учительской школы и открытии двух миссионерских вакансий. Усерднейше прошу Вас оказать свое доброе содействие удовлетворению моей просьбы. Просьба эта – вопль наболевшей души».

Вслед за этим письмом он направил в Святейший Синод обстоятельно излагающие существо дела прошения⁷. Они были переданы в Училищный совет при Синоде, который на основании того, что законом уже прописаны задачи, внутренняя организация и типы школ, которые, однако, не совпадают с тем, о чем просил владыка, дал отрицательный отзыв на просьбу об открытии миссионерской школы; на основании этого отзыва епископу пришел от обер-прокурора ответ: хотя «школа проектируемого Вашим Преосвященством типа и необходима для Саратовской епархии, Училищный совет при Святейшем Синоде не может, однако, принять на себя учреждение такой школы, ввиду данных в законе точных определений относительно задач и внутренней организации тех школ, которые могут быть открываемы советом для приготовления учащихся в церковные школы, а также и по отсутствию средств на открытие и содержание новых церковно-учительских школ... На основании сего Училищный совет при Святейшем Синоде полагал бы ходатайство Вашего Преосвященства об устройстве в городе Саратове богословской миссионерской церковно-учительской школы представить на благоусмотрение Святейшего Синода, с заключением, что ходатайство это Училищным советом не может быть удовлетворено...».

При наступившем в России государственном кризисе, не сулившем впереди ничего доброго, епископа стали весьма волновать поиски путей выхода из него. После беспорядков 1905 года и создания новых законодательных учреждений и образования партий, появились и партии представителей русского народа – «Союз русского народа», «Русское собрание», «Русский монархический союз» – собравшие около полумиллиона активных участников; и поскольку это были единственные, организованные мирскими людьми, представительства русского народа, то владыка внимательно присматривался к их деятельности, вместе с положительными тенденциями замечая и те недостатки, которые делали многие их мероприятия бесплодными.

Оказалось, что ни приверженность к монархизму, ни патриотические идеи, ни даже любовь к Родине – но без веры в Бога не гарантировали от всех тех недостатков, которые свойственны всякой партийной деятельности, аккумулирующей по преимуществу разрушительные страсти, – одинаково действующие и в организациях антироссийских, и в организациях патриотических.

26 апреля 1907 года в Москве открылся съезд «Объединенного русского народа». На съезд собралось около девятисот делегатов со всей России, он начался крестным ходом из епархиального дома, выстроенного митрополитом Владимиром, в Кремлевский Успенский собор, где были отслужены литургия,

молебен и освящена икона Покрова Божией Матери, день празднования которой и был принят как день празднования всех монархических организаций России. Во время работы съезда 28 апреля был заложен на Ходынском поле «Храм-памятник русской скорби», предназначенный увековечить память убитых от рук террористов-революционеров; это же место впоследствии, после прихода к власти в 1917 году таких же самых террористов-революционеров, продолживших свою кровавую деятельность, уже находясь на вершине власти, стало и первым местом массовых убийств противников большевистского режима, высокопоставленных государственных чиновников царской России и многих святых мучеников.

Владыку Гермогена особенно беспокоило то, что в состав партии «Союз русского народа» входили и активно в ней действовали раскольники и люди неверующие. В этом смысле Союз далеко не отвечал историческим чаяниям русского народа. Религиозное безразличие многих его участников делало невозможным сотрудничество с этой партией в качестве ее членов православного духовенства. Взгляды атеистов и православных, входивших в состав Союза русского народа, на устройство России были совершенно различными. И владыка подал идею создания широкой сети православных братств, из которых мог бы образоваться подлинный союз русского народа; он призвал православных людей создавать такие братства по всей России, чтобы в конце концов они образовали то могучее движение, которое, положив конец смутному времени, предоставило бы возможность русскому народу выразить свой взгляд на собственное государственное устройство. Епископ Гермоген обратился к съезду с письмом, в котором высказал ряд серьезных положений и опасений⁸.

4 июня 1907 года в Саратове в архиерейском доме под председательством епископа Гермогена состоялось многолюдное собрание учредителей и членов Союза русского народа. На собрании было принято решение переименовать Союз русского народа в Православный Всероссийский Братский Союз русского народа. Епископ Гермоген выразил надежду, что Союз русского народа может иметь серьезное значение, «если он действительно станет под покров и руководство Святой Церкви. До сих пор на Союз не без оснований держался взгляд как на определенную лишь политическую партию, и этим объясняется отчасти, что даже пастыри Церкви не считали себя в праве примкнуть к такой группе, которая своим уставом... не разделяет строго православных от раскольников.

Теперь такое разделение должно быть строго проведено. Этим выясняется как самое положение православных людей в Союзе, так и выделяются из него все элементы, которые не могут или не хотят подчиниться водительству нашей Церкви...».

Идеи, положенные в основу устава Православного Всероссийского Братского Союза русского народа, «встретили полное сочувствие и одобрение отца Иоанна Кронштадтского, который прислал в благословение Союзу святую икону».

Летом 1907 года епископ Гермоген отправился в паломничество в Саровскую пустынь и Дивеевский монастырь. Сам стремясь к праведности, владыка очень верил и в молитвы праведников и, встречаясь с подвижниками, с детской верой надеялся на их молитвы и духовную помощь. Здесь он встретился и беседовал с дивеевскими старицами, выражавшими озабоченность и тревогу о происходящем в России в последние годы. Отслужив в Дивеевском монастыре

литургию, владыка зашел в келью к блаженной Парасковье Ивановне*, подошел к ней, положил ей на голову руки и сказал:

– Парасковья Ивановна, много у нас всяких собраний и разговоров, а толку мало; надежда только на помощь Божию; ты ближе нас к Богу, так помолись о нас, – и заплакал.

– Не бойся, святитель, – ответила ему блаженная, – тебя Бог умудрит.

Вернувшись в Саратов, епископ Гермоген после Божественной литургии обратился к молящимся со словом, делясь с ними своими впечатлениями от паломничества. «Особенно назидательны были посещение и беседа со старицами Дивеевской обители, – сказал он. – Эти отрешившиеся от мира подвижницы, проводя время в постоянной молитве и подвигах, не забывают, однако, о государственной и общественной жизни. Они глубоко страдают, печалются и проливают слезы по поводу смут и беспорядков в нашей Родине. Эти свои тяжелые чувства и страдания они открыто высказывают посетителям, и становится ясно, как велики эти страдания и что наши муки и печали пред ними совершенно ничтожны. Особенно эти подвижницы молятся о том, чтобы правители России действовали и работали в таком направлении, чтобы их деятельность служила к миру, спокойствию и ко благу веры православной и дорогой нашей Родины. Они скорбят и печалются, что у Государя нет ревностных и надежных помощников в настоящие смутные дни... Видя и чувствуя эти скорби и страдания за нашу Родину, я невольно думал: если эти подвижницы, отказавшиеся всецело от мира, посвятившие себя всецело на служение Богу, так заботятся и думают о судьбах России, то тем более нам, пастырям, живущим среди мира, должно заботиться всеми возможными нам средствами спасти Россию и работать, работать и работать на благо и пользу нашей православной веры, обожаемого Государя и нашей дорогой Отчизны. И как жалки и лживы показались мне двусмысленные речи тех, которые вкривь и вкось толкуют, что пастыри не должны принимать участия в политических скорбях и болезнях своего народа и своей Отчизны. В настоящее смутное, тяжелое, опасное революционное время трудно указать и разграничить поле пастырской деятельности церковной от политической, гражданской. Да едва ли это и возможно. Враги государства часто, если не всегда, действуют во вред не только государства, но и Церкви, а также и наоборот. Поэтому нам, пастырям, нельзя спокойно молиться у престола, когда кругом происходит смута, страшное волнение, когда многие из народа не знают, где приклонить им свои помутившиеся головы. Как же нам, пастырям, не отозваться, видя вопль и страдания близких нам, своих пасомых?! Как нам не выступить на защиту заветных святынь народа, когда им угрожает великая опасность от врагов святой веры, царя и Родины...

Поэтому я от всей глубины души призываю и пастырей, и вас, благочестивые слушатели, к ревностной, совместной, дружной работе на благо и защиту православной веры, самодержавного царя и Отечества...

В этой совместной, дружной работе, проникнутой внутренним убеждением в полной ее необходимости, воодушевленной верой и молитвой, залог нашего успеха, залог спасения России... Да благословит Господь Бог вас с новыми силами, живой верой и воодушевлением защищать и хранить Святую Церковь Православную и дорогую Отчизну».

* Блаженная Параскева Дивеевская; память 22 сентября/5 октября

15 августа 1907 года, в день Успения Божией Матери, по случаю престольного праздника в домовой церкви в епархиальном доме состоялось торжественное богослужение, в котором участвовало все духовенство города. По его окончании владыка обратился к духовенству со словом.

«Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить вам, сопастыри, мою благодарность за участие в нашем духовном торжестве, – сказал он. – Хотелось бы верить... что это торжество может служить средством к нашему внутреннему единению в нашей общей пастырской работе, на благо наших пасомых. А теперь, как никогда больше, они – наши паствы – нуждаются в крепком, единомысленном духовном руководстве. Поглядите на эти толпы бедного, простого народа – все они, как овцы, не имеющие пастыря, бродят и расхищаются с пажити духовной. Недалеко, кажется, время (чего, конечно, не дай Бог), что пастыри останутся одиночками в стенах своих храмов.

Все, что мы пережили, всю эту духовную, политическую и общественно-бытовую, так сказать, встряску – все это, мы верим, послано Богом для нашего же вразумления, для нашего нравственного отрезвления. И каждый из нас в отдельности, конечно, переживал эту всепоглощающую на своем пути бурю – одни лишь в меньшей степени, другие в большей.

И вот я, в глубине своего духа также перестрадав боль наших дней... пришел по глубоком и серьезном размышлении к убеждению, что необходимо нам, пастырям, пользоваться теперь не храмом только для руководства своих пасомых, но и теми общественными организациями, которые... по нуждам политической жизни, успели уже сложиться...

Я остановился на том, чтобы приблизить русских православных людей, объединившихся в Союзе русского народа, к Церкви – чтобы эта организация прежде всего была близкой, родной нам по духу, а потом уже по плоти.

И вот в Духов день учредители Союза переименовали его в Православный Всероссийский Братский Союз русского народа, чем и засвидетельствовали, что они хотят быть в вопросах гражданского и бытового устройства своей жизни в строгом согласии и неразрывном единстве со Святой Православной нашей Церковью. Теперь уже нет оснований нам, пастырям, сторониться от этих малых наших братьев, – под разными политическими знаменами, вы сами видите, как расхищают ваше духовное стадо.

Поэтому соберите всю силу своего пастырского разума, энергии, проникнитесь идеей своего многоответственного долга пред Богом, историей и народом и ведите своих пасомых по пути, указанному Христом Богом, и собирайте их смятенные души опять в церковную ограду...

Не забывайте одного, что если мы и теперь не пойдем впереди своих пасомых, если мы из ложно понятого либерализма постыдимся малых сих в роде этом, забывшем и Бога, и Святую Церковь Его, то и Христос на Страшном Суде Своим постыдится нас, таких нерадивых пастырей...»

Некоторые из членов Саратовского отделения Союза русского народа не согласились с наименованием «Всероссийский Православный» и открыли против владыки злобную клеветническую кампанию, подвергнув его на своих собраниях насмешкам, не остановились и перед тем, чтобы назвать его даже «безумным».

После торжественного богослужения в кафедральном соборе епископ Гермоген обратился к слушателям со словом. «Я горел самою сильною любовью, когда старался придать Союзу русского народа большую силу, крепость, – сказал он. – Я пламенно молился, чтобы Милосердный Господь Вседержитель с высоты

небес благословил дело святое, дело высоко патриотическое, да усилится любовь друг к другу, к своей Родине! Дав наименование “Всероссийский, православный”, я желал как бы освятить его любовью Церкви, возглавить или, точнее, покрыть его куполом церковным, полным Божественной благодати и истины... И вот они устыдились даже святого наименования – православно-русские не пожелали именоваться “православными”! Не безумие ли это? За мою архипастырскую... апостольскую любовь, они отплатили мне самую черною неблагодарностью, они, эти новые “церковные разбойники”, подвергли глумлениям и осмеяли наших пастырей, наших соратников на ниве Божией, – но нет! я никогда не дам опозорить честное имя священника и служителя у Престола Божия... Они в своем слепом озлоблении осмелились назвать меня, епископа, преемника апостольского, “безумным”! Да запретит им Сам Господь, Всеправедный Судия, да отлучит их от любви Матери Церкви, доколе не исправятся в своих гордых и безумных заблуждениях...»

В декабре 1907 года епископы Орловский Серафим (Чичагов)*, Саратовский Гермоген (Долганев) и протоиерей Иоанн Восторгов** предприняли попытку вывести церковное управление из состояния, как им казалось, летаргического сна. Страна была охвачена революционным огнем, при этом государственными органами, с одобрения Императора, принимались законы, которые при проведении в жизнь еще более упрочивали бесправное положение Церкви и умножали анархию, приближая страну к неминуемому распаду. Приходилось воочию наблюдать небывалое падение нравственности в народе, а деятельность Святейшего Синода в это время едва ли не вся заключалась, как им это виделось, в наблюдении за правильным движением дел и бумаг.

6 декабря после литургии в Андреевском соборе Кронштадта епископы Серафим и Гермоген, духовные дети отца Иоанна Кронштадтского⁹, и протоиерей Иоанн Восторгов посетили отца Иоанна. «Старец встретил их выражением живейшей благодарности за службу и слово назидания и вручил от себя Преосвященным и отцу Иоанну Восторгову святые иконы. Затем с ними он удалился в свою уединенную келью и там беседовал около часа, по его словам, о предметах первейшей важности. Собеседники вышли от отца Иоанна растроганные и в слезах...» Отец Иоанн Кронштадтский одобрил их попытку добиться большего влияния Церкви на жизнь народа.

Впоследствии отец Иоанн каждому из них написал записки; епископу Гермогену он написал: «Видел у себя сегодня дорогого гостя отца Иоанна Восторгова; говорили о текущих делах, особенно ваших. Вы в подвиге; Господь отверзает небо, как архидакону Стефану, и благословляет вас. Дерзайте, благодарите Подвигоположника».

Вскоре после беседы с отцом Иоанном епископы были приняты Императором Николаем; они подали ему записку «По вопросу о современном положении Церкви»¹⁰ и, предложив ему список кандидатов, испросили дозволения расширить состав Святейшего Синода. Каждый из них предполагал свои методы для достижения цели. Епископ Серафим считал, что первенствующий в Синоде митрополит Антоний (Вадковский) должен быть исключен из Синода, как мало способный реагировать на происходящее во время

* Священномученик Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов), впоследствии митрополит; память 28 ноября/11 декабря.

** Священномученик Иоанн (Восторгов); память 23 августа/5 сентября.

обозначившейся катастрофы, и на его место он прочил себя. Епископ Гермоген полагался более на молитву и на добрую волю участников.

Император поддержал епископов, и на зимнюю сессию в начале 1908 года был созван расширенный состав Синода, включавший трех митрополитов – Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), Московского Владимира (Богоявленского) и Киевского Флавиана (Городецкого), архиепископа Томского Макария (Невского), епископов Вологодского Никона (Рождественского), Таврического Алексия (Молчанова), Саратовского Гермогена (Долганева), Орловского Серафима (Чичагова), Пензенского Митрофана (Симашкевича), настоятеля Андреевского собора в Кронштадте протоиерея Иоанна Сергиева¹¹, протопресвитеров придворного духовенства Иоанна Янышева и военного – Александра Желобовского.

Вечером 6 января 1908 года епископ Гермоген отбыл в Петербург; на вокзал в Саратове его пришло провожать множество народа.

Митрополит Антоний, узнав о новом составе Синода и предполагая, что может быть уволен, настолько расстроился, что объявил публично, что болен, и успокоился лишь только после того, как уверился, что слухи о его увольнении не имеют под собой серьезных оснований.

23 января 1908 года состоялось заседание Святейшего Синода под председательством митрополита Антония, сообщившего, что его посетили епископы Гермоген и Серафим, которые предложили ему послать от имени Синода телеграмму Императору с выражением благодарности за состав Синода и обязательства приложить максимум сил для эффективной работы. Затем митрополит заявил, что получил от обер-прокурора Извольского доклад, подписанный членами Синода епископами Серафимом и Гермогеном, и «при глубоком молчании присутствующих объяснил, что Преосвященные Гермоген и Серафим... напрасно присваивают себе звание “членов Синода”, так как звание это дается ныне или по положению, как например митрополитам, или за особые заслуги, как звание почетное. Преосвященные же Гермоген и Серафим суть только “временно присутствующие” на заседаниях Синода...

Окончив свою речь... митрополит Антоний попросил дежурного Обер-секретаря сделать свой доклад об очередных делах. Но тут епископ Гермоген поднялся со словами: “Нас здесь судят... прошу слова в свою защиту”.

Митрополит на это холодно ответил: “Никто вас здесь не судит. Что сказано, то было сказано лишь к сведению. Перехожу к очередным делам. Господин обер-секретарь, потрудитесь читать ваш доклад!”...». И далее стали обсуждаться текущие дела. Митрополитом Антонием сразу же было показано, что никаких принципиальных вопросов в Синоде обсуждаться не будет, а только те, которые подготовлены синодальными чиновниками. Все происшедшее произвело на епископа Гермогена ошеломляющее впечатление.

20 января 1908 года в газете «Голос Москвы» появилась заметка о епископах Гермогене и Серафиме, в которой говорилось: «Самым крупным делом в их глазах представляется низвержение Санкт-Петербургского митрополита Антония. О необходимости этого низвержения Орловский Серафим открыто заявляет не только своим знакомым, но и в кружках полужнакомых лиц. Главным пособником в этом деле является у них товарищ синодального обер-прокурора Рогович».

22 января Алексей Петрович Рогович направил митрополиту Антонию письмо, опровергавшее сообщение газеты¹², которое тут же было опубликовано.

24 января епископ Гермоген писал по этому поводу митрополиту Флавиану: «Почитаю своим долгом прислать Вашему Высокопреосвященству – для справки по порученному Вам в Синоде делу – ответную телеграмму дорогого и святочитимого отца Иоанна Ильича Сергиева. Во вторник, после посещения владыки митрополита Антония и по возвращении домой с глубоко скорбными и тяжелыми по своей горечи душевными чувствованиями, я послал такую телеграмму отцу Иоанну: “Ради Бога помолитесь, дорогой отец Иоанн, чтобы всем нам, присутствующим в Синоде, прийти в полное братское согласие касательно посылки Государю Императору телеграммы, могущей доставить ему истинное духовное утешение, отраду, укрепление”. Ради Бога, дорогой Владыка, не усматривайте в словах, касающихся нынешнего состава Святейшего Синода, какого-либо подчеркивания: ни на йоту не содержится в телеграмме что-либо подобное, вся она составлена с глубоко чистыми и святыми намерениями; и для человека, свободного от всякого предвзятого взгляда или подозрения, это станет ясно как Божий день. Что же касается предвзятых мыслей и чувств подозрения, охвативших душу нашего дорогого владыки митрополита Антония и заставивших его совершить над нами (двумя или тремя членами, присутствующими в Синоде) торжественно некое “пещное действо”¹³, то некоторую основательность или, вернее, небеспричинность их я понял только сегодня, прочитавши письмо (в газете “Колокол”) Алексея Петровича Роговича. Но слава Богу за все!.. Слава Богу, что один из отроков, именно Алексей Петрович, абсолютно не участвовал вместе с нами в благочестивом “заговоре” касательно составления, разработки и открытого исповедывания (докладывания) пред Святейшим Синодом дорогих для нашей веры и жизни церковной предметов, начертанных в оной тайной “записке”, наделавшей столько бед и огорчений... Я весьма рад, что сегодня и для меня все разъяснилось, именно, что... наш Владыка введен в великое заблуждение... что “пещное действо” и другие предшествовавшие явления и отношения к нам имели своей причиной это именно невольное, быть может, заблуждение, а вовсе не намеренное, тем более не злонамеренное стремление произвести на нас, новых членов, присутствующих в Синоде, сильное давление, угнести, придушить и действительно “не дать работать”, как многие предсказывали, что последнее непременно случится. Впрочем, если Богу будет угодно, еще проживем, увидим: может быть, и обретем “единение духа в союзе мира”... [Еф. 4, 3]».

С работой в Синоде, однако, ничего не вышло, тем более что и первенствующий в Синоде митрополит Антоний несколько не верил в возможность какой-либо эффективной работы и, отвечая как-то архиепископу Арсению (Стадницкому) на его вопрос об инциденте, сказал: «Думают, что сразу все можно сделать. Иное дело говорить, а иное – делать, что должно, – не так легко, как им кажется. Они сами увидят и убедятся в этом. Вот, например, реформа духовно-учебных заведений. Ведь вот собирались мы все в прошлый понедельник. Говорили-говорили, а ни к чему не пришли. И я думаю, что из всех этих разговоров ничего не выйдет, – да и по другим вопросам так».

5 апреля 1908 года епископ Гермоген отбыл из Санкт-Петербурга в свою епархию.

Еще в 1901 году Русская Православная Церковь была вынуждена сказать свое слово о религиозном учении Льва Толстого¹⁴ и в связи с этим зафиксировать его положение как человека, отпавшего от Церкви. Толстой в ответе Синоду

подтвердил, что он действительно отрекся от Церкви и является приверженцем изобретенного им учения.

Отец Иоанн Кронштадтский, наблюдая как пастырь духовную разруху, которую всевает учение Толстого в души людей, выступил в проповедях с его обличением¹⁵.

Но русское общество как будто обезумело и в 1908 году, спустя семь лет после отлучения Толстого от Церкви, широко праздновало его 80-летие, проводя в его честь с участием «православных» властей шумные торжества и называя его именем общеобразовательные школы для смущаемого его учением народа. Епископ Гермоген, как архипастырь, не согласился молчаливо наблюдать это безумие, развращающее верующий русский народ, и выступил против публичной демонстрации отступления от Христа¹⁶. Для пастырей он написал и разослал по епархии 28 августа 1908 года соответствующее послание¹⁷.

9 сентября 1908 года стало известно о новом составе Синода; при оставлении первоприсутствующим митрополита Санкт-Петербургского Антония, к работе в Синоде были привлечены митрополиты Московский Владимир (Богоявленский) и Киевский Флавиан (Городецкий), архиепископы Волынский Антоний (Храповицкий), Варшавский Николай (Зиоров), Финляндский Сергей (Страгородский) и епископы Тамбовский Иннокентий (Беляев) и Холмский Евлогий (Георгиевский), но епископов Серафима и Гермогена здесь уже не было, причем епископ Серафим и вовсе был переведен на Кишиневскую кафедру.

13 сентября епископ Серафим (Чичагов) писал владыке Гермогену: «Ваше Преосвященство, возлюбленный Владыко! Что я тебе говорил, то и совершилось. Не хотел ты постараться вразумить Столыпина, повлиять на него, и мы оказались выкинутыми его мощной рукой за борт. Все было решено весною, что мы остаемся в Синоде, и Антоний – уходит... Столыпин настоял на своем, чтобы Антоний остался, а нас удалили. И нас – Хозяин* предал! Тогда, чтобы меня удалить от Царя, Антоний придумал перевести меня в Кишинев...

Вот, дорогой Владыка, как кончился первый акт из русской синодальной трагедии, и научи только нас, Царица Небесная, что нам предпринять для начала второго акта.

Воображаю, как ты поправился за лето с историями и вражескими натисками! Что только опять не пережито! Вижу тебя – и все одного, разрываемого и упорствующего...»

23 сентября 1908 года друг и единомышленник епископов иеромонах Вениамин (Федченков)** писал епископу Гермогену в Саратов, поясняя происшедшее: «Давно я собирался Вам писать по поводу последних событий. Прежде всего, о новом составе Святейшего Синода. Перемена была так неожиданна, что просто руками только остается разводить.

Где причины? Здесь, в Санкт-Петербурге, общее убеждение, что это дело рук Столыпина. “Черносотенный” состав прежнего Синода ему, без сомнения, был неприятен. Владыка Серафим, с которым мне удалось переписаться на днях, предполагает, что Киевский съезд и послание против Толстого до конца “взбесили” его. Но я склонен иначе думать... Дело – в вас, в прежнем составе. Столыпин опасался, что “черносотенный” Синод будет проводить идеи съезда (не говоря уже о прежних Ваших делах и задачах); опасался, что Вы будете настаивать

* Имеется в виду Император, на поддержку которого епископ Серафим возлагал большие надежды.

** Впоследствии митрополит Саратовский и Вольский (1880-1961).

об отмене браков с инославными, будете стремиться изъять дела церковные из хулиганской Думы – неверующих и хулиганствующих интеллигентов. Поэтому нужно было положить конец прежнему составу.

Это первая причина.

Вторая в м<итрополите> Антонии. Помните, еще весною предполагали, что м<итрополит> Антоний после неудачной попытки обратиться к М.Ф.* , вероятно, пойдет к Столыпину. Без сомнения, что Столыпину “штильное” направление м<итрополита> Антония приятно. При нем он все может делать по-своему. Напр<имер>, утверждают, что когда Столыпин, узнал о решении К<иевского> съезда изъять из Думы дела духовные, то совершенно спокойно бросил фразу, вроде того: “все будет по-старому”. Так легко он может обращаться только при митроп<олите> Антонии, его главенстве... Итак, главная цель – это главенство м<итрополита> Антония. Тогда Столыпин мог и спать и делать все спокойно. Пусть съезды, пусть послания – все это будет “в пределах умеренности и аккуратности”. Главное, чтобы не было прежнего Синода...

Особенно скорбит авва Феофан**. Скорбит, что нет твердой руки, не на кого опереться, не у кого просить помощи и пр., и особенно скорбит и возмущается тем, что светская власть (Столыпин), да еще в таком именно (октябристском) духе, вмешивается в дела Церкви.

Он даже предлагает меру: съехаться в Москве (лучше у м<итрополита> Владимира) всем единомышленникам и протестовать как-либо. Вплоть до открытой борьбы с политикой вмешательства, да еще нецерковного вмешательства.

Но я что-то сомневаюсь в практической возможности всего этого. Думаю, нужно действовать иначе – через Гр<игория> Ефимовича [Распутина]...

Что будет, Бог знает – Его святая воля!..

Дорогой Владыка, ответьте что-нибудь. Утешьте хоть немного нас, скорбящих.

Авва Феофан вместе со мной просит благословения и святых молитв. Он очень любит и чтит Вас. Вообще все мы “феофаниты” также почитаем и любим Вас. Вы нам ближе и роднее всех из Владык. Не оставляйте и нас своею любовью...»

В 1908 году у епископа Гермогена возникли искушения, связанные с деятельностью настоятеля и строителя Царицынского Свято-Духовского монастыря иеромонаха Илиодора (Труфанова)¹⁸. Иеромонах Илиодор прибыл в Царицын в марте 1908 года и сразу стал проводить беседы, привлекавшие огромное количество слушателей и одновременно внимание местной, враждебной Церкви левой прессы и городской администрации.

Царицынская полиция обвинила иеромонаха Илиодора в «возбуждении одной части населения против другой и разжигании религиозной нетерпимости». «Саратовский губернатор... воспретил ему всякие публичные выступления с речами, с предупреждением, что, в случае неподчинения этому распоряжению, виновный будет арестован». Одновременно губернатор обратился к епископу Гермогену «с просьбой оказать на отца Илиодора надлежащее воздействие».

27 марта святитель направил иеромонаху Илиодору увещательное послание, в котором, в частности, написал: «Ради Бога, прошу Вас... не старайтесь

* По-видимому, имеется в виду вдовствующая Императрица Мария Федоровна.

** Архимандрит Феофан (Быстров) – в то время ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, впоследствии архиепископ Полтавский.

пользоваться чисто внешней поддержкой народной толпы как массы, хотя и благочестивой; не старайтесь употреблять эту мзду поднятого нервного воодушевления народной толпы как орудие борьбы с кем-либо или угрозы – это средство весьма опасное, подобно взрывчатому снаряду. Этим средством с величайшей опасностью и часто с совершенным вредом для себя и для своего дела пользуются политические митингисты. А между тем я глубоко верю, что Ваш дух, Ваша ревность ищут, собирают, привлекают к Богу народ, как Божие достояние, и не ищут своих си».

После увещаний святителя иеромонах Илиодор стал более сдержан в своих проповедях, стараясь не допускать резких и необдуманных выражений. Однако это нисколько не изменило взгляда на него полиции и чиновников. Царицынская полиция закрыла аудиторию, в которой он выступал, «под предлогом якобы непрочности здания, в котором помещается аудитория», а 10 августа 1908 года избила верующих, обвинив их в неподчинении власти.

И епископ Гермоген вынужден был по этому поводу писать объяснение Синоду¹⁹.

Одним из факторов, внесших беспорядок и смуту в епархиальную жизнь, стали публикации в прессе, которые многое не бывшее изображали на своих страницах как бывшее, вводя в заблуждение и сея смуту в душах читателей. 15 сентября 1908 года епископ Гермоген обратился по этому поводу к Саратовскому губернатору графу Татищеву с письмом, в котором перечислил все искажающие действительность публикации²⁰.

4 октября 1908 года в Саратове открылся епархиальный съезд духовенства. В воскресенье, 5 октября, в день тезоименитства Цесаревича Алексия, владыка служил литургию и молебен в кафедральном соборе Саратова в сослужении священников – председателя съезда, некоторых делегатов и духовенства собора. После литургии святитель обратился к народу со словом.

Он обрисовал «тягостное положение современной церковной проповеди, когда люди и лица, призванные охранять порядок и спокойствие страны, по недоразумению иногда, и даже довольно часто, усматривают в совершенно чистом, здоровом, живом пастырском слове нечто зловерное!..

В примерах мужественных исповеднических подвигов жизни и неумолкаемого слова святителей Московских Петра, Алексия, Ионы и Филиппа да почерпнем мы во благоговении благодатную силу, пастырскую ревность, мученическую крепость и... бесстрашие! Эти святые примеры вдохновят нас, освятят, умудрят и укрепят на тяжелом пути нашего пастырства, нашего делания Христова дела! Помолимся, да дарует Милостивый Господь силу и крепость Царю нашему – помазаннику Неба! И да воспитает, умудрит разумом высоким возлюбленного царственного младенца наследника Цесаревича – этой светлой будущей надежды Святой Руси. Молитесь, русские люди, просите Бога Вседержителя, да выну хранит Господь Государя, Государынь, Наследника и весь царствующий дом!»

После богослужения делегаты съезда духовенства были приняты епископом, где зачитали одобренный съездом текст телеграммы Императору²¹.

Первым подписался под этой телеграммой епископ Гермоген, а затем представители делегатов епархиального съезда.

Вечером того же дня в зале музыкального училища состоялись очередные пастырские беседы, на слушание которых собралось множество людей. «Чтение

начал... Преосвященнейший Гермоген, вдохновенно живым словом, взяв темой – внутренние основы и силы в православно-пастырском трудничестве»²².

Телеграмма епархиального съезда Императору была опубликована в газетах, и «газеты левого направления подвергли текст телеграммы самой ожесточенной... критике, стараясь вместе с тем придать телеграмме характер революционного выступления духовенства».

Едва ли не в тот же день, когда в газете «Братский листок» были опубликованы телеграмма епископа и съезда духовенства Императору и проповедь владыки за богослужением, Саратовский губернатор граф Татищев написал жалобу в Синод.

8 октября епископ Гермоген отправил обер-прокурору разъяснительное письмо, приложив к нему публикацию «Братского листка»; он писал: «Из того обстоятельства, что молодой человек, исправляющий обязанности губернатора в ужасно бойкой революционизированной губернии, осмелился за одно лишь поучение, сказанное в храме епископом, потребовать его удаления из города (!), можно усмотреть, каково это положение... Предается, следовательно, забвению и даже презрению вся самоотверженная деятельность духовного лица в течение почти шестнадцати лет в двух самых вулканических пунктах России: Кавказе и Саратове... Это обстоятельство с вопиющей яркостью доказывает, до какого бесчеловечия и крайности дошли стеснения и преследования со стороны современного духа времени против Православной Церкви и духовенства: дальше идти уже некуда!.. Тоска и мука невыразимо гнетут... дух всех православно-верующих людей, и поистине, “несть мира, несть успокоения ни в градах, ни в весях наших” (молитва Святейшего Синода)...

И надо бы позаботиться именно о православных людях, а не приспособливаться всеми мерами и законами к иноверию и инославиям...»

На следующий день премьер-министр Столыпин, защищая позицию графа Татищева, отправил письмо обер-прокурору Извольскому. «...Оставление дела без последствий, – писал он, – поведет к невозможному положению губернатора, особенно ввиду агитации иступленных людей, рекламируемой и Вашим “Колоколом”. Я нахожу, что необходимо вызвать Гермогена и не пускать его обратно, даже для прощания с епархией, так как неминуемо возникнет новый скандал».

По благословению епископа Гермогена была создана комиссия «для составления доклада Высшей церковной власти в России о том, что всеподданнейшая телеграмма съезда не имеет того революционного характера, какой ей придан в левой печати»²³.

Обер-прокурор Святейшего Синода Извольский в связи с вмешательством Столыпина предупредил протоиерея Иоанна Восторгова о возможности перевода епископа Гермогена на другую кафедру, и протоиерей Иоанн поспешил к отцу Иоанну Кронштадтскому, который, глубоко переживая все происходящее, весьма сочувствовал Преосвященному Гермогену. Для отца Иоанна епископ Гермоген был образцом тех немногих, кто, как и он сам, смело выступили против духа времени, не считаясь с последствиями для своего личного положения. В своем дневнике 13 октября 1908 года отец Иоанн записал: «Господи, защити и удержи в Саратове епископа Гермогена, и да не премогут его нечестивые»²⁴.

Вечером 14 октября правые члены Государственной Думы составили телеграмму на имя митрополита Антония и копию – обер-прокурору Извольскому с просьбой не переводить епископа Гермогена с Саратовской кафедры²⁵.

Узнав о постигших святителя искушениях, многие пастыри и приходы стали обращаться к нему с письмами поддержки²⁶.

Хорошо знавший владыку известный общественный деятель Лев Тихомиров 20 октября 1908 года писал ему: «Я расставался с Вами в полной уверенности иметь удовольствие снова увидеть Вас зимой*, а теперь исчезла не только эта надежда, но слышу об искушениях, окруживших Ваше святительское служение даже и на кафедре Вашей. Не могу воздержаться высказать Вашему Преосвященству свою скорбь по этому поводу, свое уважение к Вашему служению и свою надежду на то, что Господь Бог поддержит Своего служителя имже весть путями.

Тяжелый иску проходит православие на Руси в наши дни, и не только по дружному натиску противников, но и по тому, что в самой православной среде нередко приходится думать: “своя своих не познаша”...

Надеюсь, Преосвященнейший Владыка, что не откажете мне в Вашей молитве о Божьей помощи в трудностях и сложностях, усеивающих и мой скромный путь и нередко затуманивающих понятие о том, что делать для того, чтобы делать не свое, а Божье дело».

Святейший Синод отправил в Саратовскую епархию в качестве ревизора товарища обер-прокурора сенатора Алексея Петровича Роговича, который 27 октября 1908 года вечером должен был прибыть в Царицын. На одной из ближайших к Царицыну станций к ревизору присоединился губернатор граф Татищев в сопровождении начальника Саратовского губернского жандармского управления. Губернатор заявил, что им получена от царицынского полицмейстера телеграмма о том, что Преосвященный Гермоген готовится встретить ревизора на вокзале патриотической манифестацией.

– Не пошлете ли телеграмму об отмене такой встречи? – спросил губернатор.

Алексей Петрович, проявив благоразумие, не стал посылать телеграммы, и когда подъехали к Царицыну, выяснилось, что донесение полиции, которому столь доверяла губернская власть, было ложным: его встретил владыка с двумя протоиереями – ключарем саратовского кафедрального собора и местным благочинным.

Ознакомившись со всем следственным материалом, собранным как епархией, так и судебными властями, товарищ обер-прокурора ознакомился и с письмами в защиту иеромонаха Илиодора, под которыми стояли тысячи подписей, – два письма были поданы ему лично – от православного Братства и от рабочих завода «Урал-Волга». Он побеседовал с некоторыми из подписавших письма, и они рассказали ему, что проповеди отца Илиодора отрезвили их «от революционного угара, вернули к семье, к Церкви, отдалили от пьянства».

29 октября 1908 года епископ Гермоген в заключение истории об избиении полицией верующих направил Алексею Петровичу Роговичу письмо²⁷.

Проанализировав ставшие ему известными факты, синодальный ревизор составил отчет²⁸, после которого епископ Гермоген был оставлен на Саратовской кафедре.

В августе 1909 года Министерство внутренних дел получило сведения, что 27-го и 28 июля на «лесных пристанях города Царицына бастовало около трех тысяч рабочих, причем прекращение работ, помимо причин экономических, было

* Вероятно, он надеялся, что епископ будет вызван для работы в Святейшем Синоде в Санкт-Петербург.

в значительной степени результатом проповеди одного из монастырских священников о необходимости соблюдения всех воскресных и праздничных дней... Подобные проповеди произносились по предписанию епархиальной власти со времени возбуждения в Государственном Совете вопроса о сокращении праздников, причем на необходимости сохранения таковых особенно настаивал в своих проповедях иеромонах Илиодор».

Министерство выслало запрос по этому поводу обер-прокурору Святейшего Синода С.М. Лукьянову, а тот запросил Саратовского епископа Гермогена, который, как считала полиция, поддержал православных рабочих, отправив иеромонаху Илиодору телеграмму: «Имею сведения, что рабочие арестованы за домогательство воскресного отдыха. Узнайте, кто арестован, за что». Обер-прокурор, изложив поступившие к нему сведения, попросил на них отзыв епископа.

Епископ Гермоген образовал комиссию из духовенства по выяснению, кто из рабочих в действительности посещал храмы и праздновал религиозные праздники. Владыка дал свое заключение в письме обер-прокурору Святейшего Синода Лукьянову, изложив все обстоятельства, предшествовавшие забастовке²⁹.

Святитель чрезвычайно был обеспокоен тогда массовой гибелью христианских душ в беспощадных волнах самого грубого разврата, поражающего людей тяжкими болезнями, несущими и духовную и физическую смерть. В 1909 году в связи с известиями о насилии, совершенном в Саратове над восьмилетней девочкой, епископ после богослужения обратился к пастве с горячим призывом к борьбе с развратом³⁰.

В это время в русском образованном обществе мало оставалось людей, готовых к разумной и созидательной деятельности: одни, занимая те или иные высокие посты, служили не Отечеству, а себе, забывая делать и разницу между интересами Родины и собственными; другие хотя и демонстрировали желание действовать на благо Родины, но уже давно не представляли себе, каковы основы этого блага, на чем строилось ранее бытие русского человека и благо страны: отойдя от Православной Церкви, они зачастую действовали, руководствуясь уже исключительно своими страстями, и вместо созидания вносили в общество дух разрушения; третьи – ненавидели Православную Церковь и Россию и сознательно трудились над их разрушением, лишь прикрываясь словами о благе страны. Левые либеральные и революционные газеты постоянно публиковали материалы, чтобы скомпрометировать епископа Гермогена. 6 февраля 1909 года в газете «Саратовский листок» была напечатана статья о том, будто в собрании Православного братства священник Матфей Карманов занимался агитацией с целью препятствовать проведению в жизнь закона об отведении крестьянам земли под хутора. Эта заметка в качестве очередного доноса была препровождена обер-прокурору Святейшего Синода Лукьянову, и тот потребовал от владыки объяснений.

16 мая того же года епископ Гермоген направил обер-прокурору ответ, разъяснив, что эта заметка является всего лишь очередным доносом³¹. Ознакомившись с объяснением епископа, обер-прокурор принял решение все оставить без последствий и не выступать с публичными опровержениями.

Пекущийся о спасении душ архипастырь не боялся враждующего против Истины мира и, подобно святителям Василию Великому и Иоанну Златоусту, защищал православие от проповедей безбожия и разврата, которые стали громко тогда раздаваться с театральных подмостков. Саратовское духовенство выразило

протест против зрелищ, имеющих безнравственный характер. Преосвященный Гермоген поддержал духовенство и написал: «Вполне согласен со взглядом духовенства на характерное течение (противонравственное и противорелигиозное) нынешнего времени; выражаю полную готовность ходатайствовать перед высшею духовною и светскою властью о пресечении... зла».

Епископ Гермоген выступил против постановки в Саратове пьес «Анатэма» и «Анфиса» Леонида Андреева, обратившись с просьбой через предводителя дворянства к Саратовскому губернатору защитить православных, но получил ответ, что «в этих пьесах не видится ничего такого... да и губернатор не имеет права воспрещать пьес, разрешенных цензурой». Владыке стало ясно, что власть отказывается от защиты нравственных основ народной жизни, которые имеют своим источником православие.

14 ноября 1909 года в саратовском кафедральном соборе епископ произнес слово по поводу постановки пьес «Анатэма» и «Анфиса», закончив его обращением к светской власти в лице губернатора графа Татищева, присутствовавшего за богослужением, с ходатайством о принятии всех возможных мер по прекращению возмутительного богохульства и проповеди разврата на театральных подмостках.

В тот же день губернатор отправил министру внутренних дел в Санкт-Петербург шифрованную телеграмму, изложив проповедь епископа о пьесах, в которых, по мнению епископа, «допускается оскорбление Бога... Прося снять пьесы с репертуара... [епископ] указал, что поругание Бога вызывает справедливый народный гнев, с которым власть не может не считаться. Докладывая [об] изложенном, добавляю, пьеса “Анатэма” ставится [по] цензурированному экземпляру... Вчера просьба двух членов Православного братского союза воспретить “Анатэму”... оставлена мной без удовлетворения, разъяснено, что пьеса разрешена цензурой и может быть воспрещена лишь в случае извращения», – писал он.

«Выступая с пастырским словом против пьесы, – писал позже владыка, – я вовсе не имел в виду той или иной литературной ценности ее – а она, по общему признанию, ничтожна – я имел в виду эту пьесу как возмутительный пасквиль против Божественного Провидения и всех дорогих и священных для каждого христианина предметов веры. Ведь уже самый факт оскорбления Божьего Лица и Божьего Промысла, Божьего дела в человечестве должен до глубины души оскорблять и возмущать тех (православных), которые чуть ли не в нескольких шагах от театра славят Того же Господа Бога и все Его чудные дела и спасительное промышление о человечестве!..

Если взять во внимание, повторяю, фактическое оскорбление и высмеивание святейших предметов христианской веры, то поистине представляется весьма странным – чтобы не сказать больше – великодушно-снисходительное отношение к пасквилю против религии некоторых власть имущих светских лиц. В самом деле, люди, которым вверяется внутреннее и внешнее упорядочение и умиротворение действительных, фактически проявляемых сторон жизни и поведения общества, поступают как теоретики-философы, вернее, как сухие канцеляристы: они не находят в пьесах, подобных “Анатэме”, ничего такого, с чем бы следовало серьезно считаться только потому, быть может, что сами пьесы не талантливо... Если же эти люди не философы, не

канцеляристы, так, вероятно, преднамеренные и упорные попустители общественного зла...»

Образованное общество, которое только по имени еще называлось христианским, восстало на владыку за его защиту христианских истин и нравственности, так что святителю пришлось снова объясняться, и на этот раз со своим начальством³².

Хотя революционные волнения, связанные с насилием, к тому времени и прекратились, однако агрессивно безбожное настроение общества осталось почти таким же. Во время крестного хода на Волгу 6 января 1910 года, в праздник Богоявления Господня, когда сонм священнослужителей во главе с епископом Гермогеном в окружении множества православных мирян шел по направлению к Волге, саратовская молодежь стояла по сторонам, уперев руки в бока, в шапках и с папиросами, плевала шелухой семечек и смеялась каким-то демоническим смехом над непонятным для нее христианским торжеством³³.

В 1910 году в проповеди в Вербное воскресенье владыка сказал слово, объясняя, почему вроде бы и верующие и во всяком случае посещающие храмы люди вдруг становятся агрессивными безбожниками³⁴.

Описывая 10-летнее служение епископа Гермогена в Саратовской епархии, газета «Братский листок» писала: «Настойчиво требуя от подведомого духовенства ревности в исполнении своих пастырских обязанностей, владыка принимает все зависящие от него меры к поднятию и возвышению авторитета духовенства, к ограждению его от происков и злоупотреблений со стороны власть имущих – духовных и светских лиц, к поощрению его пастырских трудов...

Со времени вступления Преосвященного владыки Гермогена на Саратовскую кафедру все стало зависеть лично от его архиерейского благоусмотрения вне всяких каких бы то ни было посторонних влияний; потеряла свою силу протекция; прекратились... практиковавшаяся иногда “покупка” лучших и более обеспеченных мест за деньги и другие в подобных случаях злоупотребления, еще так недавно “действовавшие” в епархии. Вне всяких подозрений у духовенства епархии стала канцелярия епископа, во главе которой поставлено лицо с высшим академическим образованием. Только при владыке Гермогене стали возможными случаи, когда неизвестные доселе труженики, им замеченные, переводились им самим на лучшие места в уездные города и даже в самый Саратов, о чем они, не имея связей и протекции, не могли ранее и мечтать.

После духовенства предметом самого бдительного, настойчивого, можно сказать, внимания владыки были и есть храмы, монастыри и школы³⁵. За время святительства владыки Гермогена построено и освящено свыше пятидесяти храмов, из коих в одном Саратове восемь...

Любим жителями города Саратова Серафимовский храм – на конце города, служит он как бы местом паломничества из центра города к преподобному Серафиму для людей, чтущих с особым благоговением память сего угодника Божия. На добровольные пожертвования нищелюбцев во имя преподобного Серафима содержится открытый владыкою при оном храме и им особо покровительствуемый Алексеевский детский приют, в коем воспитывается ежегодно не менее пятидесяти мальчиков-сирот... При владыке же Гермогене открыто вновь около шестидесяти самостоятельных приходов.

Обращено владыкою особенное внимание на благоустройство и умножение монастырей в епархии, скитов, пустыней, – этих, по его словам, живородящих источников, к коим с сердечною верою прибегают все скорбящие, озлобленные,

отягощенные житейскими невзгодами и нуждами люди... За исключением города Камышина все города Саратовской епархии, благодаря трудам и деятельному участию и поддержке – не только нравственной, но и материальной со стороны Преосвященного владыки Гермогена, имеют или будут иметь свои обители или подворья, каковые уже и теперь доставляют утешение, отраду, духовное успокоение и спасение верующему и благочестивому народу русскому...»

После освящения церкви в Саратове

«Чтобы предоставить монашествующим больше удобств для прохождения принятого ими на себя подвига, Преосвященнейшим Гермогеном в первом же году епархиального управления загородное архиерейское помещение, стоящее близ Преображенского монастыря, обращено в общежительный мужской скит, никогда не входный для лиц женского пола, с неопустительным ежедневным, полным, строго уставным богослужением; причем прежняя церковь значительно расширена, существовавшие помещения капитально отремонтированы и немало возведено вновь; сообразно с открывшимися потребностями новых насельников и для лучшего введения и укрепления в нем строго монашеской жизни были вызваны из известной Глинской пустыни семь иноков...

Одновременно с открытием и оборудованием сего скита, и даже несколько раньше, в самом архиерейском доме введен иноческий строй жизни, по чину тоже общежития, причем братии, здесь занятой лишь послушаниями церковными, предоставлена полная возможность отдать себя всецело своему первому и главному делу – молитве, что настойчиво требуется владыкою, постоянно присутствующим на богослужениях...

Таким образом, Преосвященным Гермогеном за истекшее десятилетие воссозданы два близкие к гибели монастыря и вновь открыто, включая Таловскую женскую обитель, двенадцать прибежищ для ищущих “единого на потребу”...»

Протоиерей Сергей Четвериков вспоминал впоследствии о служении владыки в Саратове: «Я прибыл в Саратов на жительство осенью 1901 года, т.е. в одном году с его Преосвященством, и в продолжение шести лет имел возможность близко наблюдать его архипастырскую деятельность. С первой же встречи моей с владыкою его образ не мог не запечатлеться в моей душе, и проведенные мною под его архипастырским водительством шесть лет оставили во мне многие, разнообразные, светлые воспоминания...

С первых же дней моего пребывания в Саратове я узнал владыку Гермогена как народного молитвенника и народного наставника. Потом я еще узнал его как щедрого благотворителя, и с такими чертами своего духовного облика он и остался навсегда в моей памяти.

Что меня еще особенно поражало и привлекало в Преосвященном – это его совершенно юношеская отзывчивость на всякое доброе начинание и полное пренебрежение к своему собственному удобству и покою. Ведь он был владыка – естественно, казалось бы, ему иметь у себя определенные часы для приема посетителей, а в остальное время или заниматься бумажными делами, или литературной работой и т.д., словом, отдавать свой досуг себе, своим интересам. Ничего подобного.

Себе он не принадлежал. В любое время дня к нему являлись гимназисты, гимназистки, и он выходил к ним и беседовал подолгу. Он мог поехать... в гости к какому-нибудь благочестивому мещанину. Когда я, будучи еще едва знаком с ним, заболел, он приехал и ко мне навестить меня, хотя я жил где-то совсем на задворках... Исполненный глубокой, пламенной веры – он является не кабинетным администратором, не далеким от жизни ученым, а живым практическим деятелем, чутко и горячо отзывающимся на духовные нужды своей паствы, не находящим себе ни минуты покоя, жаждущим быть на народе, молиться с ним, утешать его, наставлять его, нести на себе его немощи и болезни. Это архипастырь по преимуществу народный, и народ саратовский полюбил и оценил его...»

Владыка всегда деятельно откликался на беду людей. 30 августа 1910 года в Царицыне в третьем часу ночи на одной из окраин города, где были преимущественно деревянные постройки, вспыхнул пожар, и к пяти часам утра выгорело дотла около двух тысяч домов, так что почти десять тысяч человек остались без крова, имущества и средств к существованию. Епископ Гермоген немедленно стал оказывать помощь, организовав сбор средств по всем приходам епархии – деньгами, вещами и продуктами³⁶.

Посещая храмы епархии, святитель служил с таким благоговением и молитвенным настроением, что крестьяне одного из сел говорили своему священнику: «Деды и прадеды не видали такого. Нам не забыть этого светлого торжества, но из рода в род, от отцов к детям, от детей ко внукам перейдут наши рассказы о приезде владыки Гермогена к нам в село».

В приходах епископ особое внимание уделял церковно-приходским школам, ставшим тогда едва ли не единственным местом просвещения народа. Иногда это бывали села, как село Борки в Сердобском уезде, по которому в 1905-1906 годах огненным колесом прокатился бессмысленный бунт, когда беспощадно разграблялись и сжигались дома, а жители изгонялись. 30 сентября 1910 года владыка посетил храм Покрова Божией Матери в этом селе и сказал слово собравшемуся в храме народу³⁷. С глубоким вниманием люди слушали

епископа, и невольно на их глаза наворачивались слезы покаяния и сожаления о греховно прожитой жизни.

Один из современников писал о деятельности владыки в Саратове: «Ведение пастырских бесед с благословения... Преосвященнейшего Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского, в Саратове началось в зале музыкального училища. Опыт первых бесед, в которых владыка... сам принимал деятельное участие, показал, сколь благотворны и своевременны эти беседы ввиду совершенно иного направления в светском обществе, которое устраивает свои кружки для обмена мнениями, преимущественно отрицательного характера...

Громко и смело раздалась евангельская проповедь... пред массой слушателей... Следуя примеру высокого инициатора столь великого дела и вдохновителя к тому пастырей Церкви, последние стали по мере сил своих, споспешествующей им Божественной благодати проповедовать измученному мраком заблуждений народу правду Евангельскую...»³⁸

«Одну из главных принадлежностей христианского богослужения, одно из лучших украшений его составляет церковное пение. Особенно сильное и глубокое, трогательное впечатление производит оно при массовом всенародном исполнении.

Всенародное церковное пение есть обычай первых веков христианства. В первенствующей Церкви все находившиеся в церковном собрании принимали участие в пении. Так было во времена апостольские (1 Кор. 14, 26; Еф. 5, 19)...

Заботою... нашего архипастыря... епископа Гермогена общее пение заведено уже и у нас во многих церквях...

Архиепископ Никанор... о всенародном церковном пении писал: «Сами поющие здесь же и плачут, стыдятся, а не могут удержать слез». Чтобы убедиться в истинности этих слов, достаточно побывать за умирительными богослужениями нашего владыки, когда все молящиеся принимают участие в пении.

Заметно, с какою бодростью духа и с каким религиозным воодушевлением они участвуют в общем пении и, несмотря на продолжительность истовых архиерейских богослужений, не чувствуют ни усталости, ни скуки...»

Придавая огромное значение церковному пению, архипастырь организовал двухгодичную архиерейскую церковно-певческую школу, по окончании которой выдавалось свидетельство на звание регента. Открывая занятия 1 сентября 1908 года, святитель, по свидетельству современников, сказал: «Не забывают, что церковное пение – это самая лучшая и любимая область нашего простого, верующего народа; хорошо поставленное пение – в духе строгой церковности и заветной старины есть и прекрасное украшение Церкви Божией. Нам дорог дух строгой церковности, и пение, в котором преобладает только техническое усовершенствование и отсутствует совершенно дух церковный, молитвенная настроенность, благоговейное произношение самих слов молитвы, – нам не нужно: подобное пение прилично только на театральных сценах и такие певцы неуместны в церкви... Цель Церкви иная: она во всем – в богослужении, чтении и пении; должно соблюдать строгий порядок, благоговейную тишину, проникновение в высоту небес своим умилением и совершенным отторжением мысли и ума от всего земного, тленного. Вот таким духом и проникнитесь! – к этому призываю руководителя и наставников школы».

Посещая монастыри и приходы епархии, владыка не раз обращал внимание «на то ненормальное положение, какое занимает священник по отношению к

таким сторонам церковно-служебной жизни, как правильная постановка церковного хора; теперь это дело – церковного пения – ведает и исполняет каждый молодец на свой образец. Регент только и старается блеснуть или какой-нибудь новинкой, или какой-нибудь оригинальной музыкой, не считаясь с требованиями старого церковного исполнения и выбора пьес».

Большое значение епископ Гермоген придавал молению перед святынями, для чего из Казанской епархии привозились в Саратовскую всероссийские святыни, такие, как список с чудотворной Казанской иконы Божией Матери и икона Седмиезерская, с которой владыка и верующие совершали крестные ходы в течение десяти месяцев 1910-1911 годов.

В июне 1911 года епископ Гермоген вместе с паломниками провожал Седмиезерскую икону Божией Матери на пароходе по Волге от Саратова до Казани и далее до места ее пребывания – Седмиезерской пустыни. После остановки парохода в городе Вольске, крестный ход направился в собор. Совершив литургию в Вольске, наполовину зараженном расколом и сектантством, епископ Гермоген обратился к молящимся с проповедью³⁹.

Будучи во время паломничества с чудотворной иконой в Царицыне, епископ Гермоген после вечерни пригласил духовенство в архиерейские покои на беседу. Было уже за полночь, но владыка, как когда-то апостол Павел, все не хотел расстаться со своими сотрудниками-пастырями, обсуждая насущные проблемы их совместной деятельности⁴⁰.

Желая придать епархиальному управлению деловой и практический характер, епископ Гермоген постановил, чтобы в епархиальных съездах участвовало выборное, более опытное духовенство, а вопросы, которые должны были обсуждаться на съезде, предварительно разбирались и готовились в особо учрежденном для этой цели подготовительном комитете.

8 октября 1910 года епископ Гермоген собрал в Саратове епархиальный съезд. Владыка предложил съезду обсудить вопрос о переименовании церковно-приходских школ в миссионерские, соответственно расширив их учебную программу. Каждый православный христианин, по мнению владыки, должен, по слову Апостола, дать всякому вопрошающему – неверующему, раскольнику или сектанту – ответ о своем уповании [1 Пет. 3, 15]. Владыка отметил, что на «конфессиональные школы иных христианских исповеданий никто не посягает; даже и Дума их поддерживает. И только одна церковно-приходская школа не дает никому из врагов Православной Церкви покоя. Все чаще и настойчивее раздаются голоса о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения. Нужно дать защитникам церковных школ новый особый мотив для их защиты».

На съезде владыка рассказал о церковно-приходской школе в городе Хвалынске, которая городским самоуправлением никуда не вписана и соответственно лишена финансовой поддержки. В городе была открыта женская гимназия, содержащаяся на средства города. Между тем многие родители отдают своих дочерей в церковно-приходскую школу вместо гимназии, чем светское начальство весьма недоволено. Владыка предложил съезду поддержать его ходатайство перед Святейшим Синодом о преобразовании этой церковно-приходской школы в миссионерскую с тем, чтобы она содержалась из казны. Владыка выразил пожелание, чтобы и женщины в России стали миссионерами.

Епископу Гермогену не раз приходилось отстаивать интересы православных крестьян вверенной ему епархии перед местными властями и земством,

интересы которых все дальше расходились с интересами народа, причем власти шли для достижения своих целей на нарушение закона. Владыка писал об одном из таких случаев: «Общество крестьян села Широкого Саратовского уезда... приговором... пожелало открыть школу церковно-приходскую... По словам... приговора, “Широкинское общество убедилось, что успехи по обучению детей в земско-общественной школе крайне неудовлетворительны, религиозно-нравственное воспитание их стоит на низкой степени, а Саратовская уездная земская управа не только не удовлетворяет требований и желаний по отношению к школе общества, но в школьном деле всячески ему – Обществу – противодействует”. Вот почему Широкинское общество и приняло... постановление: “существующую земскую школу закрыть и просить Преосвященнейшего Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского, принять эту школу в духовное ведомство и обратить ее в церковно-приходскую двухклассную”.

Широкинское общество убедилось в крайне неудовлетворительных успехах и в низкой степени религиозно-нравственного воспитания своих детей из таковых фактов: учительница содержимой земством школы разъезжала по митингам, делом своим по обучению детей не занималась, сама в храм Божий не ходила и детей в него не водила. Саратовская же уездная земская управа не только на это не обращала внимания, но, несмотря на неоднократные жалобы крестьян сей управе, в школьном деле даже всячески противодействовала Широкинскому обществу. После митингов начались в селе Широком пожары: сгорел двор священника, сгорели хутора около села Широкого. Между жителями села начались раздоры из-за земской школы, и, чтобы не дойти до крайних пределов, Широкинское общество обратилось к духовной власти с... общественным приговором об открытии в их общественном школьном здании вместо земской школы церковно-приходской. Осведомившись от самих крестьян-уполномоченных о ненормальном течении жизни в селе Широком... я счел за нужное... удовлетворить их желание и просьбу: открыть в их общественном здании вместо земской школы школу церковно-приходскую, заменив прежних учащихся в ней новыми. Население села Широкого умиротворилось, прекратились раздоры и междоусобия крестьян из-за школы...»

Саратовская уездная земская управа оспорила постановления съездов крестьян, и, хотя они впоследствии были подтверждены крестьянскими съездами дважды – в 1906-м и в 1907 году, Саратовское губернское присутствие в 1910 году отменило решение крестьян и постановило отобрать школу у духовного ведомства и снова превратить ее в земскую, и епископ Гермоген в феврале 1911 года вынужден был обратиться для решения этого вопроса к Императору, прося его «исполнить желание общества села Широкого Саратовского уезда, выраженное им в двух приговорах... о передаче школьного здания духовному ведомству для существования в нем церковно-приходской школы, тем более что решением Саратовского уездного съезда приговор сей два раза утверждался, и только Саратовское губернское присутствие, не соглашаясь с решением уездного съезда, представило его в Правительствующий Сенат для отмены».

Участвуя во Всероссийских миссионерских съездах, владыка настоятельно проводил мысль о необходимости принятия мер для нравственного очищения общества. Выступая в июне 1910 года на съезде в Казани, он сказал: «Из речей всех ораторов-миссионеров... ясно, что всеми глубоко и с болью в сердце сознается крайне неотложная и болезненно уже назревшая потребность

заглянуть в самую глубину, в самую корневую основу тех условий и обстоятельств, которые задерживают или совершенно парализуют успех внешней противоязыческой миссии; всеми ясно и глубоко сознается неотложная необходимость посредством благотворной церковной дисциплины, как бы некоторыми дезинфицирующими врачебными средствами, очистить атмосферу религиозной мысли и людских нравов на всех без исключения пунктах, где проявляет свою деятельность наша миссия... Если миссионер будет сознавать, что не только он, но и все его собратья одинаково одушевлены чувствами и сознанием серьезности и строгости религиозно-церковной дисциплины, он будет дышать этим сознанием единства и силы... тогда как теперь миссионер, выступающий от имени христианского общества, не может указать слушающим его язычникам на своих собратьев по вере.

Известную часть нашего образованного общества можно вполне уподобить языческому обществу древних времен по той злобно-напряженной ненависти к христианству и его духу, которая обнаруживается в возмутительных формах кощунства, издевательства и высмеивания Христова учения и благоговейно чтимых христианами священных лиц и предметов. Отношение некоторой части нашего общества к учению веры, постам, посещению храма, святым Таинствам – что это, как не проявление язычества в жизни? И с уверенностью надо сказать, что такое отношение к вере и правилам жизни имеет самую тесную, непосредственную и живую связь с языческой литературой нашего времени, ею окормляется. Посему языческая литература наших дней, а равно и лица, имеющие деятельное соприкосновение с нею, распространяющие этот злостный дух времени вокруг себя, должны быть подвергнуты церковной дисциплине... Таково было отношение к этому делу святых апостолов и святых отцов и учителей Церкви...»

На миссионерском съезде в Казани епископ Гермоген возглавлял отдел по борьбе с язычеством. Здесь впервые владыка предстал перед широкой аудиторией съехавшихся со всей России пастырей и мирян. Многие знали его ранее только по революционного толка газетным статьям. Корреспондент газеты «Колокол», передавая впечатление, какое произвел епископ Гермоген на присутствующих на съезде, писал: «Оказывается, не знаящие раньше лично Преосвященного Гермогена представляли его прежде всего человеком “атлетического вида”, свирепым, замкнутым, мрачным фанатиком, одно лишь небо взирающим и все земное безжалостно попирающим...

А на самом деле оказалось, что “подлинный” епископ Гермоген совсем не так страшен. Он ниже среднего роста, вечно усталый от трудов и истомленный телом, но бодрый духом, полный внутреннего постоянного горения, забот и тревог, прежде всего о Церкви Божией, а потом уже о дорогой Родине.

Сильно подернутая сединой небольшая борода и длинные, прямо спускающиеся на плечи волосы – свидетельствуют о преполовлении века земного странствия владыки... а серьезно развивающийся недуг (болезнь сердца) показывает, что прожито более, чем осталось жить в этой юдоли зла и скорбей. В тихих ласковых глазах, постоянной улыбке на устах светится чарующая кротость и бесконечная благодать, сострадающая всему, кажется, миру; добавьте к этому звонкий, глубоко в душу западающий, юношеской свежести голос, деликатность в обхождении и всегдашнюю доступность его всем и во всякое время, широкую образованность... прибавьте к этому постоянную благоговейную и религиозную возвышенную настроенность не только в алтаре, но на всяком другом месте и во

времени, которою владыка обвеваает всякое свое дело и слово и создает особую атмосферу вокруг, искренность и смелость суждений, выдающийся ораторский дар, твердость и определенность религиозного и политического *credo* – и вы поймете то обаяние, которое всякий испытывает не только после близкого знакомства, но и краткой беседы от Саратовского архипастыря.

Владыку Гермогена привыкли считать прежде всего политическим деятелем, а на самом деле он терпеть не может политики, и если учредил в Саратове Братский союз, то исключительно в целях включения народной политической волны в русло церковно-нравственной жизни».

Епископ Гермоген подготовил и прочел в Святейшем Синоде доклад, где приводил обоснования необходимости отлучения некоторых русских писателей от Церкви. По инициативе автора доклад был отпечатан и роздан членам Государственного Совета и многим влиятельным лицам. Государственные чиновники остались к нравственной стороне поднятых вопросов равнодушны, в большинстве своем малодушно боясь задевать общественных кумиров.

21 января 1910 года иеромонах Вениамин (Федченков) отправил епископу Гермогену письмо, касающееся Григория Распутина⁴¹.

5 апреля того же года о том же писал владыке его брат, священник Ефрем. «На меня возложено весьма серьезное поручение – передать Вам, Владыка, от лица петербургских Ваших почитателей следующее, – писал он. – Известный Вам братец Григорий Евфимович находится под подозрением в принадлежности к сектантству... Преосвященный Феофан*, ректор академии, писал письмо Государю, предупреждая его, что Григорий Евфим<ович> подозревается в сектантстве. Преосв<ященный> Антоний Тверской (бывш<ий> Тобольский, где находится Верхотурье – родина Григория Евфим<овича>) доносит Св<ятейшему> Синоду о результатах произведенного им дознания относительно деятельности Григория Евфимовича в Тобольской епархии. Из этого донесения явствует, что упомянутый братец принадлежит к секте – хлыстовству...»

Летом 1910 года епископ Гермоген был в Петербурге; о цели его приезда либеральные газеты писали, что он приехал будто бы хлопотать за Распутина, в связи со слухами о его хлыстовстве. Корреспондент газеты «Новое время», посетивший епископа Гермогена в Александро-Невской Лавре, спросил его, так ли это; владыка это отверг и рассказал о цели приезда⁴².

Наблюдая за событиями государственной, церковной и народной жизни, владыка пришел к выводу о почти полной безнадежности сложившегося положения. Страна жила так, как будто она уже была оккупирована. Острее всего он переживал за положение Православной Церкви – спасительного корабля, плавание которого в водах российской государственности становилось все более опасным. Раздумывая над происходящим, святитель опубликовал в газете «Братский листок» специальную статью под названием «Тяжкое и нестерпимое бедствие, переживаемое ныне Россией»⁴³.

После перевода в 1906 году с поста Саратовского губернатора П.А. Столыпина, епископ Гермоген столкнулся со сложностями во взаимопонимании с его преемниками, в значительной степени сочувствовавшими либералам и революционерам, для которых епископ Гермоген, активно защищавший паству и интересы Церкви, стал к этому времени открытым врагом.

* Быстров.

6 декабря 1910 года епископ Гермоген направил Саратовскому губернатору графу Татищеву письмо с просьбой допустить к служению в тюремной церкви назначенного им священника. Губернатор не допустил священника, ответив, что в исправительные учреждения священники назначаются светской властью, и поскольку священник «на означенную должность губернатором не назначался, то и к отправлению ее губернатором допущен быть не может».

Епископ смирился с этим, но попросил губернатора назначить священником в тюремный храм кого-либо из пастырей города Саратова; священник был назначен, но с выбором кандидата уже не согласился епископ, и таким образом между церковной и светской властью возник конфликт.

Объясняя существо дела, епископ Гермоген вынужден был 20 января 1911 года написать Столыпину подробное письмо⁴⁴.

Бестактное поведение исполняющего обязанности Саратовского губернатора по отношению к правящему архиерею было поставлено ему Столыпиным на вид⁴⁵.

Но все это мало повлияло на взаимоотношения светской и духовной власти; интерпретация закона всегда зависит от убеждений и позиции наблюдающего за исполнением закона, и занимающий ответственную должность неверующий человек неизбежно будет толковать закон в пользу неверующих.

Революционные беспорядки и анархия коснулись не только заводов и фабрик, выявив недееспособность государственного аппарата, но и духовных учебных заведений. Не избежала их и Саратовская Духовная семинария, где, так же как и во всем обществе, царил антихристианский дух стадности и товарищества без дружества; у большинства учеников было потеряно представление о духовном и даже нравственном содержании образования, о том, на какое поприще они должны были из учебного заведения выйти, чему и Кому служить. Сословное общество и обучение, дававшее преимущество происхождению, а не таланту, стало претерпевать крах: дети псаломщиков, диаконов и священников недостаточно в своих семьях были религиозно воспитаны и научены благочестию, и первое же испытание их современным мятежным духом денницы оказалось для них сокрушительным. После потворствовавшего низким страстям учащегося инспектора семинарии, на эту должность был назначен близкий епископу Гермогену и строго державшийся православного духа преподаватель Алексей Иванович Целебровский⁴⁶.

Преподавателями, администрацией семинарии и епископом Гермогеном были предприняты значительные усилия для восстановления порядка. Главным образом руководство семинарии стремилось добиться того, чтобы каждый ученик вне влияния своих товарищей высказал свою собственную позицию – желает ли он учиться или нет.

Среди учащихся были такие, кто предпочел образование и выразил свое несогласие с устроителями беспорядков; были те, кто не имел своей точки зрения и предпочел сделать свой выбор на основании постановления своих товарищей; были и те, кто прямо заявил, что не желает учиться. В результате тридцать шесть человек зачинщиков были отчислены из семинарии, семьдесят два – отчислены с правом поступления в семинарию на следующий год после сдачи соответствующих экзаменов, а двести пятьдесят три воспитанника допущены к продолжению учебных занятий. Впоследствии после просьб некоторых учеников к епископу Гермогену, владыка ходатайствовал перед Святейшим Синодом о

смягчении дисциплинарных мер относительно некоторых семинаристов, и его ходатайство было удовлетворено.

В 1910 году, вопреки пожеланиям епископа Гермогена, Святейший Синод назначил ректором Саратовской Духовной семинарии архимандрита Василия (Бирюкова); он не вникал ни в учебный, ни в воспитательный процессы, и, когда семинаристы стали выдвигать незаконные требования, например исправить полученные ими вполне справедливо, неудовлетворительные оценки, стал на сторону учеников против инспектора. Однако преподаватели не согласились с этим, и семинаристы устроили забастовку, перестав отвечать во время уроков на вопросы. В стенах семинарии при архимандрите Василии снова стали распространяться пороки пьянства и курения; один из семинаристов за разврат и пьянство был отчислен. Семинаристы завели нелегальную библиотеку и печатали на гектографе журнал, наполняя его кощунственными статьями и продавая по 10 копеек. В одном из номеров журнала содержались написанные отчисленным семинаристом статьи «с кощунственными выходками против таких святынь, как Казанская икона Божией Матери, и таких лиц, как почивший всероссийский молитвенник и пастырь отец Иоанн Кронштадтский и... Преосвященный епископ Гермоген». Лишь небольшая группа семинаристов восстала против творящихся в семинарии безобразий и выразила ясное желание учиться и трудиться впоследствии на том поприще, к которому их готовила семинария.

1 февраля 1911 года один из семинаристов купил финский нож и передал его отчисленному за беспорядки семинаристу.

Инспектор семинарии предчувствовал кончину и, едва ли не в день смерти беседуя с женой, обсуждал с ней, «следует ли допускать семинаристов к участию в панихидах над ним, когда его убьют». 12 марта 1911 года после всенощной, на которой совершалось поклонение Животворящему Кресту Господню, Алексей Иванович стоял у храма, пропуская выходивших из храма богомольцев, когда к нему подошел отчисленный из семинарии изрядно выпивший юноша и нанес ему смертельный удар ножом в живот, а когда инспектор выпрямился и сделал несколько шагов, ударил его ножом в спину. Убийца был арестован, вместе с ним были арестованы его единомышленники из семинаристов. После того как они были заключены в полицейский участок, ректор семинарии, архимандрит Василий, распорядился посылать им из семинарской кухни обед, что вызвало у многих возмущение и недоумение. Убийца впоследствии был приговорен к восьми годам каторжных работ, а ректор уволен от службы в воспитательных учреждениях.

На сороковой день после убийства инспектора, 20 апреля 1911 года, епископ Гермоген служил в кафедральном соборе заупокойную Божественную литургию, по окончании которой, обращаясь к молящемуся народу, наставникам семинарии и учащимся, присутствовавшим здесь в полном составе, сказал слово о трагической кончине инспектора⁴⁷; оно произвело огромное впечатление на собравшихся, и горько плакал отец-священник, сын которого оказался в тюрьме по делу об убийстве. В тот же день владыка посетил осиротевшую семью покойного и разделил с ней поминальную трапезу.

На престольный праздник семинарии, в день памяти святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 26 сентября 1911 года после литургии в семинарском храме владыка снова вернулся к теме свершившегося злодеяния. «С ужасом и негодованием говорим, что наши семинарии, – сказал он, – наполовину сгнили, негодны стали для тех целей, ради которых они учреждены.

Народ нуждается в образованных священниках; с народа берутся деньги на содержание семинарии, а идут в священники два-три человека в год из окончивших курс семинарии.

Теперь, когда семинарист принимает священство, это – уже роскошь, особая радость. Дай Бог обновиться семинарии! Егоже любит Господь, наказует [Притч. 3, 12]. Мы уже наказаны. Нужно своим добрым поведением снять позор с семинарии. Дай Бог, чтобы из среды вас побольше вышло священников и этим искуплен был грех тех, кто от вас вышел, но не был по духу вашим; этим утешится дух и приснопамятного мученика семинарии Алексея Ивановича».

30 мая 1911 года, в день Святого Духа, в зале музыкального училища состоялось торжественное открытие Православного церковного собрания, задуманного как постоянно действующее православное просветительское общество. Первое заседание было посвящено вопросу: насколько, независимо от времени, остаются важными догматы Православной Церкви. обстоятельный доклад на эту тему прочитал протоиерей Сергей Ильменский*. После него сказал слово епископ Гермоген, речь которого длилась около часа и была впоследствии по памяти записана слушателями⁴⁸. Церковное собрание закончилось пением молитв, и его участники разошлись в начале двенадцатого часа ночи, благодарные и облагодатствованные словом просвещения и общей усердной и искренней молитвой.

Как всякое кризисное время, начало XX столетия в России было близко по своему содержанию к эпохе апокалиптической, и казалось, что ничто не могло уже ее удержать от стремительного движения к разрушению и гибели. Всякое мужественное выступление тогда становится подобно внесенному во тьму свету, освещающему в нравственном отношении самые темные закоулки общества, в котором повсеместно царила атмосфера цинизма, когда считалось само собой разумеющимся ставить интересы личные выше национально-государственных, которые некоторыми уже вовсе переставали осознаваться – есть ли они вообще и каковы они.

Начался второй акт, по выражению епископа Серафима (Чичагова), «русской синодальной трагедии». В заседаниях зимней сессии Святейшего Синода 1911-1912 года должны были участвовать митрополиты Санкт-Петербургский Антоний, Московский Владимир, Киевский Флавиан, архиепископы Финляндский Сергей и Волынский Антоний и епископы Кишиневский Серафим, Саратовский Гермоген, Полтавский Назарий, Вологодский Никон и Холмский Евлогий.

23 октября 1911 года епископ Гермоген отслужил Божественную литургию в Спасо-Преображенском монастыре, а затем – заупокойную литию на могиле отца и долго и горячо здесь молился. В тот же день, в семь часов вечера поезд отправлялся из Саратова. «Проводить владыку на вокзал собралось все городское духовенство, представители духовно-учебных заведений и масса народа... Весь дебаркадер вокзала был до чрезвычайной тесноты усеян народом, собравшимся проводить любимого архипастыря. Владыка всем преподал... благословение, благодарил за оказанное ему внимание и провожаемый молитвенными благопожеланиями, под общее пение “ис полла эти деспота” отбыл в Санкт-Петербург».

Саратовская газета «Братский листок» писала о планах владыки: «Преосвященнейший Гермоген готовится выступить в Святейшем Синоде с целым

* Впоследствии епископ Соликамский, викарий Пермской епархии Феофан.

рядом докладов по самым живым и насущным для Церкви и православных русских людей вопросам. Будем утешать себя надеждой, что Господь пошлет... владыке радость успеха, что его труды на благо Церкви и неразрывно связанного с ним блага русского народа принесут обильный и богатый плод».

7 ноября 1911 года митрополит Московский Владимир представил в Святейший Синод ходатайство «о присвоении сестрам Марфо-Мариинской обители милосердия в городе Москве именованию “диаконисс”».

Устав Марфо-Мариинской обители был уже утвержден, но вызвал горячее обсуждение вопрос, можно ли именоваться сестрам диакониссами, то есть именоваться по чину, существовавшему в IV-VII веках, без восстановления самого этого чина. Восемь архиереев, присутствовавших на заседании Святейшего Синода, выступили за наименование старших сестер Марфо-Мариинской обители диакониссами, с тем чтобы вопрос о восстановлении «в Российской Церкви диаконисского служения в полном его древнем объеме... признать подлежащим разрешению на предстоящем Поместном Соборе Российской Церкви».

Епископ Гермоген, ревнуя о чистоте православия, выступил с особым мнением, справедливо упрекая устроительницу Марфо-Мариинской обители великую княгиню Елизавету Федоровну* в подражании протестантизму⁴⁹.

На том же заседании Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) выступил с особым мнением, согласным с мнением епископа Гермогена. Он писал: «Пока не восстановлен чин диаконисс в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть усвоено наименование диаконисс, в чине коих они не состоят».

15 декабря 1911 года епископ Гермоген послал телеграмму Государю как верховному защитнику и охранителю устоев православного государства. Он писал: «В настоящее время в Святейшем Синоде поспешно усиливаются проводить некоторые учреждения и определения прямо противоканонического характера... Святейший Синод учреждает в городе Москве чисто еретическую корпорацию диаконисс, подавая основательнице сей обители великой княгине Елизавете Федоровне “камень вместо хлеба, фальшивое, подложное учреждение вместо истинного”... В Святейшем Синоде голосовали введение в Православной Церкви грубо противоканонического чина заупокойного моления Православной Церкви о еретиках инославных... чем оказывается открытое попустительство и самовольное бесчинное снисхождение к противникам Православной Церкви».

1 января 1912 года Император, рассмотрев предложение Синода, написал: «Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония». На заседании Святейшего Синода 10 января 1912 года Синод постановил сообщить резолюцию Императора митрополиту Владимиру к исполнению, и таким образом наименование «диакониссы» принято не было.

К 1911 году окончательно утвердилось влияние Распутина на императорскую чету. К этому же времени рассеялось заблуждение самого епископа Гермогена, как и многих других, касающееся личности Распутина: все суждения о Распутине, как о человеке распутном, оказались вполне справедливы. Кроме того, многие из фактов, касающихся жизни Распутина, стали достоянием гласности, вместе с этим стал достоянием гласности и факт доверительного общения с ним императорской семьи. Глубоко скорбя о происходящем на глазах всех беззаконии, епископ Гермоген вознамерился защитить Императора, а вместе

* Преподобномученица Елисавета; память 5/18 июля.

с ним и Россию. Это было благое, но необдуманное решение. Суд над властью в России был уже произнесен: «...исчислил Бог царство твое и положил конец ему... ты взвешен на весах и найден слишком легким» (Дан. 5, 26-27). Как и всякое время суда – это время и приближения духа антихристового; как страшный прибой, он волна за волной разбивал Богосозданный мир, и каждый раз в этой волне отражалось, точно в капле, далекое будущее, и оттого многие, принимая это будущее за настоящее, переставали сопротивляться злу силой.

Ни епископ Гермоген, ни другие архиереи и благочестивцы, боровшиеся против нашедшего себе приют в императорском дворце шарлатана, не учитывали трудности и даже полной невозможности объясниться с людьми, находящимися в состоянии прелести.

16 декабря 1911 года епископ Гермоген пригласил к себе Распутина на Ярославское подворье, где останавливался, когда приезжал на заседания Синода. Он намеревался добиться от Распутина, чтобы тот поклялся, что не будет посещать семью Императора.

По рассказам свидетелей, епископ Гермоген стал обличать его за распутство. Ошеломленный неожиданностью происходящего и не найдя слов для оправдания, Распутин признал справедливыми выдвинутые против него обвинения. Пройдя с Распутиным в домовый храм подворья, епископ Гермоген потребовал, чтобы Распутин поклялся на кресте и Евангелии, что исполнит ту епитимию, которую он ему даст. Распутин согласился.

Святитель запретил ему бывать в доме Государя, а вместо того «поехать в Киев, посоветоваться там с Киево-Печерскими старцами, как ему замаливать свои тяжкие грехи; оттуда проехать на Афон и, очистившись от своей скверны, уехать в Иерусалим на поклонение тамошним святыням. “Приедешь в Россию не раньше, чем через три года, – сказал владыка. – И если я буду к тому времени жив, то посмотрю, испытаю тебя и, если найду тебя достойным, то разрешу тебе побывать в царском доме. Если же не исполнишь моего прещения, то анафемствую тебя”. Распутин обещал исполнить все, что приказал ему епископ, но чуть ли не в тот же день явился к А.А. Вырубовой с жалобами, что его избили, порвали на нем одежду и повалили на пол»⁵⁰.

Клевета Распутина на святителя достигла слуха императорской четы, и обер-прокурору оставалось – в чем он и видел свой долг – исполнить желание Императора: убрать епископа Гермогена из Санкт-Петербурга таким образом, чтобы это решение было оформлено в соответствии с церковными правилами. 2 января 1912 года обер-прокурор Саблер подготовил доклад об увольнении епископа Гермогена от присутствия в Синоде в Саратовскую епархию, аргументируя это насущной необходимостью епархиальной жизни, требующей присутствия архиерея в епархии, весьма щадя тем самым чувства владыки и выгораживая его от неудобного положения перед паствой при столь внезапном увольнении в середине синодальных заседаний.

«Саратовская епархия, – писал Саблер в подписанном затем Императором докладе, – ввиду значительного количества в ней инославного и иноверного населения, широко развивающего пропаганду своих верований, особенно сильно нуждается в миссионерской и просветительной деятельности православного духовенства. Как усматривается из доходящих до Святейшего Синода сведений, в означенной епархии в самое последнее время, под влиянием многочисленных немецких колоний, раскинувшихся по преимуществу на юге епархии (Камышинский уезд), стали замечаться быстрый рост и усиление баптистского

лжеучения, грозящего великим вредом и опасностями не только Православной Церкви, но и государству. Возникает посему для этой епархии особая надобность в постоянном и неослабном архипастырском наблюдении и попечении.

Представляя о вышеизложенном на благовоззрение Вашего Императорского Величества, приемлю долг всеподданнейше испрашивать Высочайшее соизволение на увольнение присутствующего в Святейшем Синоде Преосвященного Гермогена епископа Саратовского во вверенную ему епархию»

На следующий день Император подписал согласие на увольнение епископа Гермогена от присутствия в Святейшем Синоде. Этим действием само собой выяснилось, что обер-прокурор может обходиться при принятии решений об увольнениях и перемещениях архиереев вообще без Святейшего Синода. 7 января это положение было все же формально исправлено – указ был заслушан задним числом бывшими в то время в Санкт-Петербурге тремя архиереями, входившими в состав Святейшего Синода – митрополитом Антонием (Вадковским), архиепископом Сергием (Страгородским) и епископом Никоном (Рождественским), – но что они могли возразить против уже подписанного Императором указа, как они об этом думали тогда. В тот же день обер-прокурор Святейшего Синода Саблер довел это решение до сведения владыки Гермогена, прибыв к нему на Ярославское подворье.

Саблер держался во время встречи предупредительно и любезно. Но это только возмутило владыку, напоминая ему, как он заметил впоследствии, «ласки Нерона, снимающего головы со своих “любимцев”». В беседе с Саблером епископ высказал свой справедливый гнев на грубое оскорбление его как архиерея перед всей Православной Церковью.

Саблер смутился и стал уверять епископа, что увольнение от него не зависит, что оно вызвано исключительно необходимостью пребывания того в Саратовской епархии, так как там может произойти беспорядок, вызванный иеромонахом Илиодором, за которым надо присматривать. И для епископа лучше будет уехать, и, в конце концов, такова воля Государя.

Человек чистый и простодушный, полагающийся более на религиозные чувства и правила жизни, лежащие целиком в области исполнения заповедей Христовых, епископ Гермоген совершенно отметал возможность действий столь, по его мнению, подлых и не имеющих отношения к Церкви, как интрига со стороны Распутина; он считал, что причина все же находится в области церковных вопросов и все дело в том, что в угоду власть имущим Саблер готов внести некоторые новшества в жизнь Православной Церкви. И уже позже, когда о связи между его увольнением и выступлением против влияния Распутина на царскую семью стали заявлять публично другие архиереи, он вынужден был согласиться, что эта связь существует.

Выслушав обер-прокурора, епископ Гермоген сказал: «Да будет вам известно, что для меня все равно, где я буду жить, в Саратове или в Сибири, но знайте, я никогда не перестану защищать истину и канонические основы Православной Церкви. Я буду протестовать самым энергичным образом против введения в Православной Церкви грубо противоканонического чина заупокойного моления об инославных еретиках. Введение этого чина я считаю не только не каноничным, но самовольным бесчинным снисхождением к еретикам. Вы, Владимир Карлович, здесь поступили несправедливо, не по совести, а теперь замаете следы. Будучи по существу оком Государя в Святейшем Синоде, вы являетесь засоренным оком и руководитесь личною злобою и местью ко мне. Вы

являетесь защитой чисто еретической корпорации диаконисс в Русской Православной Церкви. Нельзя этот вопрос решать так поспешно». Владыка затем стал настаивать «на образовании комиссии из нескольких епископов для согласования решения Синода, после изучения вопроса, с постановлениями Вселенских Соборов и святоотеческою литературою. “За вашу неискренность вас постигнет Божия кара. Господь вас покарает!..”», – сказал он обер-прокурору.

Саблер возразил епископу, что тот напрасно обиделся, стал говорить о любви Христа и что нельзя предавать проклятию. Владыка ответил: «Я и не обижаюсь лично за себя. Я только негодую на вас за те дела, которые вы хотите выдать за дела Православной Церкви. Я всего этого не могу оставить без энергичного протеста. А если и Святейший Синод введет, например, противоканонический чин в Православную Церковь, то предстоящий Церковный Собор выразит ему порицание, и его неканонические действия на Соборе будут подвергнуты осуждению». В заключение епископ Гермоген укорил Саблера за лицемерие, чиновничью изворотливость, бюрократические подвохи и обходы неугодных ему людей. Видя, что владыка настроен непреклонно отрицательно к его образу действий, Саблер покинул его.

На следующий день корреспондент газеты «Вечернее время» обратился к одному из иерархов, прося его пояснить происшедшее.

«Увольнение это произошло совершенно неожиданно, – сказал тот, – еще третьего дня, вечером, я беседовал по телефону с Преосвященным Гермогеном относительно некоторых вопросов, подлежащих обсуждению на первом заседании Святейшего Синода, а вчера утром уже был объявлен указ о разрешении владыке возвратиться в свою епархию... В первый же день по прибытии в Петербург, в начале зимней сессии, он высказался, что крайне огорчен бесплодностью работ Святейшего Синода и полной зависимостью последних от указаний Совета Министров и других светских лиц и учреждений и потому намерен сделать попытку возратить Высшему церковному управлению в России хотя бы некоторую самостоятельность. Намерение Преосвященного Гермогена было в высокой степени симпатично, но, к сожалению, прочие члены Святейшего Синода не поддержали его, и на первых же шагах владыка оказался в одиночестве. Это, однако, не обескуражило его, и он с обычной прямоотой и смелостью стал подавать особые мнения, идущие вразрез с определениями Святейшего Синода. Так он высказался против восстановления диаконисс и составления особой панихиды за иноверцев, о которых хлопотали весьма высокопоставленные лица. Далее, он настаивал на применении в синодальных решениях начал строгой соборности, а не угождения сильным мира сего и т.д. Но самыми главными поводами к увольнению епископа Гермогена послужили его последнее столкновение с известным “старцем” Григорием Распутиным, отказ принять участие во встрече английских церковных гостей и отрицательное отношение к обсуждаемому пока в величайшей тайне проекту о восстановлении в России так называемого синодального патриаршества. Несколько времени назад, под давлением некоторых кружков, среди синодальных иерархов был поднят вопрос о возведении Григория Распутина в сан священника. Преосвященный Гермоген энергично воспротивился этому, причем на фактах показал, что, в сущности, представляет собой названный “старец”, которого бы следовало даже отлучить от Церкви за его деяния, а не то что рукополагать в иереи. Точно так же он категорически высказался и против чествования в Святейшем Синоде англиканских епископов, указывая, что с последними можно

вести переговоры о соединении их с Православной Церковью, но отдавать им почести как иерархам отнюдь нельзя. Наконец и к вопросу о восстановлении в России Патриарха “для возглавления” Святейшего Синода Преосвященный Гермоген также отнесся отрицательно, находя, что с канонической точки зрения подобный “синодальный” Патриарх – абсурд, и во главе Русской Церкви либо должен стать полномочный Патриарх и обер-прокуроры должны быть тогда упразднены, либо должен остаться коллегиальный порядок управления в лице Святейшего Синода. И так как, благодаря своей огромной эрудиции и выдающимся познаниям в области церковного права, Преосвященный Гермоген подкрепил все свои положения неопровержимыми требованиями канонов церковных, то Святейший Синод, будучи бессильным опровергнуть его, не нашел другого средства, как удалить его из своего состава».

10 января, беседуя с корреспондентом «Вечернего времени», владыка Гермоген сказал: «Каких-нибудь три месяца назад я ехал в Петербург полный самых радужных Надежд... я надеялся, что у нас примутся наконец за благоустройство Православной Церкви, и, чтобы внести и свою каплю труда в это дело и не предстать неподготовленным, я вез с собою целый ряд докладов и проектов весьма важного значения. С первых же шагов в духовных сферах я убедился, что все здесь пойдет по-старому. Когда я вступил в отправление своих обязанностей в Святейшем Синоде и когда на нас посыпались, как из рога изобилия, все эти бракоразводные, судебные, административные и прочие дела, я окончательно пришел к убеждению, что ни одного из своих проектов общецерковного значения я не в силах буду провести. Поэтому я покидаю Петербург без всякого огорчения. Лучше совсем не участвовать в делах церковного управления, чем сводить все участие к простой подписи журналов, определений и протоколов, большей части которых даже и не сочувствуешь. По всей вероятности, репрессии против меня не окончатся моим удалением из состава Святейшего Синода, и нет ничего невозможного, что через некоторое время меня переместят в какую-либо глухую епархию или даже вовсе уволят на покой. Но и это не только не пугает, но даже радует меня. Ведь если бы что-либо подобное случилось, я в праве буду рассчитывать на ту великую награду на небесах, которую обещает Господь Иисус Христос тем, кого “изгонят или изженут” имени Его ради. Итак, я уезжаю из Петербурга, но это не значит, что я вовсе откажусь от дел церковных. Я возьму себе примером приснопамятного святителя Московского Филарета, который также в свое время был удален из состава Святейшего Синода, но сделал для Русской Церкви столько, сколько дай Бог каждому из нас. Конечно, я не чувствую в себе силы и талантов Филарета, но с Божией помощью кое-что, может быть, совершу и я для блага Святой Православной Церкви».

Решение об увольнении епископа Гермогена было в тот момент неожиданным для многих членов Синода. «Увольнение епископа Гермогена, – заявил 9 января корреспонденту «Биржевых ведомостей» архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), – для меня, по крайней мере, явилось полной неожиданностью. По моему мнению, это увольнение не находится ни в какой зависимости от деятельности епископа Гермогена в Святейшем Синоде. Несмотря на все разногласия, которые были между Саратовским Преосвященным и некоторыми иерархами, сам Святейший Синод никогда не задумывался над вопросом об удалении епископа Гермогена. Мне думается даже, что и обер-прокурор Святейшего Синода не делал подобного представления».

12 января члены Святейшего Синода собрались для обсуждения телеграммы, посланной епископом Гермогеном Императору и возвращенной им Синоду. Стараясь ввести внешне дело в церковные рамки, Синод постановил, что «обвинение Святейшего Синода Преосвященным Гермогеном в поспешности при разрешении указанных им двух дел, как основанное на не соответствующих действительности утверждениях, является несправедливым... что поставление себя в исключительные условия при защите своих воззрений по сравнению с прочими членами Святейшего Синода и голословное опорочивание перед Государем Императором постановлений и суждений Святейшего Синода является поступком, заслуживающим осуждения. Выражая за сие Преосвященному Гермогену порицание, Святейший Синод определяет дать ему знать о сем указом...».

Епископ Гермоген согласился подчиниться решению Синода и выехать в Саратов, но прежде чем уехать, он хотел, находясь еще в Петербурге, объяснить суть происшедшего, и прежде всего своей Саратовской пастве. Следуя своим убеждениям о значимости соборности для Православной Церкви, он попытался представить вопросы, обсуждавшиеся на Синоде и имевшие, по его мнению, общецерковное значение, на ознакомление всей Церкви. Его совершенно не устраивал метод закрытых обсуждений тех или иных вопросов узкой группой архиереев, целиком зависящих от светской власти⁵¹.

Епископ Гермоген заявил: «Это увольнение я считаю незаконным. Оно состоялось прежде всего не от лица Святейшего Синода, так как Синода не было. Синод 3 января не заседал, а увольнение меня последовало именно 3 января 1912 года.

В этом акте ярко обрисовалась вся бюрократическая изворотливость синодального обер-прокурора В.К. Саблера⁵².

Мое увольнение без объяснения мне причин я считаю грубым оскорблением меня, как епископа...

В деле увольнения меня из Синода я считаю главными виновниками: В.К. Саблера и известного хлыста Григория Распутина, вреднейшего религиозного веросовратителя и насадителя в России новой хлыстовщины.

Григорий Распутин по своим действиям явно представляет собою, по словам апостола Павла, “пакостника плоти” [2 Кор. 12, 7].

О его делах мне, как епископу, срамно говорить. Это опасный и, повторяю, яростный хлыст.

Будучи развратным, он свой разврат прикрывает кощунственно религиозностью.

Что же касается выраженного мне порицания Святейшего Синода, то я не оставляю его без протеста. Я пошлю мотивированный ответ на все постановления, осуждения и порицания, а теперь я уполномочиваю вас заявить в печати, что порицания, вынесенного мне Святейшим Синодом, я не принимаю.

Я утверждаю, что на основании канонических правил и определенных постановлений Вселенских Соборов сам Святейший Синод заслужил за антиканоничность порицание, а его действия на Всероссийском Соборе будут подвергнуты осуждению».

Члены влиятельного кружка графини С.С. Игнатьевой сделали попытку примирить епископа Гермогена с Распутиным. 14 января епископ Гермоген служил в Иоанновском монастыре на Карповке и горячо молился отцу Иоанну Кронштадтскому. Это была одиннадцатая годовщина его служения в епископском

сане. В монастыре ему подарили рясу отца Иоанна, что стало для него некоторым утешением и напоминанием о поддержке, оказанной ему некогда праведником. В этот день представители графини Игнатьевой и Распутин ожидали владыку, чтобы примириться. Но епископ Гермоген не стал встречаться с Распутиным. В салоне графини Игнатьевой приняли тогда решение, что если эта встреча не состоится до 16 января и иеромонах Илиодор не возьмет на себя миссию примирить владыку с Распутиным, то епископ Гермоген будет лишен «всякого покровительства».

Увольнение епископа Гермогена от присутствия на заседаниях в Святейшем Синоде вызвало глубокое сочувствие к нему со стороны многих людей, со скорбью наблюдавших разруху в церковной жизни. 15 января епископ получил сочувственное письмо от группы высокопоставленных лиц. В тот же день на Ярославское подворье к нему явилась депутация из тридцати человек – представителей Новороссийского университета и Санкт-Петербургской Духовной академии с выражением поддержки его деятельности. В числе их были видные представители столичного духовенства, профессора высших учебных заведений и высокопоставленные чиновники. Один из них, обращаясь к владыке, горячо поблагодарил его за смелое выступление за независимость Церкви и выразил надежду, что брошенное им зерно не умрет, но принесет много плодов, «побудив и других архипастырей снять печать молчания со своих уст и твердым языком заговорить о правах Церкви».

Владыка со слезами на глазах поблагодарил депутатов и твердо сказал, что ничто в мире не собьет его с пути, на который он встал, и, «какие бы гонения ему ни готовили, он не устанет повторять, что Церковь Христова не должна быть в плену у чиновников».

В тот же день владыкой были получены сочувственные телеграммы от отдельных лиц и учреждений Москвы, Одессы, Киева и других крупных государственных центров страны.

15 января состоялось заседание Святейшего Синода, посвященное событиям, связанным с епископом Гермогеном.

«Со времени объявления Преосвященному Гермогену синодальным указом об увольнении его от дальнейшего присутствия в Святейшем Синоде, – писалось в официальном синодальном объяснении событий для прессы, – в ежедневной печати не переставали появляться изложения газетными сотрудниками устных бесед их с Преосвященным... В этих беседах заключались резкие осуждения по адресу Святейшего Синода и синодального обер-прокурора, производившие соблазн и волнения в обществе.

15 января, во исполнение Высочайшей его Императорского Величества воли, изъясненной в телеграмме того же дня на имя обер-прокурора, о немедленном отъезде Преосвященного Гермогена и восстановлении нарушенного порядка и спокойствия, Святейшим Синодом предписано было Преосвященному Гермогену немедленно, не позднее 16 января, отбыть из Санкт-Петербурга во вверенную ему епархию...»

На следующий день, 16 января, «в три часа дня, в честь английских гостей, в большом зале певческой капеллы состоялся концерт духовный под руководством А.Д. Шереметева. Было блестящее общество из лиц Государевой свиты, дам высшего общества, членов Государственного Совета и Думы, обер-прокурор Саблер...»

На концерте присутствовали митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, архиепископ Новгородский Арсений и епископы Кишиневский Серафим и Вологодский Никон. В антракте в одной из комнат было устроено импровизированное заседание Синода. Обер-прокурор объявил, что в предыдущий день Император «выразил удивление и негодование, что епископ Гермоген не отправился еще в свою епархию, и было повелено, чтобы он немедленно уехал. Затем ночью была Высочайшая телеграмма на имя обер-прокурора, в которой сказано, что Государь надеется, что Святейший Синод найдет соответствующие меры к немедленному удалению епископа Гермогена в свою епархию. Был сегодня утром послан указ из пяти строк о выезде его из Петербурга в 24 часа, причем в нем указан поезд, с которым он должен отбыть; вместе с тем ему воспрещено вести беседы с сотрудниками газет и останавливаться где-либо по пути...»

Обер-прокурор растерянно сообщил архиереям, что «Преосвященный Гермоген отказывается от исполнения Высочайшей воли, что, сколько бы указов ему ни посылали, он все равно не поедет в Саратов до тех пор, пока ему не предоставлено будет право лично представить свое объяснение по делу Верховной власти, что он – не преступник и что он не верит, чтобы этот приказ исходил от Государя, а от – Саблера...»

На этом заседании, на котором никаких определенных суждений высказано не было, закончилось, и решено было собрать заседание Синода на следующий день и, «в случае нежелания Гермогена отправиться немедленно в епархию, принять решительные меры вплоть до увольнения его на покой».

В тот же день епископ Гермоген послал Императору телеграмму, прося о личной встрече, а также и отсрочку на отъезд ввиду болезни. Вечером на Ярославском подворье больного епископа Гермогена посетили архиепископ Полтавский Назарий (Кириллов) и епископы Вологодский Никон (Рождественский) и Кишиневский Серафим (Чичагов); они потребовали от епископа беспрекословного подчинения распоряжению Императора. Епископ Гермоген на увещевания ответил, что условия предложенной ему высылки как преступнику и арестанту он выполнить не может, так как таковым себя не считает. Он, как пастырь двухмиллионной паствы, в епархии со множеством раскольников и сектантов не может приехать туда опозоренным и опальным – это будет громадный соблазн в народе. Епископ Никон в ответ указал ему на необходимость смирения и на его неповиновение воле Государя. Епископ Гермоген на это ответил, что Государь здесь ни при чем, а это все обер-прокурор, который в свою очередь находится под влиянием других лиц, и в частности Распутина⁵³. На все просьбы архиереев подчиниться, епископ Гермоген отвечал, что не хочет уезжать не оправдавшись, и те в конце концов заявили, что они не в силах защищать его перед Синодом и за дальнейшее вся ответственность со всеми последствиями будет лежать на нем самом, на что владыка заметил, что он и не просил у них защиты и заступничества.

Днем 17 января Саблер получил от Императора телеграмму, что приема епископу Гермогену дано не будет, и он должен быть немедленно сослан в монастырь.

В 12 часов дня в покоях митрополита Владимира под его председательством состоялось заседание Синода с участием архиепископов Антония Волынского, Сергия Финляндского, Назария Полтавского и епископов Никона Вологодского и Серафима Кишиневского, которым предстояло оформить распоряжение светской

власти. Саблер сообщил, что на советы членов Синода выехать в свою епархию епископ Гермоген ответил отказом. Кроме того, епископ Гермоген позволил себе в целом ряде бесед с журналистами резко критиковать деятельность Святейшего Синода. Тут же была оглашена телеграмма епископа Гермогена Императору с просьбой о заступничестве.

После обер-прокурора выступил митрополит Владимир и сразу же повел речь совершенно не по существу, заявив, что выступление епископа Гермогена может оказать дезорганизующее действие на провинциальных епископов. «Святейший Синод должен принять самые решительные меры против епископа Гермогена, чтобы другим епископам не было повадно», – заключил он.

К двум часам дня заседание было закончено и составлен соответствующий доклад на имя Императора. В три часа дня Император «принял Саблера по делу Гермогена, епископа Саратовского». В восемь часов вечера состоялось второе заседание Синода, на котором был написан и скреплен подписями архиереев увольнительный указ епископу Гермогену; в тот же день в половине двенадцатого ночи указ был вручен епископу. Таким образом, в течение одного дня состоялся заочный суд над епископом, находившемся в том же городе. Впоследствии, признав каноническую неправоту происшедшего, возникшую от безграничного угождения светской власти, Синод заявил, что это был не суд, а всего лишь административное решение.

После полученного ночью указа епископ Гермоген, отвечая на вопрос корреспондента газеты, сказал: «Решение Святейшим Синодом об увольнении меня на покой и глубоко несправедливо, и не соответствует духу канонических правил. Я считаю все это недоразумением. В указе говорится, что наказание наложено на меня за неподчинение требованиям Святейшего Синода, но ведь я и не думал сопротивляться воле этого Высшего церковного учреждения. Когда мне 15 января было предложено выехать в Саратовскую епархию, я обратился с телеграммой, в которой просил об аудиенции и о разрешении мне выехать после устройства личных дел 19 января. Это не было с моей стороны непослушанием. А затем 16 января последовало второе распоряжение Святейшего Синода, глубоко обидное для меня по форме. Мне, епископу Православной Церкви, предписано было в двадцать четыре часа покинуть Петербург. Я понимаю такую форму требования, когда оно... адресовано государственному преступнику. Разве я революционер?.. Я снова просил являвшихся ко мне иерархов предоставить мне возможность представить Святейшему Синоду свои объяснения и ждать ответа на мое ходатайство, а вовсе не упорствовал. Воля ваша, это не непослушание. Я подчиняюсь государственной власти. Я признал бы себя правильно осужденным, если бы постановление о моем увольнении на покой было бы принято Собором епископов. Повторяю, я подчиняюсь. Но оставляю за собой право при созыве Церковного Собора апеллировать к нему и принести на его суд мои обиды. Где жить, для меня безразлично. 18 января я отслужу последнюю литургию, а 19-го выеду в назначенное мне место. Да исполнится воля Божия».

Саблер выбрал местом пребывания для епископа Гермогена Свято-Успенский Жировицкий монастырь в Гродненской губернии.

16-го и 17 января Санкт-Петербург посетила торжественно встреченная православными архиереями делегация англиканских епископов и состоялось открытие Общества ревнителей сближения Православной и Англиканской Церквей, что, по сообщению церковной прессы, «со всей ясностью подчеркивает

то важное значение, какое придавали и придают представители нашей Церкви приезду англиканских епископов в Россию».

Отслужив 18 января литургию на Ярославском подворье, епископ Гермоген вышел на амвон, чтобы проститься с богомольцами. В толпе присутствовали два жандарма и полицейский чиновник. Владыка, обращаясь к народу, сказал: «Ваш приход в храм для молитвы со мной в эти тяжелые дни свидетельствует о вашем сочувствии. Церковь наша и наше государство в настоящее время переживают страшное, смутное время. Появились новые проповедники-хлысты, новые язычники, как я их называю, которые своим новым учением действуют разрушающим образом на Церковь. Это – наши писатели: Розанов, Горький, Арцыбашев. Появились хлысты новой формации. С ними необходима борьба, борьба не на живот, а на смерть. Развал сказался также и на Русской Церкви. К сожалению, Синод в это тревожное для Церкви время оказался глухим, его голоса не слышно, его решения антиканоничны. Синод совершенно забыл о древних святителях, учителях и Соборах государства Русского... Мой слабо раздавшийся и никем не поддержанный протест создал для меня совершенно неожиданные последствия. В то время, как Петербург с такой помпой и торжественностью встречает еретиков, русский епископ подвергается совершенно незаслуженному гонению со стороны Синода. Но Бог им судья. Я убежден в правоте своих воззрений. Мои убеждения основаны на канонах и правилах святых отцов. Ничто меня не заставит отказаться от этих правил. Свой крест я понесу с должным смирением и продолжаю думать, что в Русской Церкви найдутся лица, которые восстанут на защиту меня».

В воскресенье 22 января к министру внутренних дел Макарову прибыл генерал-адъютант Дедюлин с обер-прокурором Саблером и отдал распоряжение, чтобы владыка Гермоген был отправлен из города в тот же день, а в случае неповиновения к нему должна быть применена сила. В этот же день в доме обер-прокурора состоялось совещание Святейшего Синода во главе с митрополитом Владимиром относительно необходимости немедленного отъезда епископа Гермогена в Жировицкий монастырь. «Синод поручил архиепископу Назарию Полтавскому и епископу Серафиму Кишиневскому переговорить с Преосвященным Гермогеном и потребовать, чтобы он, исполняя волю Государя, выехал немедленно из Петербурга сегодня же.

Епископ Гермоген ответил архиепископу Назарию и епископу Серафиму, что он, подчиняясь воле Государя, сегодня же вечером выезжает в Жировицкий монастырь».

Перед отъездом владыка долго молился и, выйдя из комнаты, сказал: «Да будет во всем, Господи, воля Твоя». Затем он перекрестился и, благословив всех присутствующих, отправился на вокзал.

Перед отправлением поезда он вышел к провожавшим его людям и, благословляя их, сказал: «Не огорчайтесь обо мне, дети мои. Господь не оставит меня. Видите, уезжаю от вас в бодром настроении. За меня не бойтесь. Мне будет хорошо».

24 января в половине шестого утра он прибыл в город Слоним Гродненской губернии.

Епископ Гермоген въехал в монастырь при звоне колоколов. Настоятель вышел к нему с крестом вместе с братией. Епископ приложился к Жировицкой чудотворной иконе Божией Матери и проследовал в небольшой храм Николая Чудотворца и здесь отслужил молебен, сказав в обращенном к братии слове, что

не считает себя сосланным, но человеком, желающим всецело отдаться служению Господу Богу. Затем епископу было показано место, где ему предстоит жить. Это были две небольшие комнаты в каменном доме на втором этаже, давно уже нежилые, холодные и сырые. Пища в монастыре довольно скудная, однако монахи едят мясо, что владыке сразу же не понравилось, и он был вынужден послать в город Слоним за постной пищей. Поселившись в Жировицах, епископ продолжал держаться того же подвижнического образа жизни, к которому привык. Он поздно ложился и вставал неизменно в семь часов утра. Всю первую по приезду неделю он каждый день служил, остальное время посвящал келейной молитве. Внешне он выглядел спокойным и сосредоточенным.

28 января епископ Гермоген сделал заявление, в котором еще раз подтвердил принципиальность своей позиции. «...Выехал я, решив это гораздо раньше, единственно ради неизменно любимого нашего Государя, чтобы не оскорбить его царское веление и власть... – писал он. – Что же касается распоряжений относительно меня Святейшего Синода, вплоть до самого последнего, по-прежнему признаю их крайне несправедливыми, незаконными и буду ходатайствовать о пересмотре всего дела в Поместном малом Соборе епископов. Естественно и законно, что епископ просит суда над собою, а что ему отказывают в суде и называют его просьбу бунтом против существующего строя Православной Церкви, это вот есть анархия церковная...»

Скорбно было святителю, когда он прибыл в Жировицы, но скорбь эта была не за себя и не за свою участь, а за будущее Православной Российской Церкви, России и царской семьи. Бывало, закрыв лицо руками, он долго и безутешно плакал и тогда говорил: «Идет, идет девятый вал; сокрушит, сметет всю гниль, всю ветошь; совершится страшное, леденящее кровь, – погубят царя, погубят царя, непременно погубят».

После отъезда епископа в Жировицы в газете «Московские ведомости» появилась статья под заголовком «Святейший Синод и епископ Гермоген. Голос мирян», в которой делалась попытка церковно и взвешенно разобраться во всем происшедшем. Она была подписана едва ли не самыми известными тогда в Церкви мирянами – Федором Самариным, Виктором Васнецовым, Николаем Дружининым, Владимиром Кожевниковым, Александром Корниловым, Павлом Мансуровым, Михаилом Новоселовым, Петром Самариным, Дмитрием Хомяковым и графом Павлом Шереметевым.

В этой статье они писали: «Итак, вопрос о епископе Гермогене разрешен. Судебное разбирательство состоялось, и притом с быстротой необычайной, напоминающей военные суды; приговор произнесен и утвержден; осужденному отказано даже в его последнем ходатайстве и велено покинуть Петербург немедленно, несмотря на болезнь; порядок восстановлен; авторитет высшей церковной власти укреплен. Словом, все дело может считаться оконченным и сданным в архив. Так, по крайней мере, с канцелярской точки зрения. Но, спрашивается, будет ли приговор “духовного коллегiums” одобрен Церковью? Что скажут прочие архиереи Православной Церкви, без участия которых разыгралась вся эта драма? Что подумает остальной клир и весь православный народ?» – вопрошали они.

Изложив далее ход диалога между епископом Гермогеном и Синодом и несколько не оправдывая владыку в том способе, к которому он прибег, привлекая к осведомлению о сути дела газеты, они заключали: «Его приговорили

заочно, в то время, когда он тут же, в столице, совершал богослужение. Это ли не соблазн? Можно ли назвать такой образ действий беспристрастным, спокойным и справедливым? Как требовать после этого от мирян уважения к церковным правилам?

Постановленный при таких условиях приговор не может, конечно, успокоить умы и умиротворить совесть православных людей – напротив, он производит удручающее впечатление и возбуждает ряд тяжелых недоумений. Если в пылу и увлечении борьбы Преосвященный Гермоген не воздержался от резкого и, может быть, несправедливого осуждения членов Синода, если он затем без уважительных причин не исполнил предъявленного ему требования о выезде из столицы, то все это очень прискорбно и не может быть оправдано. Но не подвергся ли он слишком суровой каре? Ведь не всегда наша высшая церковная власть так непреклонна и неумолима. Много гораздо более тяжелых проступков проходит у нас безнаказанно. Не видим ли мы, например, что явные еретики и отступники, дерзко совершающие свое богомерзкое дело, остаются свободными от церковного суда? Нашим пастырям часто не вменяется в вину равнодушие к своим обязанностям. Почему же такому исключительному взысканию подвергнут иерарх, который погрешил, может быть, чрезмерною резкостью и страстностью в своих суждениях, но в котором даже противники его не могут не признать глубокой искренности и безупречной чистоты побуждений?..

Сообщения, которые делались Преосвященным Гермогеном в беседах с сотрудниками газет, подвергаются осуждению, между прочим, за то, что “таковое поставление широкого круга мирян как бы судьей в его, Преосвященного Гермогена, деле между ним и Синодом служит к похулению Православной Церкви со стороны иноверных и ей враждебных лиц”. Таким образом, не только путь, избранный Преосвященным Гермогеном для привлечения общественного внимания к его делу, признается неправильным, но осуждается в принципе и самое желание услышать в этом случае голос мирян. Между тем такое желание само по себе, независимо от способа его осуществления, нельзя же считать предосудительным с православно-церковной точки зрения... Внутреннее согласие церковного народа с церковною властью у нас всегда признавалось и признается необходимым, а иногда и торжественно выражается внешним образом... Пусть юристы разбирают, действовал ли Синод в административном или судебном порядке, для нас – мирян – несомненно и важно только то, что епископу Православной Церкви объявляют порицание, иными словами, выговор, а затем смещают его с должности и удаляют в монастырь, не выслушав его оправданий и не истребовав от него никаких объяснений. Так не поступают с самыми тяжкими преступниками, даже когда они уличены на месте преступления; да и в административном порядке взыскание не налагается по закону без истребования объяснений от провинившегося должностного лица. Думаем, что такой образ действий не может быть оправдан и с точки зрения церковного права... Мы остаемся при том убеждении, что для прекращения соблазна и для умиротворения Церкви дело Преосвященного Гермогена должно быть пересмотрено Церковным Собором».

После этой публикации, в «Церковных ведомостях» в анонимной статье была сделана попытка оправдать Святейший Синод, по-прежнему скрывая истинные причины преследования исповедника. Однако пытавшийся защитить действия Синода и обер-прокурора Саблера в своем выступлении в Государственной Думе епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский) сам

назвал одной из причин увольнения епископа Гермогена выступление его против Распутина. Упрекнув епископа Гермогена в том, что он об этом первый стал говорить, хотя это было не так, епископ Митрофан сказал: «Для нравственного престижа епископа Гермогена было бы лучше, если бы его увольнение было следствием одного расхождения во мнениях с большинством членов Святейшего Синода по тем вопросам, о которых здесь говорили. Пусть эти вопросы не столь важны... пусть разрешение этих вопросов... не заслуживает того резкого определения, которое употребил епископ Гермоген, и пусть бы он пострадал за эту укоризну Святейшему Синоду – тогда понятна была бы хотя и неразумная, но все же ревность о чистоте церковного обряда; но он сам умалил и унизил значение своего дерзновения, когда, потерпев урон за свою резкость, он виновника своего несчастья стал искать в лице какого-то Распутина... он должен был молчаливо уйти, с достоинством уйти...»

После того как влияние Распутина в деле увольнения епископа Гермогена было признано официально, та же группа известных мирян обратилась в Святейший Синод с новым письмом. «Если это верно, – писали они в составленном ими документе «По поводу нового официозного сообщения о деле епископа Гермогена», – то мы имеем дело уже не с какою-то сплетней темного происхождения, а с определенным, чуть ли не формальным обвинением. При таких условиях одни голословные опровержения не помогут. Пусть не на словах только, а на деле будет показано, что темная личность, неизвестно откуда всплывшая, не имеет приписываемого ей значения. Только этим можно положить предел смуте... Только нравственная сила может успешно бороться с убеждением хотя бы и ложным, но искренним и не поддающимся ни на какие уступки и сделки»⁵⁴. И заключали они далее свое письмо словами, в которых звучала глубокая обеспокоенность за современное положение церковных дел: «Святейшему Синоду за все время его существования очень редко приходилось сталкиваться с такими непреклонными убеждениями; чтобы найти пример подобного столкновения, придется, может быть, восходить до времен Арсения (Мацеевича)*. В наше время твердость характера, сила воли и непреклонность в борьбе за то, что человек считает правдою, – явления в особенности редкие. Но они тем более ценны. Они оздоравливают нравственную атмосферу, поднимают дух и укрепляют веру, ибо воочию свидетельствуют о том, что еще не совсем иссякла в нашем обществе нравственная сила, которая одна способна двигать людей вперед, победоносно бороться с общественным злом и закладывать крепкие основы для того духовного возрождения нашего, по которому мы все томимся.

Вот почему Преосвященный Гермоген привлек к себе общее внимание; вот почему меры, против него принятые, возбудили такое волнение и, да позволено будет сказать, такое негодование. Православные люди не могли не взволноваться участью святителя, который показал на деле, что для него благо Церкви выше всего, что ради Церкви он готов на всякое самопожертвование. Сочувствие вызвано было не самым существом тех мнений, которые он высказывал по спорным вопросам, а редкою у нас смелостью, которою он отстаивал свои взгляды, и достойным уважения мужеством, с которым он вел борьбу, не отступая ни пред какими внешними силами и авторитетами. Он пострадал за это; его постигла тяжелая кара. Но это повредило не ему, а его противникам»⁵⁵.

* Священномученик Арсений (в миру Александр Иванович Мацеевич; 1697-1772), митрополит Ростовский; память 28 февраля/13 марта.

На место епископа Гермогена в Саратов 17 января 1912 года был назначен епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии Алексей (Дородницын)*, который через месяц представил в Синод доклад о положении дел в епархии. Относясь к своему предшественнику весьма недоброжелательно и услышав, что епископ Гермоген намеревается поселиться в пределах Саратовской епархии, он тут же обратился к обер-прокурору с прошением «принять все возможные меры по недопущению прибытия Преосвященного Гермогена в Саратов». Но даже и он, от которого обер-прокурор рассчитывал получить сведения об упущениях в управлении епархией, хотя бы сколько-нибудь оправдывающие его действия по удалению владыки, не смог сообщить ничего существенного. В докладе епископ Алексей свидетельствовал перед Синодом, что, несмотря на некоторую запутанность в бумагах, в делах его предшественника нет и следа каких-либо злоумышлений и преступлений.

Единственным отмеченным упущением было то, что при столь внезапном вступлении епископа Алексия на кафедру, в кассе архиерейского дома оказалось всего 72 копейки. В своей жизни епископ Гермоген воплощал идеал подвижника-аскета, у него не было ничего своего; белье он носил общее с братией монастыря, где жил; когда у него изнашивался подрясник, он посылал к эконому, и тот выдавал ему из монастырского, которым пользуются послушники; пищу он получал из общей монастырской трапезы. В то время уже вошло в недугоспасительный обычай давать архиерею деньги после совершенного им богослужения, но епископ Гермоген никогда не брал денег в вознаграждение за богослужение, но все определенные ему законом средства и те, что ему доброхотно жертвовали, он целиком отдавал на церковные нужды и раздавал нуждающимся.

Газеты и общество продолжали обсуждать дело епископа Гермогена, выявившее жесточайший кризис синодального управления, сложившегося в результате реформ Петра I, неспособность управляющих обсуждать церковные проблемы, неспособность и управляемых, то есть самого церковного общества, после двухсотлетней отвычки, обсуждать свои насущные проблемы; в конце концов, возникло невидение этих проблем по причине их запущенности и привычке к ним – то, что обычно и называется недугом хроническим. Соборное начало за двести лет абсолютизма казалось в то время почти исчезнувшим из русской жизни.

Епископ Гермоген, наблюдая из Жировицкого монастыря за процессами, происходящими в обществе, 15 марта 1912 года опубликовал в газете «Свет» статью под заголовком «Ожесточенное возмущение против всенародно желаемого и ожидаемого преобразования на соборных началах внутреннего строя Православной Церкви Все не за себя и не за свою ой»⁵⁶.

* С 1914 года – архиепископ Владимирский и Суздальский. «Весной 1917 года по постановлению съезда епархиального духовенства уволен от управления Владимирской епархией». // Современники о Патриархе Тихоне. Составитель и автор комментариев М.Е. Губонин. М.: Изд-во ПСТБУ, 2007. Т. 1. С. 637.

В 1917 году он уехал в Киев и был одним из активных участников попытки создания Украинской автокефалии. В 1918 году он был запрещен в священнослужении, скончался в 1919 году в Новороссийске, принеся перед этим покаяние. Кончина и погребение его были столь жалкие, недостойные архиерея, что совершавший его погребение архиепископ Евлогий (Георгиевский) заметил: «Погребение архиепископа Алексия... показало мне всю тщету честолюбия, властолюбия...» // Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 327.

Церковная пресса писала о пребывании владыки в Жировицком монастыре: «С прибытием епископа Гермогена в Жировицкий монастырь заметно изменилась обычная картина той религиозной жизни, которая сосредотачивается вокруг сего монастыря от наплыва богомольцев, приходящих сюда с разных мест на поклонение его святыне – чудотворной иконе Божией Матери.

Прежде наплыв этих богомольцев наблюдался почти исключительно в храмовые... и важнейшие праздники Православной Церкви, а ныне стали появляться пришлые богомольцы в каждое воскресенье, и притом не только из простого народа, но и из интеллигенции. Это значительное оживление и поднятие здесь религиозной жизни... следует отнести... к тому явному для непосредственного религиозного чувства высоко молитвенному настроению, с которым совершает это богослужение епископ Гермоген и которое могучею своею внутреннею силою вливается в сердца молящихся... Манят их сюда сверх того и льющиеся из уст епископа Гермогена проповеди, и устраиваемые им каждое воскресенье после акафиста чудотворной иконе Божией Матери религиозные беседы-поучения, ибо проповеди эти и беседы также необычны для православного христианина как по содержанию своему, так и по тому подъему духа, с которым они произносятся. Проповеди эти захватывают запросы будничной ежедневной жизни, религиозной жизни верующих, раскрывают беспощадно язвы нравственного мира, бичуют и врачуют их...»

С особенною силою «была произнесена владыкою Гермогеном проповедь в храмовый праздник 24 июня при огромном стечении народа, переполнявшего обширный храм. В этой проповеди владыка прежде всего выяснил значение и необходимость молитвы, указав, что она – единое средство душевного единения с Богом и единая поддержка удрученного и печалью разбитого сердца человеческого; чтобы эта молитва была... деятельною... необходимо глубоко молитвенное настроение, создающееся на почве любви к Богу простого, непосредственного сердца, благоговейного стояния в церкви и душевного проникновения церковным богослужением... В ком ум не испорчен тлетворными веяниями, тот скорее достигает этого молитвенного настроения... Указав на... слабости людские, мешающие получению молитвенного настроения, владыка остановился на значении церковного пения. Он объяснил, что клир – это язык молящегося в церкви народа, что посему церковное пение должно иметь своим главнейшим назначением не красивое сочетание внешних звуков, а содействовать молитвенному настроению и возвышению такового, что церковное пение, преследующее лишь внешнюю, чисто звуковую цель и этим отвлекающее от молитвенного настроения и притупляющее его, и совершаемое притом певчими, ведущими себя на клиросе с забвением, что они находятся в святом храме, является по отношению к церкви – уличным и кощунственным. Высказав это и заметив, что пение прибывшего из города Слонима для участия в данном богослужении церковного хора, состоящего из женщин и мужчин, было исполнено лицами, которые при чтении Евангелия сидели и почти все время богослужения смеялись, разговаривали и представляли собою, в некоторой своей части, чисто звуковую комбинацию, не вливая в душу никакого молитвенного настроения, владыка, обратившись к этому хору, сказал, что за такое пение не может их поблагодарить, что оно по тону своему и по всей обстановке было уличным и кощунственным. Первая часть этой проповеди глубоко тронула сердца слушателей, вызвав во многих не только слезы, но и рыдания... Последняя же часть проповеди о церковном пении произвела ошеломляющее впечатление...»,

свидетельствуя этим о глубоком упадке духовной жизни, когда здравые учения переставали пониматься и слышаться.

Весь 1912 год в Святейший Синод и Императору шли телеграммы и письма о помиловании ревнителя православия и возвращении его на кафедру; их писали не только хорошо знавшие епископа Гермогена, но и православные других губерний. Некоторые письма подписали до десяти тысяч человек.

Обер-прокурор Саблер, чувствуя себя в деле епископа Гермогена неправым, спешил исправить содеянное и 14 октября 1912 года подал Императору письменный доклад, в котором писал: «Во внимание к тому, что Преосвященный епископ Гермоген... несет возложенное на него Святейшим Синодом послушание с полным смирением, проводя время в молитве, проповедании слова Божия и совершении частого богослужения, представлялось бы благовременным перевести его... в другой монастырь по усмотрению Святейшего Синода». На этом докладе Император написал: «Согласен».

Однако фактически дело не сдвинулось, и, несмотря на согласие Императора и Синода, епископ Гермоген не был переведен из Жировиц.

23 октября 1912 года православные города Вильны в защиту епископа Гермогена отправили письмо Императору⁵⁷.

Видя, что дело, несмотря на резолюцию Императора, не сдвинулось с места, обер-прокурор предпринял следующую попытку избавить епископа Гермогена от положения ссыльного и в очередном докладе 23 октября 1912 года, напоминая Императору о его собственном решении, писал: «Его Императорскому Величеству благоугодно было... Всемиловитейше соизволить на перевод... Преосвященного Гермогена в другой монастырь по усмотрению Святейшего Синода и с возложением на него управления сим монастырем на правах настоятеля». Однако, несмотря на письменное согласие Императора, все осталось в прежнем положении.

Архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), под началом которого оказался святитель, отнесся к нему без всякого доброжелательства, сразу же предупредив, что «всякие его выступления, могущие вызвать смущения или малейшие волнения среди братии монастыря или местного населения, совершенно нетерпимы и вызовут осложнения, неблагоприятные» для него самого.

Превратное понимание архиепископом Михаилом своих обязанностей и желание угодить власти имущим простерлись столь далеко, что он потребовал, чтобы епископ Гермоген брал у него каждый раз благословение на произнесение проповеди, и когда тот проигнорировал это распоряжение, вообще запретил ему проповедовать во время богослужений. «Он, однако, не обратил внимания на мое требование, – жаловался архиепископ Михаил Святейшему Синоду, – и продолжает выступать по-прежнему».

«В последнее время Преосвященный Гермоген, – писал архиепископ Михаил в донесении Святейшему Синоду 26 ноября 1914 года, – стал расширять свою деятельность и вынес ее уже за пределы Жировицкого монастыря и самого м^кестечка Жировицы, не считая необходимым поставлять меня в известность о предполагаемых им выездах из Жировиц и вопреки ясным моим советам и указаниям...

13-го сего ноября Слонимский о^ктец^к благочинный сообщил мне, что е^кпископ^к Гермоген... без моего ведома 10-го сего ноября прибыл из Жировиц в г. Слоним... 11 ноября в 6 часов вечера, во время служения в слонимском соборе

молебна, Преосвященный Гермоген явился в собор и по прочтении совершавшим молебен священником св<ятого> Евангелия неожиданно обратился к присутствовавшему “не с поучением”, как заявил он, а с речью, в которой призывал к пожертвованиям на раненых воинов... Тотчас по получении сего донесения я написал Преосвященному Гермогену письмо, в котором снова пытался выяснить ему всю бестактность его образа действий, указывал ему, что и без его речей в Слониме производится сбор пожертвований на военные нужды... и, наконец, предупредил его, что если ко мне еще будут поступать донесения о подобных его выходках, то я сочту себя вынужденным взять обратно данное ему разрешение совершать богослужения в Жировицком монастыре...

Вновь усерднейше прошу о перемещении епископа Гермогена из Жировицкого монастыря в один из монастырей другой какой-либо епархии. Я вполне признаю, что прежние мои неоднократные просьбы о назначении епископа Гермогена настоятелем какого-либо монастыря вне Гродненской епархии было затруднительно исполнить... но к перемещению его в какой-либо другой, более уединенный монастырь, на тех же основаниях, на каких он проживает в Жировицком монастыре, мне кажется, серьезных препятствий встретиться не может...»

Данное донесение архиепископа Михаила, составленное в опорочивающем епископа Гермогена тоне, было доложено Святейшему Синоду 3 декабря, но было благоразумно Синодом проигнорировано.

Впоследствии, уже во времена гонений на Церковь, епископ Гермоген, говоря, насколько он опасается наказать кого-либо из подчиненных несправедливо, рассказывал, что, будучи в Жировицах, он немало поскорбел, когда ему не позволяли писать и молиться, «чего люди не вправе никого лишать».

Летом 1915 года великий князь Николай Николаевич поручил протопресвитеру Георгию Шавельскому посетить епископа Гермогена в Жировицком монастыре. «Епископу Гермогену тяжело живется в монастыре, – сказал Николай Николаевич отцу Георгию. – Его там притесняет всякий, кто хочет. И все думают, что они делают дело, угодное Государю. Пожалуйста, навестите и обласкайте его». Он дал автомобиль, и на следующий день отец Георгий прибыл в Жировицы. Его провели в келью епископа, заваленную книгами, бумагами и лекарствами, так как епископ лечил крестьян, пользуясь для этого разными травами. Когда отец Георгий передал ему приветствие от великого князя, то владыка на это сказал: «Если бы ангел слетел с неба, он не принес бы мне большей радости, чем ваш приезд!» И затем пожаловался на свое нелегкое положение, надеясь, что его слова будут переданы великому князю, и положение будет изменено.

Только война и приближение вражеских войск к Жировицам внесли изменение в положение святителя. 12 августа 1915 года исполняющий должность обер-прокурора Александр Дмитриевич Самарин запросил архиепископа Гродненского и Брестского Михаила (Ермакова), где находится владыка Гермоген в настоящее время.

21 августа верующие Саратова, встревоженные нахождением епископа Гермогена вблизи линии фронта, направили первенствующему в Синоде митрополиту Владимиру телеграмму: «В виду наступления неприятеля [в] пределе Гродно [в] Жировицах находится до сего времени страдающий епископ Гермоген. Угрожающая ему опасность приводит в ужас жителей Саратова. Посему по просьбе их умоляем разрешить ему переехать хотя в столь тяжелое время». В

тот же день митрополит Владимир запросил митрополита Московского Макария, может ли он «поместить в Николо-Угрешском или другом монастыре Московской епархии Преосвященного Гермогена». На что тот тут же ответил, что «Преосвященный Гермоген может быть помещен [в] Угрешском монастыре».

22 августа обер-прокурор Святейшего Синода Самарин отправил в Ставку Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу телеграмму: «Озабочиваясь судьбой Преосвященного Гермогена, Синод предположил перевести его на жительство в одну из московских обителей. Почтительнейше прошу Ваше Императорское Высочество не отказать повелеть, чтобы решение Синода было объявлено епископу Гермогену, коему надлежит по прибытии [в] Москву явиться [к] митрополиту Макарию», – и телеграмму начальнику штаба генералу Алексееву, что по решению Синода епископ Гермоген переводится на жительство в один из московских монастырей.

23 августа великий князь Николай Николаевич отправил ответную телеграмму обер-прокурору Синода: «Сделал распоряжение незамедлительно – объявить Преосвященному Гермогену решение Синода [о] переводе его на жительство [в] одну из московских обителей и о том, чтобы по прибытии [в] Москву он явился [к] митрополиту Макарию».

К этому времени уже была закончена эвакуация Жировицкого монастыря и ближайшей железнодорожной станции с прилежащим к ней районом. 25 августа Святейший Синод постановил «назначить местопребывание Преосвященному Гермогену в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии».

31 августа епископ Гермоген прибыл в Москву и остановился у протоиерея Иоанна Восторгова и 2 сентября отбыл в Николо-Угрешский монастырь, определенный местом его дальнейшего пребывания.

3 сентября Императрица писала мужу, находившемуся в это время в Ставке: «Посылаю тебе газетную вырезку, касающуюся Гермогена. Николаша* снова издал приказ о нем, а ведь это касается исключительно Синода и тебя, – какое право имел он позволить ему ехать в Москву? Тебе или Фредериксу** следовало бы протелеграфировать Самарину, что ты желаешь, чтоб его отправили прямо в Николо-Угрешск, так как если он останется в обществе Восторгова, то они снова заварят кашу против нашего Друга*** и меня. Пожалуйста, вели Фредериксу телеграфировать об этом. – Я надеюсь, они не устроят никакого скандала Варнаве⁵⁸; ты – господин и повелитель России, ты самодержец – помни это».

Через несколько дней, 7 сентября, Императрица писала мужу: «Вот тебе, дружок, список имен лиц (очень, к сожалению, небольшой), которые могли бы быть кандидатами на место Самарина. – А<нна> получила этот список от Андрон<икова>, который говорил об этом с митрополитом. Он был в отчаянии, что Самарин получил это место, так как он ничего в церковных делах не понимает. Он, вероятно, видался с Гермогеном в Москве, – во всяком случае, он посылал за Варнавой, оскорблял и бранил при нем нашего Друга, – сказал, что Гермоген был единственный честный человек, потому что не боялся говорить правду про Григория, и за это был заключен, и что он, Самарин, желает, чтобы В<ладимир>с* пошел к тебе и сказал бы тебе всю правду о Григ<ории>, но

* Великий князь Николай Николаевич, предоставивший епископу Гермогену транспорт для переезда в Москву.

** Министр Императорского двора.

*** Распутин.

* Митрополит Санкт-Петербургский Владимир (Богоявленский).

В<ладимир> отвечал, что не может этого сделать, только если тот ему сам скажет и пошлет от себя. Я немедленно телеграфировала старику **, чтобы он принял В<ладимира> и расспросил его обо всем. Надеюсь, что старик затем поговорит серьезно с С<амариным> и задаст ему головомойку. Ты видишь теперь, что он не слушает твоих слов – совсем не работает в Синоде, а только преследует нашего Друга. Это направлено против нас обоих – непростительно, и для теперешнего тяжелого времени даже преступно. Он должен быть уволен. – Вот тебе: Хвостов (министр юстиции) – очень религиозный, знающий Церковь, сердечный и преданный тебе человек. Гурьев (директор канцелярии Синода) – очень честный, давно служит в Синоде (любит нашего Друга)».

Потеряв представление о действительном положении дел, Императрица, идя навстречу корыстным пожеланиям развратного проходимца, безапелляционно продолжала командовать мужем в вопросах назначения первых лиц на гражданские и церковные должности и 8 сентября написала Императору: «Я опять принуждена была телеграфировать тебе неприятную вещь, но нельзя было терять времени. Я просила... записать... разговор Суслика *** в Синоде. Этот маленький человечек вел себя с замечательной энергией, защищая нас и нашего Друга, и резко отвечал на все вопросы. Хотя митрополит очень недоволен С<амариным>, все же он во время этого расспроса был слаб и – увы! молчал. Они хотят выгнать Варнаву и поставить Гермогена на его место, – видал ли ты когда-нибудь такую наглость? Они не смеют этого сделать без твоей санкции, так как он был наказан по твоему приказанию. Это опять Николашины **** дела (под влиянием женщин). Он его заставил – без всякого права – оставить место и уехать в Вильну, чтобы жить там при Агафангеле, и, конечно, этот последний, С. Финлянд<ский> ***** и Никон ***** (этот злодей с Афона) в течение трех часов нападали на В<арнаву> по поводу нашего Друга. Сам<арин> поехал в Москву на три дня, – наверное, чтобы повидать Гермогена. Посылаю тебе газетную вырезку о том, что ему разрешено, по приказанию Н. **, провести два дня в Москве у Вост<оргова>, – с каких пор имеет он право вмешиваться в эти вопросы, зная, что по твоему приказанию Гермоген был наказан?.. И это все вина Н. *****, так как он (намеренно) предложил Самарина, зная, что этот человек сделает все, что в его силах, против Григ<ория> и меня... Я нахожу, что этих двух епископов надо немедленно выгнать из Синода. Пусть Питирим* займет там место, так как наш Друг боится, что Н.** будет его преследовать, если узнает, что П<итирим> почитает нашего Друга. Найди других, более достойных епископов. Забастовка Синода в такое время ужасно непатриотична и нелояльна. Почему они во все это вмешиваются? Пусть они теперь поплатятся за это и узнают, кто их повелитель...»

** И.Л. Горемыкину, в то время бывшему председателем Совета министров.

*** Архиепископа Варнавы (Накропина).

**** Имеется в виду великий князь Николай Николаевич.

***** Архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский).

***** Архиепископ Вологодский Никон (Рождественский).

***** Имеется в виду великий князь Николай Николаевич.

* Питирим, экзарх Грузии, позже Петроградский митрополит. О нем см.: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь. Тверь, 2008. С. 147. Или в электронном виде: житие священномученика Андроника (Никольского), архиепископа Пермского и Кунгурского, с. 51.

** Имеется в виду великий князь Николай Николаевич.

12 ноября 1915 года Александра Федоровна писала из Царского Села Императору: «Душка, я забыла рассказать тебе о Питириме, экзархе Грузии. Все газеты полны описанием его отъезда с Кавказа и как его там любили. Посылаю тебе одну из газетных вырезок, чтобы дать тебе представление о той любви и благодарности, которые там к нему проявляют. Это доказывает, что он человек достойный и великий молитвенник, как говорит наш Друг. Он предвидит ужас Волжина*** и как тот будет стараться разубедить тебя, но он просит тебя быть твердым, так как Питирим – единственный подходящий человек. У него нет никого, кого бы он мог рекомендовать на место Питирима... Он говорит, что он хороший человек. – Только не С.Ф.****, или А.В.*****, или Гермоген! Они бы все испортили там своим духом.

Старый Владимир***** уже с грустью говорит, что он уверен, что его назначат в Киев. Было бы очень хорошо, если бы ты это сделал тотчас по приезде, чтобы предупредить всякие разговоры, просьбы Эллы***** и т.п.

Затем он просит тебя немедленно назначить Жевахова помощником Волжина. Он старше Истомина – возраст ничего не значит, в совершенстве знает церковные дела. – Это твое желание – ты повелитель».

23 ноября 1915 года навязанный через Императрицу Распутиным кандидат был возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Петроградским и Ладужским.

28 апреля 1916 года великий просветитель Алтая, ревнитель церковной чистоты и подвижник благочестия митрополит Московский Макарий (Невский)***** предложил Синоду среди прочего, служащего укреплению и славе Церкви, «за смертью... настоятеля Давидовой пустыни назначить пребывающего на покое в Николо-Угрешском монастыре Преосвященного епископа Гермогена, бывшего Саратовского, с управлением сим монастырем».

Но и это оказалось невозможным. 25 июня 1916 года Александра Федоровна писала Императору: «...Вчера я принимала митрополита, мы с ним обсуждали вопрос о Гермогене, который уже несколько дней в городе, принимает репортеров и т.д. Он не имеет никакого права быть здесь, ты ведь ему не дал на это разрешения; он получил его от Волжина и митрополита Влад<имира>, в подворье которого он проживает в Киеве. Многие газеты пишут о нем; Нов<ое> Вр<емя> сообщает, что опальный епископ, вероятно, скоро получит назначение в Астрахань, и там же говорится, что Синод разрешил ему приехать сюда. Шт<юрмер> тоже случайно слышал об этом и был чрезвычайно недоволен, а потому я попросила митрополита заехать от меня к Шт<юрмеру>, чтобы он от своего имени попросил последнего сказать Волж<ину>, чтоб он не беспокоил тебя на этот счет и что он лично находит это пребывание здесь Гермог<ена> совершенно недопустимым, а также несвоевременным, так как нельзя забывать, за что ты велел его выслать, – и что опять пойдут истории. Сейчас особенно следует избегать подобных историй, – они выбрали такое время, когда Гр<игорий> отсутствует... Я пишу об этом только на тот случай, если бы ты об этом

*** Александр Николаевич Волжин, обер-прокурор Святейшего Синода, сменивший на этом посту А.Д. Самарина.

**** Сергей, Финляндский архиепископ.

***** Антоний, Волынский архиепископ.

***** Имеется в виду митрополит Владимир (Богоявленский).

***** Имеется в виду великая княгиня Елизавета Федоровна.

***** Прославлен Русской Православной Церковью в 2000 году; память 30 декабря/ 12 января.

услыхал, – его следует выслать обратно на место его постоянного жительства... Пока остается Волж<ин>, дела не могут идти хорошо. Он совершенно неподходящий человек для занимаемого им поста; это просто красивый светский человек и работает он исключительно с Влад<имиром>. В понедельник у меня на приеме был Раев*, брат врача, сын митрополита Палладия**, – кажется он профессор. Это прекрасный человек, близко знающий церковные дела с самого детства. Запиши себе, чтобы расспросить Шт<юрмера> о нем; он очень хорошо о нем отзывался (его взгляды, конечно, разнятся от воззрений Волж<ина>). Он совсем не похож на Волжина и носит парик... Мне было интересно повидать его, потому что он очень хорошо осведомлен в церковных вопросах. Пожалуйста, не забудь поговорить о нем со Штюрмером...»

В ответном письме 27 июня Император писал: «...Как несносно, что Герм<оген> опять появился на горизонте! Я буду сегодня говорить со Шт<юрмером>. Завтра днем состоится совещание с министрами. Я намерен быть с ними очень нелюбезным и дать им почувствовать, как я ценю Шт<юрмера> и что он председатель их...»

На следующий день Александра Федоровна писала мужу: «А<нна>*** посылает тебе пару редисок, выращенных ее ранеными. Гермог<ен> уехал...»

Решив побывать в Царицыне, с которым было связано столько надежд, трудов и столько горестного, епископ Гермоген прибыл туда в ночь на 3 ноября 1916 года. Его встречали царицынский полицмейстер, благочинный, духовенство и человек тридцать мирян, которые поднесли владыке букет живых белых цветов. Благословив встречавших, владыка отправился на квартиру священника Сергиевского храма, в котором предполагал утром служить литургию. Наутро, когда он шел в храм, прихожане поднесли ему хлеб-соль, и священник заметил на это: «Ваше Преосвященство, в течение пяти лет народ страдал, будучи в разлуке с вами, а теперь от всего сердца встречает вас и радуется, что дождалось видеть вас».

Владыка поблагодарил встречавших, а после молебна сказал проповедь, которую полицмейстер счел своим долгом записать, но записал весьма приблизительно, что владыка призывал к миру, к любви к врагам, говорил, что человек мстительный подобен дереву, которое не приносит плода, а такое дерево бросают в огонь; сказал, что благодарит Бога за страдания, которые ему дали больше, чем внешние знания, чем духовная школа, – та академия, которую он окончил, но которая не прививает к сердцу того, чему учит. Пять лет испытаний многому его научили, и он благодарит за это Бога и не держит обиды ни на кого из людей.

После литургии епископ Гермоген призвал всех помолиться об упокоении митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Иннокентия (Беляева), а также воинов, павших на поле брани за царя и Отечество. Он призвал собравшихся помолиться о единении, которое может дать победу над врагом: много сейчас горя, но это горе от того, что люди забыли Бога и любовь к ближнему, не помогают друг другу, не помогают братьям-воинам, «которые,

* Николай Павлович, с 30 августа 1916 года обер-прокурор Святейшего Синода, сменивший на этом посту А.Н. Волжина.

** Палладий (в миру Павел Иванович Раев), митрополит Санкт-Петербургский с 1892-го по 1898 год.

*** Вырубова.

проливая кровь за Родину, ждут от нас помощи, мира, тишины, спокойствия в стране».

Епископ служил каждый день в храмах Царицына и его пригородах, где многое напоминало ему о прошлом – и сердце сжималось в предчувствии близкого недоброго будущего. 20 ноября после литургии в Сергиевском храме епископ напомнил, как пять лет назад множество людей прославляли в Царицыне Господа, а теперь дошло до того, что некоторые отпали от веры Христовой и даже стали роптать на Бога. «Теперь повсюду, как и в Царицыне, наблюдается упадок нравственности и веры в Бога, и за это Господь ниспослал нам тяжелые испытания, которые могут, не дай Бог, и ухудшиться. В то время, когда наши братья проливают кровь, оставшиеся дома развратничают и доходят до того, что не хотят чтить Пресвятую Богородицу и Святую Церковь...»

Владыка предполагал пробыть в Царицыне до 25 ноября. Полиция, присутствовавшая на каждом богослужении епископа, при имевшейся у нее предубежденности настраивала себя на могущие быть беспорядки и осложнения, но в конце концов вынуждена была сделать вывод, что «пребывание епископа Гермогена осложнениями не угрожает». Помолившись в царицынских храмах, владыка возвратился в Николо-Угрешский монастырь.

2 марта 1917 года Император Николай II отрекся от престола; определением Святейшего Синода 7-8 марта владыка Гермоген был назначен епископом Тобольским и Сибирским вместо уволенного на покой тем же определением архиепископа Варнавы (Накропина). Владыка тут же выехал в Тобольск и последнюю неделю Великого поста уже служил в кафедральном соборе. Он служил почти ежедневно – то в соборе, то в приходских храмах. «В каждом его шаге, – вспоминали о нем его современники, – чувствуется монах, совершенно отрешившийся от мира и ушедший внутрь себя». Однако по обстоятельствам времени «епископу приходится принимать участие в работах чрезвычайных епархиальных съездов; при его содействии и руководстве организуется в Тобольске Церковно-православное общество единения клира и мирян; оживляется деятельность Братства. Преосвященный Гермоген ищет себе сотрудников; он охотно идет навстречу каждому, кто может оказать хотя малые услуги его начинаниям; дверь его покоев ежедневно открыта для всех».

20-го и 27 мая 1917 года в Тобольске, как и во многих других епархиальных центрах страны, прошел чрезвычайный епархиальный съезд духовенства и мирян, пытавшийся выработать отношение к современным событиям и реформам. Поскольку Святейший Синод не уполномочивал епархиальных архиереев утверждать постановления съездов, то епископ Гермоген, представив в Синод некоторые постановления, выразил и свое суждение по вопросам, которые считал важными, как например отношение съезда «к переживаемым событиям страны».

«Кажется, в данном отношении моя формула по своему смыслу и содержанию будет мало отличаться от формулы вверенного мне духовенства Тобольско-Сибирской епархии, – писал он. – Я не благословляю случившегося переворота, не праздную мнимой еще “пасхи” (вернее же, мучительнейшей Голгофы) нашей многострадальной России и истрадавшегося душою духовенства и народа, не лобызаю туманное и “бурное” лицо “революции”, ни в дружбу и единение с нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня и что она даст нашей Родине, особенно же Церкви Божией, завтра... А сложившуюся (или “народившуюся”) “в бурю революции” власть Временного

правительства считаю вполне естественным и необходимым – для пресечения и предупреждения безумной и губительной анархии – признавать и об этой власти и правительстве молиться, дабы они всецело служили одному лишь благу Родины и Церкви».

Описывая отношение епископа Гермогена к Родине, один из его современников писал: «Архипастырь был человек с высоко развитым патриотическим национальным чувством. Россию он любил, как редко другой в наше время любит свою Родину-мать; ее окровавленный, опозоренный образ стоял пред его глазами, за нее он постоянно терзался душой; неустанно тосковал о ее былом величии. Но любовь к Родине у него органически сливалась с его религиозно-церковным сознанием. Как патриот, он не мог забыть о великой России, но близка была его сердцу только православная держава Российская. В виде светского безбожного государства он ее не принимал. Оку его веры она представлялась оцерковленным, облагодатствованным, богоизбранным царством, которое оглашается непрерывно звоном церковных колоколов и окутано дымом кадильным. Святая Русь – вот его был идеал, – Русь, где жили и подвизались московские святители, – Русь, которая дала целый сонм угодников Божиих, – Русь, блиставшая своим благочестием и строгостью нравов».

Исполнились чаяния владыки о созыве Поместного Собора – 12 июня 1917 года предстояло открыться Предсоборному совету для выработки устава Собора. Преосвященного просили отправить список желательных кандидатов в Совет по телеграфу 5 июня, но в это время владыка был в Тюмени, где проходил чрезвычайный съезд духовенства, так что он смог отправить ответную телеграмму только 12 июня, предлагая, в частности, избрать в Совет митрополита Киевского Владимира (Богоявленского) и архиепископов Новгородского Арсения (Стадницкого), Кишиневского Анастасия (Грибановского) и Петроградского Вениамина (Казанского)*.

В воскресенье, 30 июля, «исполняя призыв Святейшего Синода, обращенный к чадам Всероссийской Православной Церкви и ко всем гражданам Российской державы, о покаянии в грехе небрежения законами Божескими и человеческими... епископ Гермоген... после Божественной литургии совершил на площади близ кафедрального собора всенародное покаянное моление... Были вынесены из собора на площадь чудотворные иконы Всемиловитого Спаса и Божией Матери – Тобольская и Абалакская... Перед началом молебна владыкой произнесено краткое слово о необходимости сердечного покаяния и всенародной молитвы в нынешние тяжелые и беспримерно грозные дни великого испытания, – дни праведного гнева Божия, постигшего дорогое наше Отечество».

4 августа в Тобольске был созван епископом Гермогеном епархиальный Собор, который избрал делегатов на Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви. В этот день епископ Гермоген совершил Божественную литургию, а в конце ее, по заамвонной молитве, огласил послание Святейшего Синода об открытии в Москве Поместного Собора, сказав слово «о чрезвычайной важности предстоящего великого события... и о необходимости избрания в состав... Собора людей достойных – благочестивых, благоговейных, бескорыстнейших и ревностных защитников дела церковного, – которые бы как ангелы небесные, благоговейно охраняли дражайшую нашу святыню – Церковь

* Священномученик Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский), впоследствии митрополит Петроградский; память 31 июля/30 августа.

Вселенскую, выявили бы нам и всем верующим чистую истину Церкви Апостольской и своими трепетными дланями послужили воссозданию, соборному устроению и у нас на Руси истинной Церкви – сего Святого Тела Христова...».

По окончании литургии был совершен молебен перед мощами святителя Иоанна, митрополита Тобольского, – Пресвятой Троице и Божией Матери и святителям Димитрию, митрополиту Ростовскому, и Иоанну, митрополиту Тобольскому.

В августе 1917 года состоялся очередной съезд духовенства и мирян Тобольской епархии. Хотя съезд не предполагал обязательного присутствия на нем архиерея, которому по окончании работы съезда предлагались на рассмотрение протоколы заседаний, в некоторых случаях епископ Гермоген считал нужным объясняться с делегатами лично, как в случае, когда появилась заметка в «Сибирской торговой газете», обвиняющая его в самовольном переводе священно- и церковнослужителей, что препятствовало, по мнению газеты, выборам мирянами духовенства на приходы. Архипастырь был вынужден объяснить членам съезда, что «все переводы и назначения были произведены по прошением и по настойчивым просьбам самих клириков и приходов, и ни одного перевода не было совершено по собственной инициативе епископа, хотя бы в виде наказания или в качестве мести. В доказательство своих слов владыка предложил съезду просмотреть все его резолюции и лично убедиться в правоте его слов... Переходя к частным случаям “самовольного” назначения и перевода клириков, указанных в “Сибирской торговой газете”, владыка» остановился на случае со священником Михаилом Макаровым, о котором сказал, что «лично против него он ничего не имел и не имеет, но во время пребывания своего в Тюмени узнал о бездеятельности его в сфере своих прямых обязанностей как миссионера, а как таковой, священник Макаров находится в личном и непосредственном распоряжении епископа, и посему, в видах урегулирования дел миссии, епископ и освободил священника Макарова от исполнения приходских обязанностей, причислив его к тюменскому собору, считая получаемое им жалованье миссионерское вполне достаточным для него, как человека бессемейного». Другие два священника были перемещены как находящиеся в клире кафедрального собора, подчиняющегося непосредственно архиерею.

После этих объяснений делегаты съезда пожелали узнать, почему без предварительных выборов и без обсуждения кандидата в епископа съездом, был назначен викарным епископом Иринарх (Синеоков-Андреевский). Высказав свои суждения о епископе Иринархе, владыка Гермоген пояснил, что «назначение викария синодальной властью объясняет необходимостью, крайней нуждой в помощи в переходное смутное время, когда “промедление смерти подобно”», и просил «съезд отнестись к назначению епископа Иринарха как к факту, вызванному необходимостью и ради мира».

Делегаты съезда, сделав перерыв, приняли резолюцию, что они свидетельствуют «свое доверие епископу Гермогену и готовность примириться с фактом назначения в Тобольск викарного епископа».

По завершении работы съезда 15 августа 1917 года епископ Гермоген написал: «Сердечно утешен создавшимся единением епископа, духовенства и мирян. Помогите, Господи, нам в этих святых чувствах “единения духа в союзе мира” [Еф. 4, 3] совершать Твое великое дело душепастырства!»

21 августа епископ Гермоген отбыл из Тобольска в Москву для участия в Поместном Соборе. Он стал одним из активных участников Собора в качестве заместителя председателя Отдела высшего церковного управления, занимавшегося вопросом восстановления патриаршества в Российской Церкви. Председателем Отдела был избран архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), заместителем, кроме владыки Гермогена, Павел Борисович Мансуров, секретарями – профессора Иван Алексеевич Карабинов, Павел Александрович Прокошев и Владимир Николаевич Бенешевич, делопроизводителями – чиновник бывшей канцелярии обер-прокурора Синода Владимир Иванович Барвинок и преподаватели Московской Духовной семинарии Сергей Иванович Голощапов* и Александр Аркадьевич Петропавловский.

«Вопрос о патриаршестве был поднят в первом же заседании Отдела, обсуждался в течение шести первых заседаний Отдела и решен в положительном смысле 22 сентября 1917 года».

Обсуждая принципы соборного и единоличного возглавления Поместной Церкви первоиерархом, епископ Гермоген полностью согласился с необходимостью восстановления патриаршества, с грустью лишь заметив, что «титул “Патриарх” очень “помпезен” при современной нищете церковной жизни».

Во время соборного заседания один из докладчиков, священник, критикуя синодальное управление, с укоризной заявил, не называя имени епископа Гермогена: «Один владыка сказал, что Святейший Синод – еретическое учреждение. Почему же члены Синода не вышли из еретического учреждения, почему не возвысили против него свой голос?»

Епископ Гермоген вынужден был взять слово для пояснения. «Я считаю долгом сделать разъяснение, – сказал он. – Синод сконструирован по кальвинским типам, по Пуфендорфу⁵⁹, по немецким основам, а не по духу Православной Церкви. Как же его назвать, как не еретическим, кальвинским строем? Нужно ли уходить из этого строя? – Во избежание анархии он нужен был для управления Церковью. Чтобы пояснить это с точки зрения моего сознания, я должен сказать, что я был не согласен с решением Собора о том, чтобы в Предпарламенте не появлялись члены Собора. Это болезненное, противогосударственное учреждение, и все же я согласился бы быть там, чтобы что-нибудь сделать полезное для Церкви и против разрухи государства. Я получил телеграмму из Петрограда: союз приходов предлагает мне быть выборщиком в Учредительное собрание. Не только выборщиком, а даже каменщиком я согласился бы быть, лишь бы принести малейшую пользу в деле спасения государства от ужасов и разрухи. И в Святейшем Синоде я был дважды, пока меня не изгнали. По конструкции Синод – еретическое учреждение... Когда собрался Собор, то почему не сказать правды, что Синод был еретическим, но Бог спас нас от окончательной гибели... Конструкция Синода может угрожать целости нашего вероисповедания. Название было правильное, я от него не откажусь, но этим я не порицаю ни участвующих в Синоде архиереев, ни самого дела...»

Временное правительство было того же духа, что и прежнее, и зачастую состояло из тех же людей, и оно также оказалось недовольно мужественным епископом. 7 сентября 1917 года министр исповеданий А.В. Карташев предложил «Святейшему Синоду, не признает ли Святейший Синод возможным дать

* Священномученик Сергей (Голощапов); память 7/20 декабря.

Преосвященному Гермогену какое-нибудь поручение, которое могло бы задержать его в Петрограде или в Москве». Просьба министра была проигнорирована.

Во время пребывания на Соборе в Москве «общественной молитве и проповеди епископ Гермоген... уделял едва ли не главное... внимание. В праздничные дни, а часто и в будни, он служил по разным приходским храмам Москвы и проповедовал. Обычно к его службам стекалось множество молящихся... Здесь, в храме, старец-святитель явственно чувствовал биение сердца православной Москвы, и у него загоралась искра надежды: может быть, еще не все потеряно, может быть, не умерла совсем святая Русь; ведь ее сердце бьется еще в стенах Первопрестольной... Необходимо только работать; требуются подвиг и жертвы... Духа не угашайте, духом пламенейте! [1 Фес. 5, 19; Рим. 12, 11]. С таким настроением вернулся архипастырь в начале декабря... в Тобольск».

В феврале 1918 года епископ Гермоген писал Патриарху Тихону: «Ваше Святейшество, благоговейно чтимый Святитель, до глубины души утешен я Вашим святительским общением и приветом, сыновне, с благодарной любовью молюсь я всегда, да укрепит и содействует Своей благодатью Прошедший небеса Архиерей во веки Господь наш Иисус Христос Вашему Святейшеству в великом Вашем Патриаршем служении страждущей ныне и гонимой Церкви Всероссийской и Родине нашей, до конца погубленной врагами и обнищавшей... Я искренне, от глубины души благодарю Всемилоственного Господа за пребывание и устройство меня именно в городе Тобольске. Это поистине город-скит, окутанный тишиной и спокойствием, по крайней мере, в настоящее время... Если для меня более полезно и необходимо ради наших родных людей и ради паствы оставаться в Тобольске и пока не выезжать на Собор в Москву, то это представляю всецело Вашему решению и благословению; также в отношении безвыходного навсегда пребывания в городе Тобольске на дарованной мне Господом кафедре или назначения на какую-либо иную кафедру я страшусь придумывать свой план, выражать свою волю, то есть или слишком привязываться к месту, или, наоборот, с легким сердцем взывать: изведи из темницы душу мою [Пс. 141, 7]. Так буди воля Господня и Ваше мудрое святительское усмотрение...»

Здесь, в Тобольске, зримо для всех чистотой веры засиял светильник Христов. Непокколебимо отстаивая истину во времена абсолютистской монархии, он с тем большей ревностью противостоял лжи и насилию государственного безбожия. Свою Тобольскую паству он призывал «сохранить верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами... революции и их современными жрецами, требующими от православных русских людей выветривания, искажения русской народной души космополитизмом, интернационализмом, коммунизмом, открытым безбожием и скотским гнусным развратом».

Особой заботой владыки стали возвращавшиеся с полей сражений фронтовики. Развращаемые большевистской пропагандой, они были, по существу, брошены обществом, а власть имущие смотрели на них как на бессловесное стадо, которое они толкали на грабежи и разбой, чтобы кровавыми преступлениями крепче связать их с собой.

В конце февраля 1918 года в архиерейских покоях состоялось заседание Иоанно-Дмитриевского братства под председательством епископа Гермогена. На собрании владыка произнес горячую речь, в которой обрисовал психологию солдата-воина, отметив, что солдат-страдалец ждет от общества помощи, а не

осуждения, и призвал всех помочь солдатам-фронтовикам. Решено было для этой цели организовать особый отдел при Братстве. Забота епископа о фронтовиках привела большевиков в бешенство: они старались солдат разорить и озлобить, в то время как святитель оказывал им материальную помощь и звал к миру.

Обращаясь к вернувшимся с фронта солдатам, епископ Гермоген писал о захвативших власть большевиках: «Чего они... от нас хотят, чего требуют? Они требуют поклоняться бездушному идолу, презирать Родину и не иметь ее вовсе никогда, презирать и всячески глумиться над православно-христианской верой и Церковью, ненавидеть, преследовать и безнаказанно издеваться над православными священниками и архиереями, ничего не делать такого, что могло бы содействовать общему благу, общему миру как всего населения, так и отдельных слоев его, стараться всегда немедленно и с великой яростью нападать и разрушать всякое благое дело, направленное к удовлетворению вопиющих нужд населения или отдельных слоев его, стараться как можно более всесторонне осуществлять принцип: “чем хуже, тем лучше”».

После опубликования в 1918 году декрета об отделении Церкви от государства, святитель обратился к Тобольской пастве: «Братья христиане! Поднимите ваш голос в защиту церковной апостольской веры, церковных святынь, церковного достояния. Оберегайте святыню вашей души, свободу вашей совести! Никакая власть не может требовать от вас того, что противно вашей вере, вашей религиозной совести!»

Были отпечатаны листки со статьей относительно декрета, где он был охарактеризован как объявление о начале лютых гонений на Церковь. Владыка благословил раздать эти листки по храмам, и они скоро разошлись среди населения города. На следующий день ему передали, что большевики находятся в неопишуемой ярости по поводу распространения листов. 11 апреля в местной газете они опубликовали против епископа угрожающую статью. Близкие сообщили владыке, что против него что-то замышляется. Святитель был настроен по обыкновению радостно и не обращал ни малейшего внимания на злобу большевиков.

Большевики тем временем усиленно готовились к аресту епископа: реквизировали у населения три десятка лошадей и приготовили повозки, чтобы после ареста сразу же увезти владыку из города.

В четверг, 12 апреля, открывая заседание совета Иоанно-Дмитриевского братства, владыка сказал, что по имеющимся в его распоряжении сведениям, в одну из ближайших ночей он будет арестован и увезен из Тобольска.

Слова его произвели гнетущее впечатление на присутствовавших, некоторые стали успокаивать себя и говорить, что эти слухи не соответствуют действительности, что в городе не найдется руки, которая поднялась бы на архипастыря. Однако точность сведений была владыкой доказана, и присутствовавшими овладела тревога, некоторые члены совета стали настаивать, чтобы владыка переехал в Знаменский монастырь, расположенный рядом с Тобольском, где жил викарный епископ Иринарх.

В два часа ночи епископ прибыл в Знаменский монастырь, чтобы обсудить с владыкой Иринархом создавшееся положение. Разговаривали до утра. Владыка Иринарх советовал отдаться под защиту паствы, объявив ей о готовящемся насилии. Но средство это было ненадежным. Большевики обязательно заявят, что никаких замыслов об аресте архиерея не существует, и само такое объявление

назовут агитацией против власти. Около шести часов утра владыка Гермоген выехал из монастыря в город.

Это было время, когда Патриарх Тихон благословил провести крестные ходы по всей стране. «Вот и нам, – сказал епископ Гермоген, – Бог укажет день совершить по нашему городу крестный ход, и мы под сенью святых хоругвей, со святым крестом, святыми иконами пройдем прославить Бога в песнях духовных, открыто пред лицом врагов веры и Святой Церкви исповедовать верность вере отцов и Матери-Церкви».

Крестный ход был назначен на Вербное воскресенье 15 апреля 1918 года. Вечером 13 апреля, во время богослужения в своем домовом храме, святитель сказал, что ежеминутно ожидает насилия над собой и, может быть, расправа состоится сегодня ночью. Друзья епископа, ссылаясь на примеры церковной истории, когда пастырям Церкви приходилось укрываться от гонителей, просили владыку, хотя бы на несколько часов, пока не выяснятся обстоятельства, воспользоваться их кровом. Он согласился, решив уклониться от ареста ночью, чтобы арестовывали днем, при народе, и сообщил, что ему явился во сне его отец, архимандрит Иннокентий, и предупредил, что он будет предан в руки безбожников и убит.

Около одиннадцати часов ночи в архиерейские покои явился отряд большевиков.

– Где ваш архиерей? Где Гермоген? – спрашивали они встречавшихся.

Все отвечали незнанием. Был произведен обыск в обоих домовых храмах. Латыши-лютеране разгуливали по алтарю в шапках, дотрагивались до жертвенника и до святого престола, смеясь над православными святынями. Предположив, не скрывается ли владыка под престолом, они с кощунственным смехом столкнули его с места и высоко подняли. Около четырех часов утра обыск в архиерейских покоях закончился, и ямщик, который по распоряжению властей еще с вечера подал лошадей к архиерейскому дому, чтобы везти владыку в тюрьму, был отпущен.

Той же ночью был произведен обыск в Знаменском монастыре, главным образом в покоях епископа Иринарха и в Михайловском скиту, расположенном в восьми верстах от города.

На другой день, в Лазареву субботу 14 апреля, председатель Тобольского совета рабочих депутатов Хохряков и два члена местного исполкома, Писаревский и Дуцман, явились в архиерейский дом, где в это время шло заседание епархиального совета и обсуждались события прошедшей ночи.

Они пожелали поговорить наедине с епископом Иринархом, тот согласился, но с условием, что результаты переговоров будут тотчас же сообщены членам епархиального совета.

Советские представители выразили ему неудовольствие, что епископ Гермоген скрывается, и стали уверять, что никакая опасность ему не угрожает, что обыск производился исключительно с целью изъятия документов.

Владыка Иринарх спросил, насколько справедливы слухи о предстоящем аресте епископа Гермогена и об увозе его в Екатеринбург.

Председатель Тобольского совета Хохряков ответил, что слухи эти вздорные, что никакой арест епископу Гермогену не грозит, он им нужен только для допроса, который, ввиду наступающего праздника, Вербного воскресенья, будет отложен до понедельника, но желательно, чтобы в эти дни он молчал по поводу обыска и сопровождавших его обстоятельств.

Преосвященный Гермоген прибыл в собор к началу всенощного бдения. Во время богослужения в алтарь вошел член епархиального совета Гаврилов и предупредил владыку о требовании властей скрывать правду.

Но епископ Гермоген как при власти Императора, так и при власти безбожников оставался прежде всего служителем Христовым и в ответ сказал:

– Я считаю себя нравственно не вправе не говорить с церковного амвона о тех кощунствах, которые были допущены при обыске в храмах, а в свою неприкосновенность я совершенно не верю. Пусть меня завтра убьют, но я, как епископ, как страж святыни церковной, не могу и не должен молчать.

За всенощной владыка произнес проповедь, которая была впоследствии по памяти восстановлена слушателями.

«Благодарю Господа Бога, что Он и меня сподобил пострадать за Его святое Имя и Церковь, – сказал святитель, обращаясь ко множеству собравшегося в храме народа. – Мои страдания оказались ничтожными в сравнении с другими страдальцами за Христову веру. Как это случилось, я считаю своим долгом пояснить. Я и раньше говорил и в частных беседах, и в проповедях, что я политики не касался, не касаюсь и не буду касаться. Я ее презираю, так как считаю неизмеримо ниже, чем высокое учение Христа. Я только просил и буду просить, чтобы те, кто у власти, не касались Церкви Божией и молитвенных собраний. Мне пришлось и при прежнем, старом порядке быть гонимым за свое нежелание принижать свое высокое епископское звание, апостольское служение временным, земным политическим интересам. Я более пяти лет был за то узником у старого правительства, но остался верен правде своей. Может быть, за это Господь снова удостоил меня взойти на кафедру епископского служения в Тобольской епархии. Если кто-нибудь здесь имеется из представителей существующей власти, я в их присутствии заявляю перед вами, православные, что моя деятельность чужда политики. Говорят о какой-то моей переписке с бывшим царским домом, но это неправда. Никакой переписки не было. Но если бы кто-либо писал ко мне с просьбой моих святительских молитв, кто меня прежде знал, то неужели я в этом повинен и неужели я, как епископ, не могу молиться о всех страждущих, от чего бы эти страдания ни происходили*. Пытаются меня обвинить в том, что я хотел будто бы подкупить симпатии фронтовиков. Обвиняют меня за то, что я давал и свою посильную лепту и собирал пожертвования в пользу обездоленных, вернувшихся неустроенных воинов. Я всегда горячо любил нашего русского серого солдата. Люблю и уважаю глубоко и теперь, несмотря на несчастный конец войны, ибо верю, что это несчастье случилось по попущению Божию за грехи наши, а не по вине испытанного в своей доблести рядового русского солдата. Миллионы их легли за спасение Родины. Миллионы вернулись с надломленным здоровьем в разоренные – нередко до нищеты свои семьи. Разве каждый из вас не чувствует, что долг всякого, оставшегося во время войны дома человека, протянуть руку помощи нуждающемуся солдату? Они обращались ко мне за помощью, да если бы и не обращались за помощью, то я считал бы своим долгом вместе с пасомыми оказать им посильную помощь. Где же тут моя

* Речь идет о письме одной благочестивой женщины с просьбой молиться за Императора за подписью «Мария», в котором был указан и адрес ее. Но представители советских властей предпочли выдать его за «письмо от Императрицы Марии» и в таком виде поместили в газете «Тобольский рабочий» в уверенности, что никто не будет проверять. При бегстве большевиков из Тобольска это письмо вместе с другими бумагами, изъятыми у епископа, оказалось брошенным за ненадобностью и было найдено.

вина? Судите сами, насколько справедливы те, которые видят в моей помощи желание подкупить фронтовиков. На это дело я смотрел как на дело исполнения заповеди Божией о любви и взаимопомощи, а что было так – лучше спросить об этом тех, кто получал от меня эту помощь. Но что бы ни говорили и ни делали против меня – Бог им судья: я их простил и теперь прощаю. Может быть, к этим обвинениям у вас, моих пасомых, примешивается желание избавиться от столь сурового, каким, может быть, я показался некоторым из вас, епископа? Может быть, вам хотелось бы иметь на моем месте человека с более мягким характером, то выбирать себе такого – дело ваше, а я остаюсь таким, какой есть. Буду призывать вас к посту, молитве, покаянию, как это делал раньше в твердой вере в милость Божию к нам, грешным. Если вам угодно, воспользуйтесь выборным началом, я подчинюсь ему, но себя переменить не могу. Еще раз заявляю, что моя святительская деятельность чужда всякой политики. Моя политика – вера в спасение душ верующих. Моя платформа – молитва. С этого пути я не сойду и за это, быть может, я лишен буду возможности в эту ночь спокойно ночевать в своем доме...»

По окончании всенощного бдения владыка, окруженный толпой народа, вышел из собора и направился в свои покои. Ввиду праздника и большого стечения людей, власти побоялись его арестовывать: около двух часов ночи ему принесли повестку, что он вызывается на допрос в понедельник. Тем хотели епископа успокоить, чтобы он после воскресной службы не скрылся.

Один из очевидцев, Н.А. Сулима-Грудзинский, так вспоминал о последних днях пребывания владыки Гермогена на свободе.

– Я от них пощады не жду, – сказал святитель, – они убьют меня, – мало того, они будут мучить меня: я готов, готов хоть сейчас. Я не за себя боюсь, не о себе скорблю – скорблю о городе, боюсь за жителей, что они сделают с ними?

И он осенил себя широким крестным знамением, подошел к окнам покоев и архиерейским благословением с благоговением начал благословлять все стороны города и жителей его – и верующих, и гонителей, и своих будущих убийц. Кончив благословлять, он обернулся: на глазах его, кротких и любвеобильных, блстели слезы.

В самое Вербное воскресенье владыка, приобщившись Святых Христовых Таин и приобщив священнослужителей, стал сосредоточенно молиться, а потом медленно сел в архиерейское кресло. Выражение лица его было спокойным, точно он, наконец, получил ответ на интересовавший его очень важный вопрос. Подозвав Сулиму-Грудзинского к себе и благословив его, епископ спросил:

– Слышали? Устраиваю крестный ход. Что вы на это скажете?

– Владыка, погубите себя, – ответил тот, смутившись.

Ответ не удовлетворил епископа, он порывисто поднялся, трижды поклонился святому престолу и затем, осеняя себя крестным знамением, торжественно, величественно и вдохновенно произнес:

– Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!

В крестном ходе после окончания праздничного богослужения по благословению святителя участвовало все городское духовенство. Перед началом крестного хода святитель произнес в соборе проповедь, призывая в ней всех православных русских людей вознести всенародное моление Господу Богу о спасении погибающей Родины. Крестный ход привлек множество верующих, создалась высокоторжественная, молитвенная обстановка. Церковная процессия из собора направилась в подгорную часть Тобольска. Дойдя до Михаило-

Архангельской церкви, владыка отслужил молебен и отдал распоряжение возвращаться обратно, но его просили идти далее по центральным улицам города, мимо всех приходских храмов. На обратном пути ряды народа постепенно стали редеть, и на гору поднялось уже значительно меньше людей. На всем пути крестного хода его сопровождали пешие и конные отряды красногвардейцев в полном вооружении.

Крестный ход окончился в половине пятого вечера. Архипастырь сильно устал и медленно шел в окружении богомольцев, направляясь к своим покоям. Перед входом в дом к нему подошел солдат.

Он был безоружен и настойчиво просил владыку принять его.

Епископ долго отказывался, ссылаясь на усталость. Тот не отставал, и владыка наконец спросил:

– Вы, вероятно, хотите меня арестовать?

– Не беспокойтесь, мы вас не станем арестовывать, – льстиво проговорил тот. – Вы видите, у меня даже оружия нет. Дело в том, что часть солдат за вас, а большинство против. Мы хотим защитить вас от насилия.

Говоривший в это время сделал знак, и из-за поленницы появились солдаты, которые начали прикладами разгонять богомольцев. Народ бросился к архиерейским покоям, но солдаты загородили дорогу, лишь человек тридцать успели пройти в дом. Собравшиеся у подъезда почувствовали недоброе. Послышались восклицания:

– Что вы хотите сделать с нашим епископом? Мы не дадим его! Некоторые запели: «Да воскреснет Бог...»

На колокольне рядом с архиерейским домом ударили в набат. Большевики открыли по колокольне стрельбу и согнали звонарей. Соборную площадь оцепили латышские стрелки и стали силою очищать ее от народа. В воздухе по адресу епископа понеслась площадная брань. Владыка оказался в окружении солдат; дойдя до приемной комнаты, он спросил их, что им нужно. Один из них вышел вперед и зачитал приказ о домашнем аресте епископа.

– Но в чем же я виноват? – спросил святитель. – В политику я не вмешиваюсь и не вмешивался. Я говорил и старому правительству, чтобы оно не делало насилия над Церковью, и за это был заточен на пять лет в монастырь. Об этом прошу и теперь.

– Что вы слушаете его! – выкрикнул кто-то из большевиков. – Берите его сейчас, да и только.

Среди верующих слышались протесты, и солдаты стали успокаивать толпу, уверяя, что епископ будет цел и невредим и по-прежнему будет молиться со своей паствой. Вслед за этим большевики приказали всех выгнать вон. Когда святитель остался один, обращение с ним сделалось грубым и вызывающим. Чувствуя себя больным и утомленным, он хотел принять лекарство. Стоявший рядом солдат навел на него револьвер и с насмешкой сказал, что во время ареста лечиться нельзя. Затем епископу было приказано немедленно собираться.

Владыка переоделся, исповедался у служащего при архиерейском доме иеромонаха Германа и вышел на крыльцо, где его уже ждала повозка, запряженная лошадьми. Под конвоем он был доставлен в штаб Красной гвардии, разместившийся в здании духовного училища.

Эконом, войдя после ареста архиерея в его покои, увидел двух незнакомых ему людей, один из которых прятал под полу шинели футляр с панагией

епископа, он попытался задержать вора, но солдаты пригрозили ему расстрелом, если он будет возмущаться сам и возмущать народ «ложными слухами».

Весть об аресте епископа быстро облетела город, и власти поспешили принять меры на случай проявления народного недовольства; было прервано сообщение между нагорной и подгорной частями Тобольска, по улицам ходили патрули и разгоняли собиравшихся группами горожан.

Епископ Иринарх по окончании вечернего богослужения в Знаменском монастыре тотчас же отправился в исполком, чтобы навести справки о случившемся и, если возможно, облегчить участь арестованного владыки. Председатель трибунала Дегтярев вызвал в качестве сведущего лица дежурного члена исполкома Крекова.

– На каком основании подвергнут аресту христианский епископ, да еще после обещания не беспокоить его допросами в течение двух дней? – спросил владыка Иринарх.

– Епископ за всенощной 14 апреля произнес вызывающую агитационную проповедь.

– По имеющимся у меня сведениям, проповедь не заключала в себе чего-либо криминального и отличалась умеренностью тона, – возразил владыка.

– Большую роль в деле ареста сыграл крестный ход, – сказал Креков.

– По моему разумению, крестный ход являлся лучшим средством успокоения народных масс, когда верующие увидели, что епископ Гермоген цел и невредим, что он свободно шествует в процессии по улицам города, – значит, и все толки о грозящей епископу опасности, готовящемся над ним насилии лишены оснований. Чьим распоряжением епископ лишен свободы?

Присутствующие не дали ответа, и епископ Иринарх потребовал вызвать по телефону председателя Тобольского совета Хохрякова и спросил его:

– Чьим распоряжением епископ Гермоген подвергся заключению?

– Распоряжение было, а от кого – это для вас все равно, – ответил Хохряков.

– Для меня это очень важно, так как о случившемся я должен немедленно донести Святейшему Патриарху, а между тем даже для вас небезразлично, чтобы сообщаемые мной сведения соответствовали действительности.

– Ну, хотя бы я распорядился, мне предоставлено это право, – раздраженно ответил Хохряков.

– Прошу мне разрешить свидание с заключенным епископом.

– В течение двух-трех суток к епископу никого не допустят. А когда будет можно, я извещу вас по телефону.

17 апреля исполнительный комитет Совета депутатов опубликовал обращение к гражданам Тобольска и Тобольской губернии относительно ареста епископа, где его обвиняли в том, будто он «нарушил данное обещание, обрушившись в проповеди на святотатство... На второй день, в воскресенье, он не только произносил разжигающие речи, призывая защитить его, но даже устроил крестный ход, несмотря на то, что в Тобольске не бывало, чтобы в Вербное воскресенье устраивались крестные ходы.

Все эти обстоятельства вызвали крайнее озлобление Красной гвардии, и в предупреждение гражданской войны и кровопролития было постановлено епископа Гермогена, как нарушившего обещание, подвергнуть аресту и увезти из Тобольска, что и было исполнено без всяких эксцессов и осложнений вечером в воскресенье...

Никаким оскорблениям епископ не подвергался, отношение к нему предупредительное, и все его близкие могут быть совершенно спокойны за его судьбу»⁶⁰.

Созданная по благословению Патриарха Тихона комиссия по расследованию насилия, учиненного над епископом Гермогеном, попросила Тобольский исполком предоставить ей документальный материал, на котором строятся обвинения владыки.

Председатель исполкома Дислер ответил, что епископ Гермоген арестован по распоряжению Центрального исполнительного комитета как черносотенец и погромщик, но у них нет никаких документальных данных, изобличающих его преступную деятельность.

В час ночи 16 апреля большевики тайно вывезли святителя из Тобольска и повезли по испорченной весенней распутицей дороге в Екатеринбург. «Кто бы ни пошел вам навстречу, стреляйте!» – такой приказ отдан был конвоирам. Ямщики доехали до Иртыша. Весенняя потайка была столь сильна, что переправляться через реку на лошадях стало невыносимо.

Епископ по приказу вышел из экипажа и пошел пешком по тающему льду через реку в сопровождении конвойных, которые всю дорогу насмехались над ним. Это был первый день Страстной седмицы.

В Екатеринбург владыка прибыл в среду Страстной седмицы, 18 апреля, и был помещен в тюрьму вблизи Сенной площади, рядом с Симеоновской церковью. Дверь камеры выходила в особый коридор, перпендикулярный главному и отделенный от него глухой дверью с запором. Надзор администрации был очень строгим, камера постоянно находилась на замке, пронести можно было только обед, который доставлялся из местного женского монастыря, воду для чая и одну-две книги религиозно-нравственного содержания, но на это требовалось каждый раз разрешение комиссара.

Во время одной из первых же прогулок владыки комиссар Оплетин приказал оставить всех заключенных в камерах, а на прогулку выпустить только епископа и заключенную женщину.

А затем вместе со стражей комиссар стал потешаться над епископом и его невольной спутницей, говоря вслух разные гнусности, так чтобы слышали другие заключенные, смотревшие на них из камер двухэтажного тюремного здания. После этого владыка от прогулок отказался.

В тюрьме святитель или читал, или писал, но больше молился и пел церковные песнопения. Читал он по преимуществу Новый Завет в переводе Константина Победоносцева и жития святых. Милостью Божией ему удалось через старика-сторожа Семена Баржова установить переписку со священником Симеоновской церкви Николаем Богородицким, а через него – с епископом Екатеринбургским Григорием (Яцковским) и с прибывшей от съезда Тобольской епархии делегацией – братом епископа Гермогена протоиереем Ефремом Долганевым, священником Михаилом Макаровым и присяжным поверенным Константином Александровичем Минятовым.

Вот некоторые, весьма характерные строки из писем епископа, свидетельствующие о его неизменном молитвенном настроении.

«Я почти каждый день бываю на литургии в храме угодника Божия Симеона, Верхотурского чудотворца. Каким образом? Во время звона мысленно у жертвенника поминаю всех присно мною поминаемых, живущих и почивших. После звона “во-вся” произношу: “Благословенно Царство”, – и затем всю

литургию до отпуста; и замечательно, что “Достойно и праведно” мне весьма часто удавалось петь или произносить, когда звонят “к Достойно” в каком-то храме, вероятно недалеко, – звон отчетливый и довольно громкий».

Владыка, несмотря на трудные тюремные условия и преклонный возраст, был бодр духом и благодушно переносил испытания. Он был всем доволен и сердечно благодарил за те хлопоты, которые доставляли его узы близким. Утешая свою «благоговейно любимую и незабвенную паству», владыка писал:

«Дорогие о Господе!

Утеши, обрадуй и возвесели вас Господь. Вновь всей душой молю, не скорбите обо мне по поводу заключения моего в темнице. Это мое училище духовное. Слава Богу, дающему столь мудрые и благотворные испытания мне, крайне нуждающемуся в строгих и серьезных мерах воздействия на мой внутренний духовный мир...

Вместе с тем эти видимые и кажущиеся весьма тяжкими испытания составляют, в сущности, естественный и законный круг условий и обстоятельств, неразрывно связанных с нашим служением. Прошу лишь святых молитв ваших, чтобы перенести эти испытания именно так, как от Бога посланные, с искреннейшим благочестивым терпением и чистосердечным благодарением Господу Всемиловитому... что, первое, сподобил пострадать за самое служение, Им на меня возложенное, и, второе, что самые страдания так чудно придуманы (хотя совершаются врагами Божиими и моими) для внутреннейшей, сокровенной, незримой для взора человеческого “встряски” или потрясения, от которых ленивый, сонливый человек приходит в сознание и тревогу, начинает трезвиться, бодрствовать не только во внешнем быту, но, главное, в своем быту внутреннейшем, в области духа и сердца; от этих потрясений (между жизнью и смертью) не только проясняется внутреннейшее глубокое сознание, но и усиливается и утверждается в душе спасительный страх Божий – этот чудный воспитатель и хранитель нашей духовной жизни... Посему воистину – слава Богу за все... Если Господу угодно и Он поможет вам сделать что-либо для возможности вскоре вновь вступить в служение – слава и великое благодарение Богу, а если нет, то да будет Его Премудрая Святейшая Воля и Промышление».

Из тюрьмы владыка написал Патриарху Тихону письмо с изложением всех происшедших за последнее время событий и смиренно просил Святейшего, если то Богу будет угодно, оставить его на Тобольской кафедре, а пребывание в тюрьме и всякое другое насильственное задержание вне епархии считать за продолжение служения.

Прибывшая от епархиального съезда делегация начала хлопоты по освобождению епископа на поруки. Совет депутатов назвал сумму залога в сто тысяч рублей.

Узнав об этом, владыка написал: «Дорогие о Господе, отец Николай, отец Ефрем, отец Михаил и Константин Александрович!»*

Милость Божия будет со всеми вами. Узнал, что мое освобождение возможно под условием залога, вернее выкупа (так как “отданные раз деньги уже не выдаются обратно”, как говорят повсюду) в сто тысяч рублей!!!

Для меня это, конечно, несметное количество денег; сто рублей я бы еще дал из своего старого... небольшого жалованья – даже, пожалуй, до трехсот рублей (это последняя грань). Если же паства будет выкупать меня, то какой же я

* Протоиерей Николай Богородицкий, протоиерей Ефрем Долганев, священник Михаил Макаров и К.А. Минятов.

“отец”, который будет вводить детей в такие громадные расходы вместо того, чтобы для них приобретать или им дать. Это что-то несовместимое с пастырством. Наконец, я ведь вовсе не преступник, тем более уж не политический преступник... Затем, можно ли поручиться, что они, взявши сто тысяч (страшно даже выговорить), вновь не арестуют меня через сутки всего...

Если я “преступник” для них со стороны церковной среды, то перестанут ли они считать меня таковым, сами преступая все правила и законы церковные, вторгаясь в Церковь и вынуждая меня вступать в защиту Церкви».

Областной совнарком, поторговавшись, уменьшил сумму выкупа до десяти тысяч рублей. Деньги при помощи местного духовенства были получены от коммерсанта Д.И. Полирушева и переданы властям. Хохряков дал расписку в получении денег, но вместо того, чтобы отпустить епископа, распорядился арестовать членов делегации: протоиерея Ефрема Долганева, священника Михаила Макарова и Константина Минятова.

От владыки Гермогена старались скрыть их арест, но он скоро догадался об истинном положении дел. «Дорогой отец Николай, – писал он священнику Николаю Богородицкому. – Я сильно стал беспокоиться за моих гостей и ходатаев, что-то уже много дней от них нет никакой весточки. Боюсь прямо, как бы их не арестовали из-за меня, непотребного...»

Большой и настоятельной заботой для святителя было приобщение Святых Христовых Таин. Мысль о такой возможности подал протоиерей Николай Богородицкий. Владыка в записке от 27 мая ответил: «[Получил] Вашу радостнейшую, истинно пасхальную весть о возможности ходатайствовать для меня или... выхода в храм (что несравненно лучше при всех обстоятельствах) для причащения Святейших Христовых Таин, или... прибыть Вам ко мне со Святейшими Тайнами...»

Разрешение на причащение в камере последовало накануне Троицы. 11 (24) июня, в день Святого Духа по окончании литургии протоиерей Николай взял Святые Дары и с тремя певчими отправился в тюрьму. Владыка Гермоген давно ожидал их. Когда началась исповедь, то трое певчих, запертые в маленьком коридоре, невольно явились свидетелями покаянного плача и воздыханий святителя.

После причащения служили молебен, на котором разрешено было присутствовать и другим узникам. Епископ служил с большим молитвенным подъемом. Особенно трогателен был момент, когда по окончании молебна он преподал каждому благословение и попрощался. Он сказал тогда присутствовавшим: «Это разве тюрьма?! Вот где апостол Павел был заключен, то тюрьма! А это, благодарение Господу, училище благочестия!..» Все плакали. Растроганный владыка, детски радуясь, благодарил певчих за труды и, несмотря на усиленные отказы, заставил бывшего в числе прочих регента взять несколько рублей «для раздачи певчим».

Вечером следующего дня епископ Гермоген был увезен из тюрьмы. С ним вместе увезли несколько человек, в том числе священника села Каменского Екатеринбургской епархии Петра Корелина. На вокзале родственники простились с арестованными, только епископа Гермогена никто не провожал. Но это несколько не опечалило его, он понимал, что вскоре ему предстоит мученическая кончина, и, готовясь к ней, он был духовно тверд и совершенно спокоен.

Ночью 13 июня поезд прибыл в Тюмень, где была сформирована под возглавием Хохрякова речная флотилия, и все узники были доставлены на

пароход «Ермак». Вечером следующего дня пароход остановился у села Покровского, и здесь всех, исключая епископа и священника, перевели на флагманский пароход «Ока», где находился Хохряков, а затем высадили на берег и расстреляли.

Готовясь к столкновению с войсками Сибирского правительства, большевики возводили на пароходе «Ермак» укрепления и заставили трудиться над ними епископа и священника. Святитель был одет в рясу серого цвета, чесучовый кафтан, подпоясан широким кожаным поясом, на голове – бархатная скуфейка. Он был физически изнурен, но бодрость духа не покидала его. Таская землю, распиливая доски и прибивая их гвоздями, владыка все время пел пасхальные песнопения.

15 июня в десять часов вечера епископа и священника перевели на пароход «Ока». Подходя к трапу и уже предчувствуя близкую кончину, святитель тихо сказал лоцману парохода «Ермак»:

– Передайте, раб крещеный, всему великому миру, чтобы обо мне помолились Богу.

На пароходе арестованных посадили в грязный и темный трюм; пароход пошел вниз по реке по направлению к Тобольску. Хохряков⁶¹ распорядился казнить узников. Около полуночи большевики вывели священника Петра Корелина на палубу, привязали к нему два тяжелых гранитных камня и сбросили в воду. В половине первого ночи епископа Гермогена вывели из трюма на палубу. До последней минуты он творил молитву. Когда палачи перевязывали веревкой камень, он кротко благословил их. Связав владыку и прикрепив к нему на короткой веревке камень, убийцы столкнули его в воду. Всплеск воды от падения тела заглушил дикий хохот озверевших людей.

Особое промышление Господне сопровождало священномученика и после кончины. Богу было угодно, чтобы пример именно этого архипастыря, из пострадавших в 1918 году, стал примером для архипастырей и пастырей будущей России, как исполнившего заповедь Христову: «Говорю же вам, друзьям моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать; но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может свергнуть в геенну; ей, говорю вам, того бойтесь» (Лк. 12, 4-5). Честные останки священномученика Гермогена были вынесены вместе с камнем на берег реки и 3 июля обнаружены крестьянином села Усальского Георгием Лосевым, который нашел тело епископа «со связанными на спине руками и привязанным к рукам на веревке тяжелым камнем весом 1 пуд 35 фунтов. Лосев... доложил своему сельскому старосте, а последний... командировал крестьянина Алексея Морякова сделать могилу и положить труп в том виде, в каком он был обнаружен...».

Здесь тело епископа оставалось до 21 июля, когда был произведен его осмотр судебными властями Сибирского правительства, чьи войска освободили уже в это время от большевиков Тобольск, и затем перевезено в село Покровское и помещено во временную могилу на Покровском кладбище. 23 июля тело владыки снова было осмотрено, и члены комиссии пришли к непоколебимому убеждению, что перед ними действительно лежат честные останки священномученика Гермогена Тобольского; по окончании осмотра они с крестным ходом были перенесены в церковную ограду и положены во временную могилу.

27 июля тело епископа было вынуто из земли и перенесено в Покровский храм, точно в память о том, что Покров Божией Матери защищает Россию, день

празднования этой иконе и был избран когда-то днем празднования всех монархических организаций, членам которых епископ Гермоген предложил христианские пути для спасения своих душ и России. Священнослужители облачили тело епископа в архиерейские одежды; затем оно было перенесено с крестным ходом при громадном стечении молящихся на пароход «Алтай».

Подойдя к месту, где были обретены честные останки святителя, пароход пристал к берегу; здесь отслужили панихиду и на месте первой могилы священномученика поставили большой деревянный крест с надписью: «Здесь 3 июля 1918 года обретены честные останки мученика епископа Гермогена, убиенного 16 июня 1918 года за Веру, Церковь и Родину».

Вечером следующего дня пароход подошел к Тобольску. На пристани гроб с телом святителя был встречен крестным ходом всех городских церквей и многотысячными толпами народа.

В последний раз обошел священномученик во главе своей паствы с крестным ходом стогны кафедрального града, и, наконец, гроб с его телом поместили в Софийский Успенский собор. Здесь он простоял пять суток, не издавая запаха тления. Перед погребением молящиеся долго прощались со своим архипастырем, с величайшим благоговением лобызая руки мученика, не перестававшего и по преставлении благословлять их на подвиг дерзновенного стояния за церковные святыни православной апостольской веры.

2 августа после Божественной литургии епископ Иринарх в сослужении сонма духовенства, в присутствии военных и гражданских представителей Сибирского правительства и множества молящихся совершил чин погребения.

Честные останки священномученика Гермогена, епископа Тобольского и Сибирского, были погребены в склепе, устроенном в Иоанно-Златоустовском приделе Софийско-Успенского собора на месте могилы, прославленного в 1916 году святителя Иоанна, митрополита Тобольского.

24 августа (6 сентября) 1918 года при открытии одного из заседаний Поместного Собора товарищ председателя, митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), довел «до сведения Собора, что... расстреляны Преосвященный Макарий (Гневушев)*, епископ бывший Орловский, и протоиерей И.И. Восторгов. Кроме того... найдено тело Преосвященного Гермогена, епископа Тобольского; оба мученически пострадавшие Преосвященные – Макарий и Гермоген – состояли членами нашего Собора. Воспоем им и протоиерею И.И. Восторгову “Со святыми упокой”», – сказал он.

Священномученик Гермоген был причислен к лику святых на Архиерейском Соборе 2000 года. 3 сентября 2005 года были обретены мощи священномученика и перенесены в Покровский храм Тобольского кремля.

Сверкающей вершиной в блеске солнца, как чистая церковная свеча, ты освещаешь светом ровным иные закоулки мира бытия; смотреть на то, что освещает свет – всегда печально, а голову поднять – слепит глаза, и потому дай, Боже, со смиреньем опустив глаза, – не забывать, что на земле хоть изредка бывает нетленных совершенство бытия.

Священномученик Петр – Петр Иванович Корелин – родился в 1864 году; в 1883 году он окончил Пермскую Духовную семинарию и был назначен учителем в Новопышминское училище. 13 июля 1886 года Петр был рукоположен во священника к Сретенскому храму в селе Иленское Ирбитского уезда Пермской

* Священномученик Макарий (в миру Михаил Васильевич Гневушев), епископ Орловский; память 22 августа/4 сентября.

губернии, а 12 апреля 1888 года переведен в Богоявленскую церковь в селе Кочневское Камышловского уезда; с 14 ноября 1904 года он стал служить в Свято-Троицком соборе Каменского завода того же уезда. В 1914 году отец Петр был назначен исполняющим должность благочинного 2 округа Камышловского уезда.

В начале XX века повсюду начала ощущаться недостаточная активность приходской жизни, и стали предприниматься меры для ее оживления, и в частности, на поприще просвещения народа. Отец Петр выписывал книги и брошюры для раздачи народу, организовал благочинническую окружную библиотеку, куда выписывалось семь периодических изданий, устраивал собрания духовенства, на которых обсуждалось прочитанное. Но все предпринимаемые им средства в силу начавшегося социального и духовного кризиса могли помочь уже лишь немногим. В 1918 году отец Петр был арестован и заключен в тюрьму в Екатеринбурге, а затем вместе с епископом Гермогеном заключен в грязный и темный трюм парохода «Ока». Отец Петр предварил мученическую кончину святителя. Около полуночи 16 июня 1918 года он был выведен на палубу и утоплен в реке.

Священномученик Ефрем родился 28 января 1874 года в местечке Петровки Ананьевского уезда Херсонской губернии. Окончив Одесское духовное училище, он в 1887 году поступил в Одесскую Духовную семинарию, которую окончил по первому разряду в 1893 году, и собирался поступать в Московскую Духовную академию. Однако тяжелое материальное положение семьи заставило его усомниться, сможет ли он учиться в академии, не получая стипендии. Его брат, иеромонах Гермоген, заверил, что материально поможет ему. В ответ Ефрем написал: «Совсем изменилось настроение духа, тем более что, не получая от тебя никаких известий, я впал в сомнение относительно моего поступления в академию, а это мучительным образом отзывалось на настроении моего духа. Ехать в академию я очень и очень желаю. С жаром примусь готовиться. Бог даст, успею еще».

Поступив в Московскую Духовную академию, Ефрем писал брату: «Благодарю тебя за то, что ты принял на себя содержание меня в академии. Пусть Бог примет твою лепту и воздаст за нее сторицею, а меня удостоит достигнуть чрез эту лепту служения в Его Святой Церкви и хранимом Им Отечестве моем».

В конце декабря 1893 года Ефрем приехал в Санкт-Петербург. Описывая свои впечатления от посещения Петербурга брату, он писал: «Любовался соборами. Видел всех митрополитов, видел Государя и все царское семейство. Но особенно я благодарю Бога за то, что Он удостоил меня быть в Кронштадте и видеть о<тца> Иоанна. Я выехал из Кронштадта с великим сокровищем в душе...

Когда я увидел, как служил о<тец> Иоанн литургию, то для меня с тех пор открылось в призвании священника еще более привлекательности, более величия – только не грозного, не царственного, а особого – смиренного, святого, Божественного, небесного, – величия в силе мощного слова священника пред алтарем Божиим... Я смотрел на этого пастыря, как он, восклонившись над Св<ятой> Чашею, припал к ней лицом своим и долго-долго в таком положении пребывал с закрытыми глазами, совершенно спокойный, невозмутимый по виду, – но чувствовалось, что внутри его в эти минуты слагалась могучая молитва к Богу за угнетенное, страждущее человечество, искупленное Кровию Иисуса Христа!.. И вспомнились мне в тот момент слова самого о<тца> Иоанна, вычитанные мною из его дневника: “Когда я взираю на подлежащие Дары, – то думаю о том, сколько много дано человеку милостей Божиих в этой пролитой за весь мир

Крови Единородного Сына Божия... Нет больше грехов! Нет больше недугов!.. Только припади с верою к Этому бессмертному Источнику, откуда всем прощение, всем исцеление!..”

Затаившись у одной из массивных алтарных колонн, я онемел на своем месте и благоговел, и трепетал внутренне легким трепетом, и глядел неотводным взором... Батюшка стоял неподвижный, задумчивый... отпечаток тяжелой грусти лежал на его открытом челе... Из храма, где стоял народ, раздавались вопли и стоны, и плач несчастных страдальцев: бесноватых, истерических, падучих, кликуш и друг<их>. Там – раздирающие душу иступленные крики всех обиженных, удрученных, которые прибыли сюда из ближних и дальних концов необъятной Руси, движимые младенческою верою в силу молитвы Батюшки пред Богом... Он стоял теперь пред Св<ятыми> Тайнами и прислушивался ко всем этим стонам и воплям... и вот глаза его вдруг заискрились, заблестели каким-то неестественным блеском, и... две-три слезинки медленно скатились по щекам из молитвенно-грустно сомкнутых глаз... В каком-то благоговейном полузабытьи смотрел я на все это и слушал все это... Смотрел и смотрел... и не мог отвести своих глаз... Я весь проникался величиною совершавшейся на престоле жертвы... То же, должно быть, чувствовал и народ, битком наполняющий храм. На хорах пели певчие, но звуки их пения почти заглушались – пел весь народ, – вся эта плотная, коленопреклоненная масса, как один человек, полною грудью, во весь голос издавала страшные, морозом подирающие вопли... “Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи,” – в один голос гремела эта сила мужских и женских голосов – и от мрачных аккордов всей этой тысячегрудой взывающей массы, казалось, сотрясались самые своды огромного кронштадтского собора... Что-то общее, невыразимо-мощное соединяло всю эту разнообразную разношерстную толпу в единстве молитвы, исповедания... А Батюшка между тем усиленно молился у подножия Св<ятой> Чаши... Он, думаю я про себя, вероятно, молится за народ, жаждущий его молитвы...

После литургии Батюшка пригласил нас на закуску. За закуской, когда о<тец> Иоанн, наливши мне и моему товарищу в рюмки мадеры и по обычаю чокнувшись с нами, приблизил рюмку к своим устам, – я в эту минуту, наклонившись немного в его сторону, тихо произнес: “Молитесь, Батюшка... за болящую Варвару”, и тут встретил глазами устремленный на меня кроткий, полный чувства взор о<тца> Иоанна... После я узнал, что в этот день наша матушка скончалась. Батюшка благодарил нас: “Спасибо вам, братцы, – как хорошо, что помолились мы вместе”. Потом на прощанье дал нам по портрету за подписями: такому-то на добрую память, пр<отоиерей> И<оанн> Сер<гиев>. “Прощайте, братцы, – говорил он, лобызаясь с нами на прощанье, – кланяйтесь отцу ректору, всем профессорам и студентам... Прощайте... Спасибо вам, братцы!..”».

Учась в академии, Ефрем все же старался не обременять никого и по возможности зарабатывать сам; по этой причине он однажды опоздал к началу занятий и был вынужден 23 сентября 1896 года писать отцу ректору в объяснение: «Опоздать в академию на занятия меня заставила безысходная нужда. В прошлом году я мог платить за себя только благодаря небольшим заработкам из редакции “Богословского вестника”. Часть этого заработка пошла, кроме того, на погашение долга, образовавшегося вследствие того, что я занимал у знакомых деньги для уплаты в академию за второй год содержания и вторую половину первого. Для четвертого года у меня не осталось ничего, чем бы я мог

заплатить в академию. Ввиду этого я употребил каникулы на труд по составлению книги, издание которой уже началось в Санкт-Петербурге. Доход от продажи книги по выходе ее может обеспечить меня и даст мне возможность еще теперь прийти на помощь тающим в нищете родным: заштатному отцу-священнику и вдове, сельской учительнице, – сестре родной. Издание книги предприняло на свой счет Географическое общество. Оно мне помогало проживать в Петербурге до окончания моего труда, который при всем моем старании не может быть доведен мною до конца к сроку, обязывающему меня возвратиться в академию. Излагая все это пред Вашим Высокопреподобием, усердно прошу Вас не лишить меня счастья окончить курс в академии».

Прошение было удовлетворено, и в 1897 году Ефрем Долганев окончил академию. Кандидатской работой его стал труд под названием «Обзор главнейших событий из истории Абиссинской Церкви от начала ее существования до позднейших времен». Трудность этой работы заключалась в том, что самим народом его история не была изучена. «История всякого народа требует, чтобы над разработкой ее трудились не иностранцы, а лучшие силы этого самого народа, близко стоящие к своей Родине, хорошо понимающие ее дух, строй, условия жизни, предания старины, – писал он в предисловии. – Но у абиссинцев мы напрасно стали бы искать хотя бы самую непритязательную попытку к разработке своей истории... Там просвещение так сложилось, что все умственные силы народа идут на изучение Священного Писания, святых отцов, на усовершенствование в искусствах церковного пения и составление богослужебных гимнов; кроме этих занятий, всякий другой умственный труд считается в стране преступлением».

23 декабря 1899 года приказом обер-прокурора Святейшего Синода Ефрем Долганев был назначен помощником инспектора во Владимирскую Духовную семинарию; 13 ноября 1901 года архиепископ Владимирский Сергей (Спасский) назначил его преподавателем во Владимирское епархиальное женское училище. 2 января 1902 года, когда определились отношения с его будущей супругой Варварой, дочерью почившего в 1901 году протоиерея Петропавловского придворного собора Сергея Ивановича Преображенского, Ефрем Ефремович был определен на вакантное священническое место в этом соборе.

20 января 1902 года в церкви императорского Зимнего дворца состоялось венчание Ефрема Долганева с девицей Варварой. Таинство совершил заведующий придворным духовенством протопресвитер Иоанн Янышев. 28 января 1902 года Ефрем Долганев был рукоположен во священника к Петропавловскому собору.

Вступив на пастырское поприще, отец Ефрем отнесся к своим новым обязанностям очень трепетно и, спустя месяц после рукоположения, писал брату-святителю: «Преосвященнейший Владыко, дорогой брат, милостивый отец и архипастырь! Спасибо тебе за твою любовь, молитвы, благословения. Они подкрепляли и утешали меня в важные и священнейшие минуты моей жизни.

Благодаря непрестанно Господа за то, что Он призвал меня к служению у Своего Престола, я прошу Его, чтобы Он даровал мне сильную веру и горячую молитву. Я чувствую, как я слаб верою и как недостойн совершать Великие Таинства Церкви, особенно Таинство Тела и Крови Господа и Спасителя моего. Взирая на образы славных пастырей Православной Церкви и сравнивая себя с ними, я с унынием сознаю, как чрезмерно я далек от них, так далек, что не смею и

думать о подражании их высокой жизни. Но, Господи, отжени от меня уныние. Я имею сильное глубокое желание быть истинным пастырем во дворе овчем.

Взяв на себя подвиг семейной жизни и вместе с ним другой тяжелый подвиг пастырского служения, я боюсь, что не хватит у меня сил, мудрости, характера нести оба креста так, как подобает, нести честно, до гроба. О, Господи! Сподоби меня совершить свой жизненный путь так, как угодно воле Твоей, заповедям Твоим! Подкрепи меня, дорогой брат, и помоги мне своими святительскими, сильными у Бога молитвами и благословениями».

В круг обязанностей отца Ефрема входило служение вместе с другими священниками Петропавловского собора в церквях святителя Николая Чудотворца при Мариинском дворце и святого благоверного князя Александра Невского в императорском Аничковом дворце и преподавание Закона Божия в учебных командах Петроградской крепостной артиллерии. 22 июля 1907 года отец Ефрем был награжден золотым наперсным крестом, а 8 мая 1913 года – возведен в сан протоиерея.

После Февральской революции 1917 года отец Ефрем с семьей перебрались в Тобольск, где в это время стал служить епископ Гермоген, поселившись в отведенных для них комнатах в здании духовной консистории.

После ареста епископа Гермогена протоиерей Ефрем вошел в состав епархиальной делегации, хлопотавшей об освобождении архипастыря, куда входили священник Михаил Макаров и присяжный поверенный Константин Александрович Минятов. Хлопоты окончились арестом протоиерея Ефрема Долганева, священника Михаила Макарова и Константина Минятова, мученическая кончина которых предварила кончину святителя.

Екатеринбургский епархиальный миссионер протоиерей Александр Анисимов, еще не зная определенно об их мученической кончине, писал в то время о них: «Если Господь судил им положить души свои в настоящем самоотверженном подвиге... предстательства и исповедничества перед навуходоносорами наших дней... то милосердный Господь, Которому они всю жизнь свою служили и за верного служителя Которого они и жизнь свою отдали, увенчает и сопричтет их к избранному стаду небесных друзей Своих, а братья и сотрудники земного поприща в назидание потомству не замедлят возвеличить и их память... Имеются оставшиеся после отца Ефрема... тетрадки... которые бытописателю его жизненного подвига могут дать благодарный материал для характеристики этой, по-видимому, редкостно светлой в наши дни личности, усвоившей себе... по преимуществу первые три заповеди блаженства. Что же касается... отца Михаила Макарова и Константина Александровича Минятова, то хотя и с ними нам пришлось иметь всего лишь несколько встреч, но чувствуется, что и безотносительно к настоящему их святому подвигу, они заслуживают быть выделенными и отмеченными: первый – как идейный, скромный, но и дерзновенно мужественный... располагающий к сердечности и любовному отношению “добрый пастырь”, второй – как крупный и искусный пловец по бурному морю столичной жизни и вместе с тем и среди шумных дел своего делания на торжество условной правды человеческой всегда помнящий о безусловной правде Божией и о “тихом пристанище” под кровом общей Матери людей – Святой Церкви».

Священномученик Михаил родился в 1881 году в семье крестьянина Пензенской губернии Петра Макарова. В 1907 году Михаил окончил Поименскую второклассную с расширенной программой церковно-приходскую школу и был

назначен в село Поим помощником синодального миссионера, известного тогда во многих областях православной России протоиерея Ксенофонта Крючкова⁶². Село Поим издавна отличалось многочисленностью живущих в нем раскольников, причем самых различных толков и согласий. Нередки были случаи, когда дети из раскольниковских семей, отправляемые обучаться грамоте в церковно-приходскую школу, оказывались внимательными слушателями уроков Закона Божия, проводимых местным священником, и присоединялись к православию, что иногда вызывало такое негодование родственников присоединившегося, что священнику приходилось предоставлять убежище своему новому духовному чаду в своем доме. Немудрено поэтому, что Михаил стал помощником миссионера, а с 1908 года стал исполнять и должность псаломщика в Успенской единоверческой церкви в селе Поим. 5 мая 1909 года отец Ксенофонт скончался, и Михаил был назначен помощником епархиального противораскольнического миссионера и псаломщиком Флоровской церкви в городе Курске.

В 1911 году Михаил выдержал экзамен на звание учителя церковно-приходской школы. 28 июля 1912 года он был рукоположен во священника к Параскевинской церкви Кенорецкого погоста Каргопольского уезда Олонецкой губернии* и назначен третьим епархиальным миссионером и преподавателем Закона Божия в земских училищах. Отец Михаил был женат, но вскоре после женитьбы овдовел. 1 июля 1913 года он был назначен третьим миссионером Каргопольского округа.

21 января 1914 года он был переведен в Вознесенскую церковь в Тюмени и назначен противораскольническим миссионером Тюменского и Ялуторовского уездов. В 1915 году на праздник Покрова Божией Матери отец Михаил посетил деревню Русаковку, где в то время была секта адвентистов седьмого дня, и весьма успешно провел беседу с жителями, отметив в отчете, что «можно удержать весь народ и даже семьи... сектантов, которые – благодарение Богу – еще держатся православного учения... да и сам народ жаждет бесед...».

Количество старообрядцев в Тюменском и Ялуторовском уездах было в 1915 году около тридцати трех тысяч, из них около тридцати тысяч беспоповцев при семидесяти двух наставниках, шестидесяти пяти начетчиках и ста девяти молитвенных домах; около двухсот человек принадлежало к белокриницкой иерархии, остальные – к старообрядческим толкам; кроме того, имелось небольшое количество членов секты странников-бегунов, утверждавших, что антихрист уже царствует на земле, надо бежать в пустыню и не принимать паспортов, как документов антихристовых.

С назначением в Тобольск правящим архиереем архиепископа Варнавы (Накропина), последний стал привлекать отца Михаила к поездкам по Тобольской епархии в качестве миссионера-проповедника, а также для произнесения проповедей при архиерейских богослужениях и во время общепархиальных торжеств, таких как прославление святителя Иоанна, митрополита Тобольского. Занятый сверх меры в первые месяцы 1917 года, отец Михаил не смог подать отчет о своей миссионерской деятельности в Тобольское Дмитриевское епархиальное братство, о чем впоследствии было сообщено епископу Гермогену. Владыка освободил священника от обязанностей приходского пастыря и перевел его служить в Знаменский собор в Тюмени, с оставлением за ним обязанностей

* Ныне Архангельской области.

епархиального миссионера, с которыми он справлялся настолько успешно, как о том писали впоследствии «Тобольские епархиальные ведомости», что его беседы остановили «в Тюмени... распространение баптизма».

Однако, в связи с упреком в бездеятельности, священник был вынужден дать объяснения.

«Состоя уездным миссионером Тюменско-Ялуторовского округа, – писал отец Михаил, – отчеты за все годы моей службы о своей миссионерской деятельности мною ежегодно с аккуратною точностью представлялись бывшему епархиальному миссионеру... как непосредственному моему начальнику. Не знаю, известны ли эти отчеты Совету Братства или нет, знаю только то, что часть этих отчетов выдержками печаталась в “Тобольских епархиальных ведомостях”. Относительно отчета за первую половину сего года, я должен сказать следующее: в январе и феврале месяце я лично три раза вызывался бывшим Тобольским архиепископом Варнавой в город Тобольск, которого, как миссионер, сопровождал по епархии в Тобольский уезд. С началом же революции всякая миссионерская деятельность была... немыслима, ограничиваясь лишь проповедью слова Божия... Кроме того, нет основания утверждать, что, сопровождая не раз по епархии архиепископа Варнаву, в этих поездках заключалась будто бы моя бездеятельность. Нет, подчиняясь распоряжениям епархиального архиерея, мною в поездках, по благословению архипастыря, за богослужением произносились поучения миссионерского характера, велись религиозно-нравственные беседы, а также знакомство с расколом на местах в беседах с духовенством, о чем своевременно сообщалось на страницах “Епархиальных ведомостей”».

1 октября 1917 года отец Михаил поступил в число слушателей богословских классов Тобольской Духовной семинарии. Впоследствии он вошел в состав епархиальной комиссии, ведшей переговоры с большевиками об освобождении епископа Гермогена, и стяжал венец мученический, положив за други душу свою.

Мученик Константин родился 11 мая 1874 года в городе Орле в семье капитана артиллерии Александра Викентиевича и его супруги Александры Константиновны Минятовых. Происходя из дворян Ковенской губернии, Александр Викентиевич был католиком, а его супруга – православной; младенец был крещен в Крестовоздвиженской православной церкви в городе Орле с именем Константин. Александр Викентиевич скоро скончался, и его супруга вышла замуж за статского советника Рупасова, владельца имения Глинки при станции Жуковка Риго-Орловской железной дороги. Семья впоследствии переехала по месту службы отчима в Ташкент, и Константин, начав учиться в 1883 году в Ташкентской гимназии, из-за переезда семьи окончил в 1892 году Орловскую гимназию и поступил в Санкт-Петербургский университет, где учился сразу на двух факультетах – на естественном отделении физико-математического и на юридическом. Будучи студентом, Константин женился на девице Надежде, дочери священника Павла Николаевича Ягодовского, служившего в церкви Михаила Архангела в селе Комаровка Борзнянского уезда Черниговской губернии. В 1893 году Константин был командирован Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей на Соловецкую биологическую станцию, тогда же он посетил с научными целями Германию, Данию, Швецию и Норвегию.

Константин Минятов

В университете молодой человек увлекся народническими социалистическими идеями, почти целиком захватившими тогда учащуюся молодежь; он писал в то время супруге: «Считал бы для себя высшим счастьем, какое только возможно для человека, принести себя в жертву за народное освобождение». Он завел знакомство с рабочими брянского завода и ремесленниками в Орле. «В своих разговорах со всеми этими ремесленниками и рабочими я старался, – говорил он впоследствии на допросе, будучи привлеченным к ответственности, – освещать их общественное положение с точки зрения, принципиально враждебной их хозяевам, указывал им на организацию в запрещенные законом временные и постоянные союзы, как на единственное средство к улучшению условий существования, сообщал им о всех доходивших до меня сведениях о стачках, протестах, демонстрациях и вообще проявлениях массового движения рабочих против хозяев в России и Европе и, наконец, собирал сведения о фактических условиях их труда в заведениях их хозяев с целью выяснить впоследствии себе и им наилучший и наипрактичнейший способ организации и протеста».

В 1894 году Константин Минятов был привлечен к следствию по делу «Партии народного права», организованной в 1893 году в Саратове, но уже в 1894 году из-за вмешательства полиции прекратившей свое существование. В 1895 году он был отчислен из Санкт-Петербургского университета «за участие в студенческой агитации в пользу подачи петиции на высочайшее имя о пересмотре университетского устава 1884 года», но продолжил слушание лекций с осени 1895 года по весну 1896 года в Казанском университете. В 1895 году полиция установила за ним негласный надзор. В 1896 году Константин Александрович выехал в свое имение, где на его средства был приобретен ротатор и отпечатаны две брошюры и воззвания к московским рабочим. В ноябре 1897 года он выехал в Германию и поселился в Берлине, «слушая лекции и пользуясь указаниями профессоров местного университета, предпринимая в каникулярное время поездки в другие государства Западной Европы, Балканского

полуострова». В ночь на 12 декабря 1897 года полиция произвела обыск у супруги Константина Александровича, Надежды, по делу «О московском рабочем союзе». У нее были найдены письма мужа, из которых стало очевидно его увлечение марксистской литературой, а также и то, что он, «бывая в Петербурге, Орле, Варшаве и Берлине, искал знакомства с тамошними нелегальными кружками и вращался среди лиц политически неблагонадежных» – как писалось о нем в полицейском отчете.

Вызванная на допрос, Надежда Павловна виновной себя не признала. После обыска и допроса она уехала на родину, поселившись в доме отца священника в Комаровке, и была поставлена под надзор полиции.

26 декабря 1898 года Надежда Павловна выехала вместе с детьми к мужу в Берлин. В 1899 году она была подчинена «гласному надзору полиции на два года с правом проживания вне столиц, столичных губерний и университетских городов». С этого времени она была вместе с мужем объявлена в розыск и как только 24 марта 1900 года въехала в пределы России, то была тут же задержана и препровождена к отцу священнику в село Комаровку.

Живя за границей, Константин Александрович увидел, что то западное общество, которое образованные русские люди считали своим наставником и дорогим учителем, поклоняясь ему как кумиру, вовсе не было, как ожидалось ими, столь радикально-революционным и отнюдь не преследовало широких преобразовательных целей, как это виделось студенческой молодежи из университетов России. Оказавшись в Германии и вспомнив свою жену и тестя-священника Павла Ягодовского и то, чем живет русский народ и насколько для него важно православие, Константин Александрович как будто очнулся и, придя подобно блудному сыну в себя, стал регулярно посещать посольскую церковь в Берлине, настоятелем которой был тогда выдающийся пастырь протоиерей Алексей Мальцев. Но путь в Россию, где его ждало уголовное наказание, был закрыт, и его супруга, Надежда Павловна, уговорила его направить письмо правительству и просить о помиловании.

В сентябре 1900 года Константин Александрович направил письмо товарищу министра внутренних дел князю Святополк-Мирскому с просьбой, чтобы «по возвращении в Россию быть судимым не исключительно на основании лишь уже пережитых увлечений». Эта просьба была подкреплена ходатайствами обер-прокурора Святейшего Синода Константина Победоносцева и настоятеля посольской церкви протоиерея Алексея Мальцева, что давало некоторую надежду на благоприятный исход. 22 сентября 1900 года при въезде в Россию Константин Александрович был арестован и 23-го и 25 сентября допрошен.

Отвечая на вопросы следователя, Константин Александрович сказал: «Виновным себя в принадлежности к сообществу, именовавшему себя “Рабочим союзом” и имевшему целью возбуждать вражду рабочих к хозяевам... я не признаю... Мною никогда не было сделано ни одной попытки создать какую-либо организацию вроде союза, рабочей кассы, кружка самообразования или самопомощи или хотя бы библиотеки... ни в одном случае я не призывал рабочих непосредственно к каким-либо враждебным против хозяев или государства действиям... я не собирал среди них и не передавал им никогда никаких денег для каких бы то ни было целей... ни одного из своих знакомств я никогда не передавал другим лицам, так что они никогда не утрачивали характера совершенно личной связи... каждое из этих знакомств продолжалось чрезвычайно мало времени и оканчивалось и произвольно, и так же случайно,

как и начиналось... в глазах рабочих я всегда оставался только самим собой и никогда не называл себя членом партии, кружка или союза... в общем, я более интересовался фактическим бытом рабочих, нежели стремился изменить его и... все эти опыты “пропаганды”, если только можно их так назвать, не имели ровно никаких последствий...

Во всей той противозаконной деятельности, которой я был участником и наблюдателем, я не могу признать каких-либо признаков сообщества, так как случаи сотрудничества нескольких лиц вроде, например, приобретения мимеографа или мимеографирования у меня в имении стоят совершенно одиноко, не находятся между собой во внутренней связи и представляются отдельными и случайными попытками каждый раз вновь и случайно согласившихся между собою лиц».

Рассказывая на допросах о своей прошлой деятельности, Константин Александрович не назвал, однако, ни одного имени своих прошлых товарищей. Следователи остались этим недовольны, и тот вынужден был объясняться.

«Во всех предыдущих своих показаниях, – сказал он, – я избегал умышленно называть имена лиц, привлекавшихся по тому же делу; к этому вынуждает меня несколько исключительное положение, в котором я нахожусь как относительно этих лиц, так и относительно самого моего дела. Между мной и проступками, в которых я обвиняюсь, так же как между мной и всеми обвиняемыми, нет более той нравственной связи, которая могла бы быть, если бы я разделял по-прежнему взгляды и оценки, лежавшие в основании моих революционных опытов. Это исключительно внешнее, если можно так выразиться, отношение и к своему делу, и к своим бывшим товарищам обязывает меня к чрезвычайной нравственной щепетильности в отношениях к людям, которых безграничным доверием я пользовался, которых отчасти сам наталкивал на проступки, за которые теперь они более или менее тяжело расплачиваются, и с которыми разлучают меня мои настоящие, глубоко изменившиеся воззрения. С нравственной точки зрения поэтому малейший оттенок предательства мог бы в моих собственных глазах запятнать всю развязку моего дела, в которой я хотел бы, наоборот, видеть искренний, чистый и безукоризненный расчет с прошлым. Поэтому я должен предпочесть даже самое отягощение своей вины всякому такому облегчению ее, которое могло бы бросать малейшую тень на мои отношения к бывшим товарищам и нравственно уединило бы меня больше, чем самая строгая кара. При этом следует заметить, что с практической точки зрения мое предательство не имело бы для дознания ровно никакой цены, так как мои показания касались бы исключительно уже обвиненных лиц и ничего кроме ничтожных мелочей не могли бы прибавить к их обвинительному акту. Надеюсь, что эти соображения будут приняты при оценке этих показаний».

После допросов он был освобожден и в жандармском отделении «ему даны были словесные обещания, позволяющие надеяться не только на благоприятный приговор, но и на возможность кончить прерванное русское университетское образование».

В октябре 1900 года Константин Александрович подал прошение министру народного просвещения с просьбой разрешить окончить в России образование и «вознаградить громадный ущерб, нанесенный мне и моей семье, – писал он, – моими собственными увлечениями, оторвавшими меня от возможности найти помещение своим силам и возможностям...». Прося, чтобы ему было дано разрешение окончить университет, он писал: «Из провинциальных университетов

я просил бы указать мне по меньшей мере такой, который не лежал бы вне черты исторической и народной Руси, как Юрьевский, Варшавский, Одесский, Томский, и где, кроме естественного и юридического факультетов, я мог бы найти возможность заниматься русской историей, филологией, археологией, церковной историей и богословием... В настоящую минуту взгляд и намерения мои могут... внушать менее опасений, чем взгляд девяти десятых учащейся русской молодежи».

Константин Александрович Минятов

Ответа на это письмо не последовало, и 24 января 1901 года он отправил телеграмму в Департамент полиции: «Убедительно прошу обещанного участия в просьбе поступления в университет, поданной в октябре. Извиняюсь за беспокойство, прошу ответа». Ответа, однако, опять не последовало, и 12 февраля 1901 года он отправил следующую телеграмму начальнику Департамента полиции: «Убедительно прошу разрешить вернуться в Москву, откуда выехал на короткое время с разрешения жандармского управления, куда не пускает местная полиция, требуя разрешения Департамента. Вспоминая участие, оказанное осенью на приеме, и обещание полного содействия поступлению моему в университет ранее окончания дела, решаюсь беспокоить Ваше Превосходительство покорнейшей просьбой дать движение возбужденному более четырех месяцев запросу обо мне Министерству просвещения. Надеюсь, что тягостная неопределенность и опасения и боязнь утратить университет единственно вследствие медленного производства дела извиняют мое обращение к Вам. Не откажите снисходительно принять это объяснение и распорядиться ответом». В тот же день ему было разрешено вернуться в Москву.

Константину Александровичу разрешено было окончить Юрьевский университет, и его супруга, Надежда Павловна, продолжавшая находиться в то время под гласным надзором полиции, стала просить власти снять с нее административный надзор, чтобы переехать к мужу.

«В действительности единственными против меня уликами были два-три письма ко мне, – писала она властям, – из которых можно было только заключить, что муж мой и его знакомые не скрывали от меня своих собственных конспиративных начинаний и иногда просили о таких услугах, исполнение которых само по себе еще несколько не доказывало бы моего единомыслия с ними. Если бы производство дознания по политическим делам открывало бы большой простор для самозащиты и стремилось бы уяснить себе не одни “улики”, но хоть отчасти и саму личность обвиняемого, мне было бы очень нетрудно показать, как мало вяжется с представлением о каком-нибудь участии в конспиративной деятельности вся моя тогдашняя жизнь в деревне, среди бесчисленных забот о хозяйстве и о детях, вдали от всяких городских “вопросов”, среди простых, богомолных и трудящихся людей. Тогда и все, в чем я могла бы быть обвинена, оказалось бы низведенным до простой терпимости к... своему мужу и ко всему тому, в чем ему хотелось тогда видеть свою деятельность. Едва ли нужно говорить, как близко граничит подобная терпимость с тем “недонесением”, которое, в применении к мужу, самый строгий закон не вменяет в преступление. Но как бы то ни было, приговор по этому делу состоялся, и я отбыла уже почти весь срок наказания совершенно безропотно, так как несколько не хотела отделять себя от той судьбы, которая ожидала мужа по возвращении из-за границы. Муж мой, однако, в это время успел радикально измениться, а вместе с ним изменилась и его судьба...

При таком существенном изменении к лучшему судьбы моего мужа мое собственное положение административно ссыльной утрачивает в моих глазах всякий смысл и становится очевидной ненормальностью. Я никогда не разделяла его прежних, страстно односторонних, искусственных и нетерпимых взглядов и, наоборот, узнаю свои верования во многом, что составляет основу его теперешних воззрений и симпатий. Самое письмо его к товарищу министра есть столько же дело моей совести, сколько и его собственной и поэтому должно отразиться не только на его собственном, но также и на моем, вернее, нашем общем положении». В 1902 году Надежда Павловна была «освобождена от гласного надзора полиции».

Окончив университет, Константин Александрович поселился в Москве, заняв должность присяжного поверенного. После пережитых испытаний и переосмысления прошлой жизни, он стал глубоко церковным человеком. Его дочь в начале Великого поста 1914 года, пересылая фотографию отца брату в Санкт-Петербург, писала: «Посылаю тебе портрет папы, снятый на пятый день его поста. Он до сих пор ничего не ест и не пьет, кроме дистиллированной воды (уже семь дней)... и... страшно похудел...»

Летом 1917 года, после того как в стране вслед за Февральской революцией началась разруха, Константин Александрович переехал вместе с семьей в Тюмень. После прихода к власти большевиков, некоторые из которых были соратниками его по прошлым заблуждениям, Господь дал ему возможность не только на словах подтвердить истинность своего прихода к вере, но и свидетельствовать о Христе мученической кончиной: он был убит за то, что вошел в состав церковной делегации для переговоров с большевиками об условиях

освобождения из заключения великого святителя и христианского исповедника епископа Тобольского и Сибирского Гермогена.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

О.Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Том I, т. II. Нью-Йорк, 1954.

Черные дни русского православия. (Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917-1965 гг.). Тюмень, 1992.

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917-1943 // Сост. М.Е. Губонин. М., 1994.

Степанов Анатолий. Черные события. СПб., 2000.

Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 2. Тверь, 1996.

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 220-353

Примечания

¹ Речь идет, по-видимому, об иеромонахе Тихоне (Оболенском), который в конце 1891 года был назначен настоятелем Спасо-Преображенского единоверческого монастыря; активно и успешно занимался миссионерской деятельностью; хиротонисан во епископа, с 1924 года – митрополит Уральский; скончался в 1926 году.

² Впоследствии митрополит Ставропольский Серафим (в миру Яков Михайлович Мещеряков), родился в 1860 году. В 1885 году окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, с 1893-го по 1898 год – ректор Тифлисской Духовной семинарии, в то время, когда иеромонах Гермоген был в ней инспектором. С 1911 года – архиепископ Иркутский и Верхотурский. В 1915 году уволен на покой с пребыванием в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. В 1919 году был избран общинами во епархиального архиерея Костромской епархии, назначен архиепископом Костромским и Галицким. В 1922 году уклонился в обновленческий раскол. В том же году он был назначен обновленцами митрополитом Могилевским. В 1924 году принес покаяние перед Патриархом Тихоном, принят им в церковное общение в сане архиепископа. Объясняя мотивы своих поступков в своей обширной речи, он, в частности, сказал: «Сделал это я, во-первых, в силу тягостных для меня обстоятельств жизни и по независящим от меня причинам и, во-вторых, надеялись таким образом спасти общее положение Церкви...» // Протопресвитер М. Польский. Новые мученики Российские. Джорданвилл, 1949. Т. 1. С. 107.

В том же году архиепископ Серафим был арестован и приговорен к двум годам заключения, которое отбывал в Соловецком концлагере. В 1927 году он был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) на Ставропольскую кафедру, в 1932 году возведен им в сан митрополита. 17 января 1933 года митрополит Серафим был арестован. На следствии он дал обширные показания о подчиненном ему духовенстве, о мирянах, а также о собратях-архиереях, на основании которых те были арестованы и приговорены к различным срокам заключения. В том же году митрополит Серафим был приговорен к расстрелу и расстрелян.

³ Архивы Тифлисской Духовной семинарии имеют очень скудные данные, касающиеся Сталина, и можно предположить, что, как и многие другие документы, касающиеся лидеров большевистского правительства, они были изъяты; но и в немногих оставшихся документах запечатлен образ хулиганствующего подростка, выбившего из рук инспектора семинарии, иеромонаха Димитрия (Абашидзе), стопку книг, растащенных затем семинаристами, что

рассматривалось советской историографией как доблестный, почти революционный поступок, так как книги были противоречащего семинарскому духу.

⁴ «Молитвенный дом во имя святителя Феодосия Черниговского открыт по распоряжению и благословению... экзарха Грузии Высокопреосвященнейшего Владимира в районе г. Тифлиса, заключающем в себе Колючую, Артиллерийскую и Московскую балки, Хлебную горку, а также Грузинский и Габаевский переулки. Причиной к его открытию послужил крайний упадок религиозно-нравственной жизни православных обитателей данной местности, из которых большая часть принадлежит к бедному рабочему люду, лишенному в свободное от труда время возможности иметь какие-либо разумные развлечения и отдающемуся вследствие этого праздному и губительному разврату во множестве находившихся здесь кабаков, пивных и тайных притонов... Дошло до того, что по Колючей Балке не было возможности (в особенности для женщин) пройти даже днем, в праздники же дело становилось еще хуже, так как непечатная брань и самые грубые оскорбления угрожали всякому, рискнувшему проникнуть в эту забытую балку. Невыносимые условия существования побудили многих домовладельцев этой несчастной местности обратиться в 1896 году в Городскую управу с просьбой об уменьшении числа кабаков, ограничении разврата и улучшении санитарного состояния.

Просьба эта в двух первых пунктах оставлена была без последствий, да и санитарное улучшение ограничилось только постановкой нескольких фонарей. Не получив с этой стороны почти никакого удовлетворения, жители Колючей Балки решили просить помощи у духовного начальства. Настоятель Иоанно-Богословской церкви священник Никандр Покровский... обратился с подробным донесением... к... экзарху Грузии Высокопреосвященнейшему Владимиру, где и просил для упорядочения религиозно-нравственной жизни обитателей соединенной с Колючей Балкой местности открыть молитвенный дом, на что 15 сентября 1896 года и последовала резолюция его Высокопреосвященства: "Бог да благословит доброе дело".

Торжественное открытие молитвенного дома состоялось 8 декабря 1896 года после литургии, совершенной в Иоанно-Богословской церкви отцом инспектором Тифлисской Духовной семинарии иеромонахом Гермогоном в сослужении отца Н. Покровского. По окончании литургии из церкви направился в Колючую Балку крестный ход, который был сопровождается массой прихожан, сочувственно относившихся к этому добродетельному делу. По прибытии на место, в дом г-жи Зосиберг, предоставившей бесплатное помещение для устройства молитвенного дома, торжественно был отслужен молебен с водоосвящением святителю Феодосию Углицкому, Черниговскому чудотворцу. Здесь же отцом Гермогоном произнесено было... слово о духовной благотворительности и духовном врачевании. Таким образом, религиозная и нравственная жизнь была теперь возжжена в самом мрачном уголке г. Тифлиса, но скромное помещение в две комнаты очень скоро оказалось недостаточным для служения всем нравственным нуждам населения, и в том же здании постепенно, с благословения Владыки-экзарха были наняты еще пять комнат, а именно: одна для помещения церковника (он же и псаломщик и оберегатель молитвенного дома), другая для бесплатной народной читальни и библиотеки, третья для иконописной мастерской, четвертая и пятая для временного приюта и призрения крайне бедных и больных. Когда 19 октября 1897 года было открыто Тифлисское Епархиальное Миссионерское духовно-просветительное Братство... то все члены-учредители молитвенного дома, бывшие вместе с тем и учредителями Братства, стали членами последнего, а потому заведование молитвенным домом и всеми его учреждениями перешло к... Братству. 18 декабря 1897 года жители прилегающей к Колючей Балке местности обратились к его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему экзарху Грузии Владимиру с просьбой о благословении и разрешении некоторым членам Братства действовать в качестве попечительного братского кружка специально в помянутой местности. Владыка благословил доброе начинание, а заведование и руководство молитвенным домом и кружком поручил отцу инспектору семинарии иеромонаху Гермогену...»

⁵ «Немедленно передайте всем градским причтам, окружным благочинным уезда для немедленного сообщения сельским причтам следующее мое распоряжение: настойчиво предлагаю усилить проповедование слова Божия, обличение раскола, сектантства, нового сектантского движения; сообщать мне немедленно [1 слово нрзб.] сектантов-агитаторов, их собраниях; обильно раздавайте листки религиозно-нравственного содержания, особо собирайте пасомых в храмах, остерегайте от еретиков-сектантов усиленным добрым пастырским влиянием, назиданием, поучением, призывайте всех пасомых непременно приступить в этот Великий пост и во всякое другое время не один раз, а как можно чаще к Таинствам покаяния, причащения, с молитвенным усердием, неопустительно посещать храм Божий, прекратить пьянство, семейные

раздоры, другие пороки, со страхом и трепетом, как драгоценное сокровище, хранить всех своих детей от всякого губительного соблазна и увлечений. Отца настоятеля, весь причт призываю [к] священнейшему долгу исполнять все службы неопустительно, уставно благоговейно; клиросное чтение, пение поставить как можно лучше, [в] духе строго церковном; псаломщиков обязываю всегда носить черные подрясники [с] темноделенными поясами, наемных чтецов – непременно одевать таковые в храме, читать посреди храма громко, отчетливо, неспешно; благочиннические советы, отцы благочинные имеют строго наблюдать за усердным, точным исполнением распоряжения, строго наблюдать за поведением всех членов причта, [о] несоответствующих немедленно сообщать мне. Причты, старосты озаботятся введением постоянной поддержки чистоты, опрятности в храме, алтаре.

Саратовский епископ Гермоген».

⁶ Мать владыки, Варвара Исидоровна, скончалась в 1893 году, и отцу Ефрему после смерти супруги все чаще стали приходить мысли о принятии монашества. 4 июля 1899 года он приехал в Санкт-Петербург навестить своего сына Ефрема. Всю ночь в канун праздника преподобного Сергия Радонежского отец с сыном провели в беседе. Память о преподобном Сергии, наставнике монахов, натолкнула их на мысль о монашестве, и «мы, – писал впоследствии Ефрем Ефремович брату, тогда архимандриту Гермогену, – обновившись, не чувствуя усталости и забыв о потребности сна, не переставали любоваться этой мыслью. То была мысль о принятии папоу пострига иноческого...»

Впоследствии отец Ефрем осуществил свое намерение – принял монашеский постриг с именем Иннокентий и поселился в Спасо-Преображенском монастыре в Саратове, где в то время жил его сын, епископ Гермоген. В 1904 году отец Иннокентий в кафедральном соборе Саратова был возведен в сан архимандрита.

⁷ «Святейшему Правительствующему Синоду
Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского

Представление

В городе Саратове с 1864 года существует Братство Святого Креста, при коем сосредоточена организация миссии в Саратовской епархии; Совет Братства под руководством епархиального архиерея ведаёт все миссионерские дела, даёт миссионерам инструкции, заботится о материальном их обеспечении, содержит миссионерскую школу и вообще управляет всем делом миссии, каковое дело, принимая во внимание, что в Саратовской епархии находится свыше 90 тысяч раскольников и сектантов, требует громадных расходов. Между тем на содержание миссии Братство ниоткуда никакой помощи не получает и содержится на епархиальные средства, за исключением лишь двух епархиальных миссионеров, которые получают ежегодное жалованье от Святейшего Синода по 140 рублей каждый и на разъезды по 75 рублей каждый. Означенное содержание, как совершенно недостаточное, пополняется выдачей названным миссионерам ещё особого жалованья из средств Братства Святого Креста.

Несмотря на это, Саратовское епархиальное начальство за все время 42-летнего существования при упомянутом Братстве миссии ни разу не обращалось в Святейший Синод с просьбой о помощи, обходясь епархиальными средствами. Но в настоящее время, к глубокому сожалению, одних епархиальных средств далеко не достаточно по той причине, что с 17 апреля 1905 года, т.е. со дня дарования свободы религиозной совести, в Саратовской епархии открылась страшная агитация со стороны раскольников, принимая в некоторых пунктах епархии крайне опасное положение для православия; так, для усиления пропаганды в православных приходах раскольниками приглашены за большие оклады жалованья особые агитаторы; по сведениям миссии, в данное время таких агитаторов в епархии свыше десяти человек, которые получают большое содержание от одной до двух тысяч рублей в год и выше. Среди них есть лица, известные всей России, каков например спасовский начетчик-миссионер слепец Андрей Коновалов (из Хвалынского уезда).

Для пресечения пагубного для Церкви и государства вреда, проистекающего от усиленного распространения раскольнических и сектантских заблуждений, необходимо немедленно расширить деятельность православной миссии, мобилизовав все наши средства и силы. Так, ныне – больше чем когда-либо – ощущается крайняя необходимость иметь хотя бы двух епархиальных миссионеров – один противораскольнический и один противосектантский – с академическим образованием, в руках которых можно было бы сосредоточить руководство всем миссионерским делом епархии. Однако, при крайней ограниченности средств, Братство Святого Креста

положительно лишено возможности обеспечить достаточным содержанием миссионеров-академистов. Далее, – всю епархию предположено разделить на 26 миссионерских округов, с особым в каждом округе миссионером; во многих округах и ныне имеются окружные миссионеры, получающие жалованья по 100-200-360 рублей в год; в каждом из сих округов необходимо иметь противораскольническую библиотеку со старопечатными книгами и творениями святых отцов и учителей Церкви. Такие библиотеки заведены на епархиальные средства лишь в некоторых округах, и, кроме того, некоторые священники имеют свои, весьма ценные для борьбы с расколом библиотеки. Но все-таки наличного числа противораскольнических библиотек для епархии весьма недостаточно.

Затем, – все чаще приходится экстренно посылать миссионеров в некоторые пункты епархии, куда прибывают раскольнические агитаторы, – а это также требует больших денег. Назрела необходимость реорганизовать на более широких началах существующую ныне миссионерскую школу, о чем я на этих же днях вхожу с особым представлением в Святейший Синод.

Такое расширение деятельности миссии, вызываемое неотложной и насущной необходимостью, требуя громадных расходов, положительно не может быть покрыто одними лишь епархиальными средствами. В епархии уже несколько лет подряд недород хлебов, неблагоприятно влияющий как на правильное поступление церковных сборов, так и вообще на материальное благосостояние духовенства; сверх сего, разные есть старосты и попечительства церковные: некоторые из них, например, не только не оказывают поддержки православию, а напротив, стараются насколько могут вредить ему.

При таких условиях средства Братства Святого Креста на миссионерское дело не только не увеличиваются, но еще сокращаются, что может крайне губительно отражаться на всем миссионерском деле епархии.

Ввиду изложенного, приемлю долг благопокорнейше ходатайствовать о помощи, оказываемой и другим епархиям, даже с меньшим, чем Саратовская, числом раскольников, а именно – о назначении от Святейшего Синода жалованья и разъездных двум епархиальным миссионерам – по 2.500 рублей в год каждому и, сверх сего, об ассигновании единовременного пособия на усиление окружных противораскольнических библиотек, хотя бы в размере 2.000 рублей. В виде справки, почитаю долгом заявить вновь, что в течение многих лет, как существует в Саратове Братство Святого Креста, епархия Саратовская не беспокоила Святейший Синод ходатайствами о субсидиях.

Вашего Святейшества нижайший послушник
Гермоген, епископ Саратовский и Царицынский
марта 24 дня 1907 года»

«Святейшему Правительствующему Синоду
Гермогена, епископа Саратовского и Царицынского

Представление

В настоящей жизни вверенной мне Саратовской паствы есть нужда, о которой нельзя молчать, скажу более того: было бы преступно молчать о ней; нужда эта – миссионерская. После законодательных мероприятий 17 апреля 1905 года и 17 октября 1906 года раскол и сектантство высоко подняли голову, широко развивая свою пропаганду. Северная часть губернии подвергается пропагаторскому натиску раскола, юг – сектантства. Сектантству и его пропаганде много помогает присутствие в Саратовской губернии многочисленных немецких колоний, широко раскинувшихся на юге губернии, преимущественно в Камышинском уезде. Их быт, внешняя культура, прекрасное экономическое развитие по сравнению с убогими русскими селениями дают им много лишних преимуществ в их религиозной и общественно-политической пропаганде. Вражеские станы против Православной Церкви крепки и сильны, для пропаганды они выдвигают целые рати своих материально весьма обеспеченных миссионеров. Чтобы противостать им, единственное средство – усилить миссию. В представлении от 24 марта 1907 года... я и ходатайствую пред Святейшим Синодом об увеличении личного состава миссии. Но считаю, что по тяжелым обстоятельствам нынешнего времени этого мало.

Есть факты и обстоятельства, которые заставляют тревожиться за будущее, которые грозят массовыми отпадениями от Церкви. Недавно такие массовые отпадения едва не совершились в деревнях Бобровке Камышинского уезда и Князевке Саратовского уезда. В первой до 30 человек из православия перешли в раскол. Австрийский поп привез с собою не одну, а две крестильни и

уже готов был всю большую деревню – наполовину православную, наполовину беспоповщинскую – совлечь в австрийщину. Вовремя была – благодарение Богу – усмотрена опасность, приняты меры, и совращение прекратилось. Поп увез назад в Саратов свои крестильни и на приглашение ехать в Бобровку ответил, что (после миссионерских бесед и пр.) ему там делать нечего. В деревне Князевке все жители под действием немцев готовы были перейти в штунду. Слава Богу, вовремя удержали и их. Но... боюсь, что буду делать, когда подобные случаи учащаются. А, безусловно, случаи указанные – лишь начало нашим болезням и скорбям. Боюсь, что в будущем у меня не хватит людей для борьбы с врагами православия: жатва многа и растет, а деятелей мало, и они убывают.

Замечается и следующее тяжелое явление. За отсутствием достойного числа кандидатов священства некоторые приходы остаются долгое время без благотворного пастырского влияния. Такое положение вещей крайне нежелательно, особенно в настоящее тяжелое и тревожное время, когда в каждом приходе так необходим священник – защитник своей паствы от безудержно нахлынувших в села и деревни Саратовской губернии всевозможных агитаторов – врагов Церкви, законности и порядка. Ввиду сказанного, долгом архипастырским считаю указать на крайнюю нужду в воспитании миссионеров. Нужда эта сознавалась и раньше, хотя и не была столь острой. Как видно из прилагаемых при сем, утвержденных Святейшим Правительствующим Синодом правил, в городе Саратове при епархиальном Братстве Святого Креста существует с 1890 года особая миссионерская школа. Школа эта дала миссии немало добрых деятелей, трудящихся ныне на должностях учителей и псаломщиков; есть из них немало лиц в сане диакона и даже священника. Но по тяжелым обстоятельствам времени этой школы уже недостаточно, необходимо ее расширить и улучшить как в количественном, так преимущественно в качественном отношении. Такой вполне своевременной мерой явилось бы открытие в городе Саратове особой миссионерской церковно-учительской школы с трехгодичным курсом.

Школу я предполагаю открыть при миссионерской Серафимовской церкви епархиального Братства Святого Креста. Заведующий школой и два ее учителя должны быть лицами с высшим академическим образованием и в священническом сане. Они поседмично совершают в Серафимовской церкви все церковные службы, причем воспитанники школы целым классом поседмично исполняют обязанности чтецов и певцов. В церкви же ведутся всем составом воспитанников, под руководством смотрителя и учителей, внебогослужебные чтения, беседы и проповеди, в совершении торжественных вечеров и молебнов и массовым общеназидательным пением. Под руководством учителя истории раскола ученики школы участвуют в ведении миссионерских бесед с раскольниками, каковые беседы обычно в настоящее время ведутся Великим постом в братском Киновийском зале. Должно быть также обращено особое внимание на преподавание церковного пения и дидактики, в связи с примерными уроками в образцовой школе, так как ученики школы в будущем явятся прежде всего учащими в церковных школах Саратовской епархии. Строй жизни богословской школы должен быть строго церковным, в духе и силе православия...

Представляя вышеизложенное на благовоззрение Святейшего Синода, долг имею почтительнейше ходатайствовать об отпуске 30. 824 рублей 38 копеек на постройку здания для богословской школы и об ассигновании ежегодного кредита на содержание сей школы в том размере, какой принят для церковно-учительских школ вообще. Осмелюсь повторить, что крайняя церковно-просветительная нужда заставляет меня обращаться с означенным ходатайством в Святейший Синод и что неудовлетворение этой нужды вовремя грозит серьезными и тяжелыми последствиями для Православной Церкви Саратовского многоплеменного и многоязычного края как в религиозно-просветительном отношении, так и в отношении религиозно-церковном образовании детей народа: сильно уменьшается число достаточно воспитанных и школьно подготовленных, тем более соответственно настроенных кандидатов – учителей церковно-приходских школ. В миссионерском отношении эта школа может быть великим подспорьем в том отношении, что учитель-миссионер в местах, зараженных расколом и сектантством, может оказывать благотворное религиозно-просветительное влияние как на родителей, так и на детей. Некоторым учителям-миссионерам можно давать вместе с тем и должности псаломщиков; некоторых учителей можно даже, по истечении многих лет службы, в виде награды возводить в сан диакона. Смирненнейше молю Святейший Синод не оставить моей просьбы без благоволительного внимания.

Вашего Святейшества
нижайший послушник

Гермоген, епископ Саратовский и Царицынский»

Признаю благовременным сообщить имеющему собраться в Москве 26 сего апреля съезду “Объединенного русского народа” те идеи и предположения, которые считаю необходимым посылно осуществлять, прежде всего там, где я имею долг пребывать и служить, в целях защиты и охраны Всероссийской Православной Церкви, а затем уже и царского самодержавия и преимуществ православной русской народности. Словом, мне хотелось бы выяснить перед съездом, что то дело спасения России, которым так искренно занят “Союз объединенного русского народа”, по моему глубокому убеждению, может быть осуществлено в надлежащей своей силе и положительных результатах лишь в том случае, когда оно будет исходить непосредственно из недр и духа самой Церкви Православной, ею будет руководимо по пути своего осуществления, ею же будет и проверяемо по степени соотношения его с идеалами Церкви Православной как таковой.

Такой именно патриотической инициативы, патриотического воодушевления и ревности о спасении России только чрез Всероссийскую Православную Церковь я держался и держусь в настоящее время и имею непреклонную решимость держаться до последней минуты моей жизни. Между тем при встрече моей и соприкосновении с практическим проявлением деятельности Саратовского “Союза русского народа”, а также других местных отделов и даже отдела центрального, замечено мною в этой деятельности исключительное преобладание одного лишь патриотизма как такового, без живого и деятельного отношения к духу и правилам Православной Всероссийской Церкви в искреннем доверии им и послушании. Такой патриотизм являет все свойства своей партийной исключительности, временного воодушевления и сплочения ради текущих практических нужд и задач; практическая требовательность и исключительность патриотизма партийного может проявляться и переходить в деспотизм и даже тиранию.

С таким чисто практическим направлением патриотических стремлений, имеющим временный преходящий характер, – нельзя примириться православному пастырю Церкви – глубоко и искренно верующему, что только через веру и Церковь Православную можно сохранить и защитить Россию от злобных демонических происков врагов Святой Церкви и православной Отчизны. Только через Церковь можно вливать постоянную живую струю, поддерживать в народе русском, искони преданном ей, дух веры и тем самым воспитывать его в идеалах вечного спасения. Между тем в программе “Союза русского народа” эти, казалось бы, очевидные положения, так сказать, обойдены; союз не делает даже различия между источником жизни русского народа – его верой православной – и расколом, как бы относясь к вопросам веры безразлично, поверхностно. Неудивительно, что чрез это многие пастыри и архипастыри при всем сочувствии к “Союзу русского народа” не могут, к глубокому сожалению, всецело примыкать к нему, несмотря даже на то, что “Союз русского народа” в данное время является самой близкой к Церкви партией и потому самой желанной для нее. Но именно только близкой. Как бы хотелось, чтобы она, эта чисто русская партия, всецело вошла в ограду Церкви, поставив на знамени своем – превыше других лозунгов своих – веру православную, которую уже второе тысячелетие живет и питается русский народ.

Укажу здесь такой пример в подтверждение моей мысли, что без руководства Церкви Православной идеи “Союза русского народа”, несмотря на всю их внешнюю привлекательность, не могут прочно привиться в среде народа и потому не могут осуществляться в желательном направлении.

Еще задолго до пресловутого “освободительного движения” 1905-1906 годов у нас, в Саратове, под покровом Церкви Православной состоялись патриотические собрания русских людей; собрания эти, разрастаясь, привлекали к себе все большие и большие симпатии населения, несмотря на все козни врагов Церкви Православной; явилась даже возможность и необходимость издавать орган “Братский листок” в 1904 году.

Эти “собрания” и общее религиозно-патриотическое воодушевление явились, так сказать, матерью местного отдела “Союза русского народа”, возникшего и сформировавшегося в скорбные и тяжелые дни деления России на всевозможные “партии” и “союзы”. Под давлением времени Саратовский отдел “Союза русского народа” оставил единственный надежный, уже проторенный путь и круто свернул в сторону политиканства, поставив его едва ли не главной задачей своей деятельности. Во главе отдела встали светские лица, иногда совершенно невежественные, пошли “партийные” распри и т.п. – и с тех пор, как видимый результат такой перемены, не раз возникали серьезные опасения даже за целостность существования самого отдела, каковых опасений не было и не могло быть в то время, когда названный отдел, под видом патриотических собраний, воодушевлялся чисто церковными идеалами. Много верных сынов Отчизны со скорбью удаляли

себя из союза, и прежде всего многие пастыри – призванные учителя и руководители совести народной. Я неоднократно указывал и разъяснял главную причину, почему пастыри не могут сочувствовать новому течению – и даже предугазывал возможные последствия сего течения, но все мои указания, неправильно понимаемые и тенденциозно истолковываемые, вызывали лишь против меня нарекания, упреки, даже в печатных органах “Союза русского народа”, например в “Вече”: в этой газете не так давно появилась статья “Обличительный плач”, автор которой, подобно “будочнику” – полицейскому, спросил у меня “паспорт” – о моей принадлежности к той или иной партии. И это после того, как к деятельности моей благожелательно отнеслись три всероссийских съезда “Союза русского народа”!

Основанием для корреспондента к такому удивительному допросу послужило то, что он, как уверяет, будто бы соблазнился одним нашим выражением, употребленным в речи к представителям Саратовского отдела “Союза русского народа” и по этому поводу в самом начале своего “плача”, подтрунивши над Саратовским архиереем по обычаю газетных писателей, составил целую газетную статью; почему понадобилась подобная статья и почему автор использовал для составления статьи указанный ничтожный повод и раздул его, ничуть не понявши выражения, – трудно понять. Если Московский отдел “Союза русского народа” этого не поручал автору обличения и об этом не ведал, то можно думать, что газета “Вече”, старалась показать себя каким-то инспекторским официальным органом “ведомства” всех в России отделов “Союза русского народа”; по ее мнению, пришло-де время стегнуть Саратовского епископа, и “будочник” стегнул, и даже подтрунил над епископом, несмотря на то, что последний был при исполнении своих священных пастырских обязанностей назидания паствы, – пусть-де не забывает, что над ним есть “око начальническое”. Бедные русские люди! Уж так впиталась у них в плоть и кровь атмосфера и дух полицейских управлений, что они никак не могут допустить, чтобы кто-либо без полицейского “будочника” мог сохранить сам собой свой надлежащий подлинный “вид”...

Но я с решительнейшим и полнейшим упрямством повторяю здесь и готов повторять бесчисленное множество раз повсюду то же самое выражение, за которое “наш будочник” счел нужным меня “постращать”. В саратовской газете “Волга” выражение нашей речи несколько передано в сокращенном виде, но основной смысл указан совершенно верно. Я повторяю это выражение так, как оно было сказано в самой живой беседе с народом. Вот это выражение: “Я служил и служу поныне Саратовской православной пастве, и в частности – членам Саратовского отдела “Союза русского народа”, отнюдь не в качестве какого-либо учредителя “партии” (что усиленно старались и стараются приписать мне левые партии и красные газеты, в особенности саратовские), а исключительно как русский православный пастырь и как до смерти верный сын Православной Церкви и православной Отчизны”. Что можно “усмотреть” неправильного в этом выражении – тем более обидного или даже достойного “плача” для членов “Союза русского народа”?! Мне думается, что “будочнику” из “Вече” следовало бы раньше побывать в Саратове, прежде чем писать свои “обличения”, тогда он, быть может, убедился бы, что нами на началах церковных сделано больше, чем если бы держались пунктуально параграфов “Союза русского народа”.

А между тем при наличии подобных статей получалось крайне тяжелое, ненормальное положение: “своя своих не познаша”, и, вместо того чтобы сильнее объединиться для защиты и охраны Православной России, мы били друг друга, вызывая тем непритворную радость наших врагов, учитывающих каждый промах верных сынов России и, несомненно, по достоинству оценивших главную и коренную ошибку “Союза”, быть может грозящую для России роковыми бедами, заключающуюся, как выше сказано, в том, что “Союзом” не принята, не усвоена непреложная для нас истина, именно: что только чрез Православную Всероссийскую Церковь – действительное спасение Отчизны нашей, что только дух веры способен живить и укреплять дорогое нам самодержавие царя православного и русскую народность.

Что касается лично меня, то, как незаконно наказанный, я по крайней необходимости должен заявить здесь о своих действительных, нравственных и духовных правах, как некогда вынужден был сделать подобное святой Павел апостол. В самом деле, пастырское воодушевление, патриотическая ревность существовали во мне гораздо раньше, чем возник “Союз русского народа”, и в смысле защиты православной Русской Отчизны я проповедовал давно, проникнутый церковно-народным патриотизмом, основанным на Евангелии и словах апостола Павла. Я пламенно желаю, чтобы из родной мне плоти, из утробы русской народности, произошло как можно больше спасающихся, идущих чрез земную дверь веры и Церкви в Обители Небесного Отца... Каким путем можно бы достигнуть этого – подробнее будет сказано ниже... Всегда я имел заботу, а особенно забочусь в нынешнее время о целостности государства России, о

сохранении власти царя православного и других преимуществ русской народности потому, что нынешнее революционное движение – чисто антихристианское, но оно прежде всего стремится рассесть ограду Церкви, построенную из государственности и русской народности.

Истинные отношения мои к “Союзу русского народа” я желал бы выяснить раз навсегда, во-первых, потому, что в этих отношениях может быть раскрыта общая и основная идея спасения России и, во-вторых, с тем, чтобы по возможности пресечь различные недоразумения, кривотолки, допускаемые даже той частью печати – как например “Вече”, от которой я мог бы ожидать более справедливой оценки моей деятельности.

После возникновения Саратовской монархической партии, саратовский “Братский листок” раскрывал ее происхождение под влиянием наших пастырских бесед с народом. “Она (монархическая партия) не боится навлечь на себя гнев и насмешки передовых людей, – писалось в “Братском Листке”, – и прямо говорит, что она стоит за Православную Церковь и за самодержавие русского царя. На ее знамени написаны “царь, вера и народ”. И мы уверены, что этим знаменем она привлечет к себе симпатии всего простого народа и искренне верующих людей русских из всех классов общества. Народно-монархическую партию нужно признать партией всего коренного русского простого народа, к которому охотно готовы прийти и присоединиться все образованные, истинно русские люди. От души желаем процветания этой наилучшей и основной российской партии”.

Левые партии и красные саратовские и других городов газеты также приписывали происхождение народно-монархической партии деятельности Саратовского епископа и его сотрудников по религиозно-нравственному просвещению, но обозначали этот факт с своим клеветливым оттенком и с свойственным и сродным для них пониманием и толкованием этого происхождения; революционно-мятежный дух этих людей не мог, конечно, объяснять происхождение народно-монархической группы или организации из чистого источника веры и мирного религиозно-патриотического воодушевления, согретых и раскрывшихся в искренней и простой душе народа под влиянием богослужения, молитв, поучений по благодатному источнику слова Божия, святоотеческих писаний и наставлений. Живоносный Источник Православной Церкви чрез пастырей с одной стороны подал народу, с другой – озарил и просветил имеющиеся у самого народа дары разума и духовных нравственных сил для устройства на данный случай благоприятных условий к охране и развитию истинных начал своей народно-бытовой и государственной жизни. На этот-то Живоносный Источник и на просветительскую деятельность мою для пользы народа, проистекавшую именно из глубины этого Источника, я и старался всегда указывать – в особенности я старался раскрывать самый источник пред глазами народа и даже пред глазами самих клеветников, происходивших не из народа, чтобы показать и доказать как чистоту и совершенную непорочность моего пастырского во всех отношениях служения, так, с другой стороны, на несомненную чистоту и светлое содержание, смысл и значение самих действий простого народа в факте группировки его в свою собственную православную народную монархическую партию; однако я сам лично, как представитель Церкви, не хотел ни на шаг отступить от благодатного Живоносного Источника, у которого стоял и к которому был приставлен как святитель и предстоятель Церкви Христовой; притом я твердо сознавал, что мое отступление нанесло бы несомненный вред прежде всего самому служению и призванию моему, а затем – и народной жизни, всем сторонам которой я стремился служить не во имя какой-либо... преходящей идеи, но исключительно только во имя вечных заветов Церкви Православной, – служить ее святыми дарами, воспринятыми и усвоенными мною в мое собственное существо из Божьих сокровищ и источников; посему-то мое предстоятельское служение не было только служением по сану (в облачении “прелестной мантии”), но и служением моей собственной духовно-нравственной личности, облеченной в благодатный (Божественный) сан церковный. Итак, неужели такой характер и образ православной церковной пастырской деятельности для членов монархической партии представляется малым по своему масштабу и неустойчивым по той почве, на которой он утверждается?!

Такое понимание и такой взгляд на российское православное пастырское служение крайне ошибочен, и если так смотрит не только именуемый себя “верным сыном Церкви”, но и все организации “Союза русского народа”, то это громаднейшее и вреднейшее заблуждение; оно может в корень растлить религиозный и истинно-патриотический дух православного русского народа; и все наши “организации”, на которые мы теперь смотря радуемся, в сущности, могут сослужить плохую и даже крайне плохую службу народу русскому. В самом деле, представители “организации” для целей ложного самосохранения и даже просто, быть может, из мелкого, также ложного организаторского самолюбия – стремятся подчинить ничтожной букве своих заповедей и

уставов и преходящей форме своего временного устройства самый дух жизни, их породивший и вдохнувший в них живое воодушевление веры и патриотической ревности; не значит ли это “восстанут дети на родителей своих”... Не значит ли это также стремиться вынуть живой дух православных пастырей и народа русского из благодатного глубочайшего и необъятного океана духовной силы, широты и свободы и втиснуть в узкий, легко сокрушимый сосуд, вмещающий в себя лишь несколько капель воды; не значит ли это, наконец, ставить вечное Божественное начало жизни ниже временного, человеческого, ставить великодаровитую Церковь Христову ниже естественных даров человеческого ума и житейской практической деятельности, которые сами должны, в свою очередь, быть освящены и воодушевлены Церковью и ее духом. Было бы крайне прискорбно, если [бы] пришлось сказать всем организациям “Союза русского народа” наравне с революционерами и “октябристами”, как древним (также игравшим политическую роль) организациям книжников, фарисеев и саддукеев: “Горе вам, вожди слепии, глаголющие... иже аще клянется олтарем, ничесоже есть, а иже клянется даром, иже верху его, должен есть. Буи и слепии, что бо более, дар ли, или олтарь святый дар?” [Мф. 23,16, 18-20]. В самом деле, наш патриотизм, как чувство естественное, бытовое, житейское, получает свое истинное одушевление и освящение от вечного, неземного духа и вечных святых заветов Православной Церкви; наш патриотизм и наши патриотические организации – это наш дар естественный, освящаемый на алтаре Церкви во славу Бога, для спасения любимого народа. Поэтому следует спросить некоторых членов русской патриотической партии, по духу близких к фарисеям иудейским: “что более, дар ли или олтарь, святый дар?”...

Итак, желая сохранить идею своего пастырского служения чистой и независимой ни от каких частных правил и организаций, я как в самой деятельности своей, так и в поучениях не приклонял Божественного православно-пастырского начала моего служения под иго человеческой практической работы в учреждении какой-либо “партии” политической, не позволял себе продавать бесценный бисер – Христа – за тридесять сребреников в угоду представителям каких бы то ни было партий, точно так же и в удовлетворение практической необходимости организовать народно-монархическую партию. Молитва, богослужение и наши поучения, основанные на слове Божиим и раскрывавшие сущность текущих жизненных явлений, – были достаточно сильны, чтобы воодушевить к разумной и благотворной практической деятельности мирян и некоторых из ревностных священников г. Саратова, которые, как это и было им вполне свойственно и прилично, согласно актам 6 августа и 17 октября, и организовали “народно-монархическую партию”. Но враги Церкви Православной, исключительные также враги Саратовского епископа, вся темная революционная печать старались всегда и повсюду представлять меня каким-то демагогом, организатором и предводителем “партии”, все свое священное служение и силу пастырского слова направлявшим исключительно на партийную работу, на политическую агитацию. Ввиду такой лукавой пропаганды со стороны злодеев, усилившихся принизить и опорочить святость и высоту нашего святительского служения (говорю о святости не по личности своей конечно, а по осуществлению нами идеи Святой Церкви и святому званию), я стал в последние два года особенно в своих речах оттенять свидетельство свое и верование, могущее быть подтвержденным всей Саратовской Церковью, что я “никогда не был, не могу быть и не буду политиком или руководителем политической партии, хотя бы и самой лучшей из всех партий в России”. Когда лукавая в данном отношении агитация крамольников, не видя особых последствий от своих усилий, стала все более и более усиленно клеветать, что мы во всех проповедях, во всех беседах с народом прямо уже будто бы говорим: “бей жидов”, “бей интеллигенцию”, “избивай учащихся”, я просил г. губернатора посылать одного или нескольких лиц из Губернского правления или других каких-либо лиц на мои службы и беседы, приглашал в храм учеников гимназии, реалистов, семинаристов для присутствования в храме и слушания моих бесед. Все наши беседы имели чисто пастырский характер и содержание и по характеру времени и событию соединялись с религиозным и нравственно-психологическим и бытовым анализом ненормальных явлений нашего времени; действительно, весьма значительная часть наших речей за 1905-й и 1906 годы была направлена против злого духа времени, начавшегося у нас уже с половины 1904 года и особенно упорно производившего свой натиск против Церкви Православной, против всей деятельности Саратовского епископа, против доверия властям, от царя поставленным. И саратовские, и другие красные газеты стали называть наши речи и поучения публицистическими, а не церковными (какие, подумаешь, ревнители чистоты церковной проповеди и церковного назидания, а в сущности, льстецы и змии лукавые!..).

Чтобы обличить бесстыдную ложь газетных прислужников злого революционного духа некоторой части нашего общества, я и говорил всегда народу в кафедральном соборе, во всех

других храмах г. Саратова и других мест Саратовской епархии, что я, как пастырь Церкви, в нынешнее тяжелое время, полное искушений для истинно верующих членов Православной Церкви, обязан всею силою духа, всем пламенем ревности пастырской восставать против растлевающего духа времени, обличать, карать силою слова Божия и слова пастырского и авторитетом нашего великого и страшного служения святительского всякие хищнические преступные покушения и стремления лютых врагов Церкви Православной, врагов Верховной власти Богопоставленной и православного русского народа. То же самое повторяю и теперь, что я отнюдь не умолкну, не прекращу, не ослабну ни на одну йоту в своей пастырской огневой борьбе со злым духом времени, с гидрой революции. И пусть умолкнут лживые и клеветливые уста купленных слуг революции – я скажу им, как говорил всегда: вы заведомо и сознательно лжете, называя меня народным предводителем, а не православным русским пастырем, называете “организатором и руководителем Саратовской монархической партии”, а не пастырем – вдохновителем святых чувств любви ко Христу и Его Церкви, любви к Отчизне и родному народу русскому; хотя и в том, в сущности, нет ничего низкого или презренного, чтобы быть предводителем лучшей части (“партии”) народных масс или даже ее организатором, но этот жребий и это служение несравненно меньшие того служения, которое на нас возложено собором святителей: наше служение, повторяю, есть великое предстояние у Живоносного Источника благодати и святых истин Христовых, откуда мы можем проливать живительные струи света и разума, благодатного оживления и одушевления на все стороны жизни народа – религиозно-церковной, общественной, государственной, семейной... не ограничиваясь какою-либо частной группой людей с ее организацией. Итак, кажется, теперь может быть весьма понятно, почему мы говорили всегда и будем говорить впредь, что мы служили и служим в Саратовской пастве православному народу русскому, и в частности членам Саратовского отдела “Союза русского народа”, не как организатор или руководитель “партии” русского народа, что, повторяем, усиленно стараются приписать нам левые партии и красные газеты, а именно как православный русский пастырь, как до смерти верный сын Православной Церкви и православной Отчизны. Еще точнее, этим мы хотим объяснить и засвидетельствовать пред всеми, что в понятии “православный русский пастырь, до смерти верный сын Православной Церкви и православной Отчизны” заключается неизмеримо больше, чем в дробном и совершенно преходящем понятии руководителя, или лидера “народно-монархической партии” или партии “Союза русского народа”: первое есть как бы объемлющая линия или площадь, а второе объемлемая; первое есть целое, второе – часть. Но нам говорят, что член “Союза русского народа” суть вместе с тем и “верный сын Церкви и Отечества”, – это утверждение может, конечно, хотя и не во всех случаях, соответствовать действительности, и однако же согласно законам логики, в данном случае можно было бы при всех других равных условиях говорить лишь о равенстве при тождестве или подобно отдельных частей двух целых, а вовсе не о равенстве самих целых или о их полном совпадении.

Конечно, нельзя отрицать того, что среди членов партии “Союза русского народа” есть и много верных до смерти сынов Православной Церкви и православной Отчизны; тем не менее было бы крайней неправдой сказать, что партия “Союза русского народа” равняется или совпадает с Православной Церковью и православным Отечеством... После этих рассуждений весьма понятно, когда православный русский пастырь, тем более предстоятель Православной Церкви, с целью заградить уста клеветников, вывести из заблуждения некоторых и, быть может, соблазняющихся, старается уверить и доказать, что он хотя и сочувствует и содействует наилучшему осуществлению целей и задач “русской народной партии”, однако же сам всей душой и всем своим существом принадлежит не “партии”, а Православной Российской Церкви и православному Отечеству; он старается уверить всех, что это простая случайность или, вернее, печальная и даже несчастная необходимость времени и обстоятельства, что великое и пространное море Православной Церкви и православного Отечества бедные русские люди, как малые дети, черпали и наливали в мелкие и хрупкие сосуды своих “собраний”-“союзов” и плещутся в этих сосудах, как мелкие рыбки; некоторые из них, недаленовидные, воображают даже, что они по-прежнему плавают в великом Российском море – о! жалкое детское обольщение!

Отвечая на приветствия “Союза русского народа”, мы часто называли совокупность союзов русского народа великим всероссийским ополчением; мы и теперь держимся того же эпитета – это действительно наше верное духовно могучее ополчение, способное держать в страхе пестрые полки внутренних врагов России, – однако все же это только ополчение. Отдельные “союзы” в различных городах и селах России – это отдельные боевые станы общего всероссийского ополчения. Но где же вся Святая Русь, осеняемая благодатным небом Православной Церкви? Она,

бедная, по-прежнему, как и в самом начале внутреннего плена, стоит ошеломленная, прислонившись у церковной ограды; лицо ее теперь как будто несколько приподнято и как будто немного оживилось при виде там и там собирающегося, движущегося шумного ополчения, но взгляд ее растерянный, – она еще в забытьи. Но кто всецело оживит тебя, родная Русь, кто ободрит тебя, кто возвратит твое великое внутренне море духа и сил, широты и свободы духовной и национальной к прежним обширным берегам, чтобы твоя великая душа, как воистину море необъятное, вновь радостным светом заиграла под благодатным небосклоном и, светло под ним блистаясь, ярко отражала в себе Живоносное Солнце?

Все это я счел необходимым изложить с возможной обстоятельностью в виде мотивов к нижеследующему моему проекту, имеющему своей целью объединить патриотов-церковников с патриотами-союзниками – для спасения России.

Я думаю, что гигантскую работу спасения России можно выполнить при посредстве особого Всероссийского Братства Животворящего Креста Господня, к проекту об учреждении коего я и перехожу.

Нельзя – прежде всего – не быть уверенным в том, что как религиозное настроение, так и патриотическое никогда не укладывается циркулярами, партиями, уставами. Поэтому, чтобы чувство православное, религиозное и связанный с этим чувством искренний народный патриотизм не оскорблялись и не угнетались – как организациями, так и отдельными личностями, позволяющими говорить себе от организаций, – лучше всего, чтобы религиозность и патриотизм имели полную свободу на местах, а не руководствовались исключительно циркулярами и указами, так как в последнем случае возникает новое “ведомство” – с управами, циркулярами и “будочниками”...

Мне думается, что для достижения плодотворной патриотической деятельности, энергии, проявления патриотической ревности – необходима прежде всего принадлежность православных русских людей не к “Союзу русского народа” как партии, а прежде всего – быть истинным и верным сыном Православной Всероссийской Церкви. Православный русский человек, искренно преданный заветам и преданиям Церкви, вполне послушный ее духу и руководительству, – есть наилучший и стойкий защитник всей своей православной Отчизны.

Поэтому при приеме членов в состав “Союза Русского Народа” и в его отделы следовало бы прежде всего, при посредстве пастырей, знающих своих духовных чад, принимать лишь истинно верующих, с живым воодушевлением, с заветами и духом православия, чтобы они были прежде всего любители и ревнители православной веры и Церкви, пламенные защитники этой всероссийской души народной, – тогда они и явятся лучшим ополчением внешней государственности и всей нашей православной Отчизны.

Между тем, как мне известно по нашему Саратовскому отделу, а отчасти и по другим отделам “Союза русского народа”, – в члены “Союза” поступают часто лица, никогда не посещающие церковь, самовольно нарушающие смысл церковных правил, не слушающие зова Православной Церкви, – и если таких людей будет много в “Союзе” – то каково будет положение пастырей, которые должны говорить о послушании верных заветам Церкви?

Есть, конечно, пастыри недостойные – но это вопрос другой. Такие будут бесполезны и для патриотических целей.

Из всего изложенного я могу сделать лишь следующий вывод:

Чтобы в состав “Союза русского народа” вступали действительно наилучшие русские люди, истинно православные, вообще – ревнители русского благочестия, а следовательно и искренно религиозные воодушевленные патриоты, – необходимо, чтобы весь этот состав проходил чрез горнило церковное, чтобы их значение подчинялось известного рода заветам, говорило о полном соотношении духу православия и Уставу Православной Всероссийской Церкви. Тогда только этих людей и удостоивать званием члена “Союза русского народа” как православно-религиозных политических деятелей, как истинных защитников православной Отчизны.

Этого можно достигнуть чрез особую, так сказать, фильтровку, осуществить которую можно бы посредством учреждения вышеуказанного истинно православного “Всероссийского Братства Животворящего Креста Господня”.

Задача, которая предстоит всем ревнителям Церкви и духовенству в особенности, ограничивается не одной защитой существующего – нужно думать о неотложном приступе к созидательной деятельности. Если современная государственность потерпела такое разрушение, то, конечно, потому, что много было в ней ложного, построенного на основах, чуждых церковным началам: государственные установления, особенно последнего времени, учреждались совершенно не справляясь с голосом Церкви. Даже чисто церковные вопросы, как например

освящение союза брачного, и те решались не только не выслушав голоса Церкви, но прямо в противность всем известным церковным канонам. Задача наша – созидательная: домостроительство если не целого государства, то для начала хотя бы прихода на истинно православных началах – прихода, как первоначальной ячейки государства, как особого автономного братства.

И вот для спасения Церкви, для спасения Родины все живые силы православного русского народа должны, стряхнув свой духовный сон, воспрянуть и сплотиться под знаменем Креста: в каждом приходе создать братства, которые должны быть истинно-православными общинами, которые должны сплотить в одну стойкую единицу всех, оставшихся верными Церкви Православной, поддержать дух людей колеблющихся, но еще не потерявших связи с Церковью, разорвать связь их с врагами Церкви Христовой и русской государственности, отделить их от этих врагов резкой чертой.

Братство должно следить за всеми возникающими вопросами текущей государственной и церковной жизни, разрешать эти вопросы в духе тех начал, коим служит Братство, и возлагать на своих членов исполнение своих решений.

В последнее время среди лучшего нашего русского общества чувствуется заметный поворот. Многие обратились к Церкви как к прибежищу от революционных бурь и волнений нашего времени. Этим необходимо немедленно, без всяких проволочек во времени, воспользоваться всем, ревнующим о благе, о спасении России.

В члены Братства принимать под клятвами, как это было в старину, при деятельном непосредственном участии пастырей, действительно наилучших людей, вбирающих, как здоровая почва, соки из других людей соответственного духа и направления, а уже из этого обильного колодца – Всероссийского при приходских церквях Братства – “Союз русского народа”, как организация, мог бы черпать здоровых и воодушевленных деятелей, которые могут составить многочисленные организации.

Братства организуются во всех округах губернии; в каждом губернском городе свое автономное Братство; устав общий для всех.

Такое ополчение – Всероссийское Братство, воодушевляемое вечными заветами Святой Церкви, действительно может спасти Россию, так как за ним будут стоять общие народные массы, доселе, благодарение Богу, в целом преданные святой вере и Церкви. Тогда и политическая деятельность будет исходить от лиц, имеющих глубокую связь с Церковью, будет направляться и осуществляться искренними ревнителями – ее сынами и послушниками.

Тогда прекратится наконец проклятие Русской истории последнего двухсотлетия – рознь между [2 слова нрзб.] интеллигенцией и народом.

Организацию “Союза” поставить в зависимость от Братства; если Братство кого-либо исключит из своего состава, то исключенный не может быть членом “Союза”, точно так же – кто состоит уже членом “Союза”, но за что-либо будет исключен из Братства, тем самым исключается и из “Союза”.

Председатели отделов “Союза” избираются Братством, совместно с составом и при участии всех членов “Союза”.

Братство, как выше сказано, находится в губернском городе, его ближайшие отделы – в уездных городах и затем уже – во всех приходах; уездные и приходские отделы должны быть автономными по своей местной практической деятельности и зависеть от губернских лишь в смысле руководства и контроля, а также проверки о соответствии этой деятельности с правилами и уставом центральных братств, для каковой цели необходимо, чтобы центральные братства посылали в уезды как можно чаще своих членов.

Вот, в общих чертах, мои идеи и предположения, кои, по моему глубокому убеждению, способны объединить патриотов-церковников с патриотами-союзниками, чтобы те и другие имели одну Матерь – Православную Всероссийскую Церковь.

В заключение, чтобы еще более оттенить идею православной церковности в русском патриотизме, я воспользуюсь в данном случае не только заветами Церкви и моими пастырскими убеждениями, но и словами одного из тех светских “пророков”, которые отличались пониманием религиозного духа русского народа, а также и др. его лучших чувств; я имею в виду прекрасное стихотворение В.А. Жуковского “Пери и Ангел”; самый текст этого стихотворения находится, кажется, в 5-м томе сочинений Жуковского, куда я и отсылаю желающих прочесть его в подлиннике. Здесь же приведу толкование этого стихотворения, сделанное приснопамятным святителем Феофаном, затворником Вышенским. Вот как изъясняет стихотворение Преосвященный Феофан: “Пери – дух, один из увлеченных к отпадению от Бога, опомнился и

воротился в рай. Но, прилетев к дверям его, находит их запертыми. Ангел – страж их говорит ему: есть надежда, что войдешь, но принеси достойный дар. Полетел Пери на землю. Видит воина. Умирает доблестный воин и в слезах предсмертных молит Бога об Отечестве. Эту слезу подхватил Пери и несет. Принес, но двери не отворились. Ангел говорит ему: хорош дар, но не силен отворить для тебя двери рая. Это выражает, что все добродетели гражданские хороши, но одни не ведут в рай. Летит Пери опять на землю. Видит мор. Умирает красавец. Его невеста ухаживает за ним с самоотвержением, но заражается и сама. И только что успела закрыть ему глаза, как и сама пала ему на грудь мертвою. Были слезы и тут. Пери подхватил одну и несет, но двери рая и за эту не отворились. Ангел говорит ему: хорош дар, но один не силен отворить для тебя неба. Это значит, что семейные добродетели одни тоже не приводят в рай. Ищи. Есть надежда. Пери – опять на землю. Нашел кого-то кающегося. Взял его слезу и несет. И прежде чем приблизился к раю, все двери его были уже отворены для него”.

Эта поэма ясно убеждает нас, что все разнообразные деятельности – общественная, государственная, семейная – все должно воодушевляться коренным духом религиозности, никем не стесняемой.

Думается, что я излагаю не только свои личные идеи и настроения, но и являюсь выразителем настроений многих верных сынов Святой Церкви.

Ограниченность времени, оставшегося до открытия съезда, лишает меня, к сожалению, возможности более широко развить поднятый в сей записке вопрос – об объединении всех патриотов под стягом Всероссийского Братства Креста Господня. Но если бы съезду угодно было остановить на нем свое внимание – я охотно готов в будущем принять посильное участие и [оказать] возможную помощь в детальной его разработке и затем проведении в жизнь в пределах вверенной мне епархии.

Не могу, однако, здесь же не пожелать, чтобы съезд еще до разработки предложенного вопроса – теперь же озабочился исправлением хотя некоторых весьма существенных недостатков “Союза” в значительной степени мешающих его развитию; так, необходимо тщательно пересмотреть § 3 программы “Союза”, появление которого в настоящей его редакции я объясняю лишь печальным недоразумением. А к чему приводит этот параграф – показывает такой факт, что в одном, например, из уездных городов Саратовской епархии председателем отдела “Союза русского народа” состоит раскольник. Какое, спрашивается, возможно участие православных пастырей в отделе “Союза”, председателем коего состоит, быть может, и хороший человек, но по духовному складу, верованиям и убеждениям – враждебный к Матери нашей – Церкви Православной? Вообще в Саратовской епархии, весьма зараженной расколом, подобные факты только вредят нашему общему делу и во всяком случае не могут служить процветанию “Союза” и его отделов.

Желательно бы далее выслушать отношение съезда к поведению некоторых членов “Союза русского народа”, допускающих... иногда в крайне несдержанных, некорректных выражениях критику святителей, предъявление им всевозможных требований от имени “Союза”, что поистине – если исходит действительно от “Союза” – как будто приравнивает дух и направление этого “Союза” к Государственной Думе – с ее требованиями, запросами и т.д.

А между тем по законам, казалось бы обязательным для членов, поставивших на своем знамени, между прочим, и охрану Православной Церкви, – никакая организация не может предъявлять “требований” к святителям Церкви, а тем более – учинять произвольные “суды” над ними, ибо епископ подлежит только и исключительно суду Собора святителей.

Призываю Божие благословение на предстоящие труды съезда “Объединенного русского народа” – в духе веры и Православной Всероссийской Церкви... Труды предстоят немалые: густо нависший туман мутной мглой обложил нас кругом... Создатель, не лиши нас Родного Неба, сподоби нас вновь увидеть озаряющие и согревающие лучи Живоносного нашего Солнца... И вновь возвратиться к данным Тобой нам великим берегам!

Саратов

Апреля 1907 года»

⁹ Источник воды живой. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1999. С. 794.

¹⁰ В своей записке Императору они писали: «Русская Православная Церковь оказалась в тяжелом и крайне опасном положении вследствие многих причин.

Прежде всего большинство приходских общин не имеет подготовленных к высокому служению пастырей, так как Духовные семинарии потеряли свой духовный облик. Это привело к

совершенному разобщению священников с паствами и епископами, архипастырей с приходами и к равнодушию общества и народа к делам Церкви и прихода; поэтому исчезло и единение между русскими людьми. И епископы, эти руководители жизни целых епархий, сами получив воспитание в таких несовершенных семинариях и академиях, восходят к своему высокому и ответственному служению без необходимого церковно-жизненного опыта, так как приходят к епископству главным образом по службе в тех же духовно-учебных заведениях, а не пастырской и общественной работой.

Вторая причина – неожиданность и тяжкие последствия закона 17 апреля 1905 года о свободе всех вероисповеданий. Законом не была предусмотрена ответственность тех, которые злонамеренно и насильственно будут совращать православных в инославие и раскол. Свобода вероисповеданий тотчас же превратилась в свободу и безнаказанность совращений, что неминуемо потрясло господствующую в государстве веру и поставило Церковь в условия жизни гораздо более тяжкие, чем у любой секты, ибо каждая секта стала теперь свободной юридически и самостоятельной в своих правах. Зависимой, бесправной и несвободной сделалась только господствующая Православная Церковь, чего, конечно, никогда не предполагал законодатель и закон 17 апреля 1905 года.

Третья причина – переходное состояние в жизни и деятельности высшей русской церковной власти. Все теперь возлагают свои надежды на Всероссийский Церковный Собор. Святейший Синод, выработав положения и вопросы для Собора в Предсоборном присутствии, по необходимости, в ожидании Собора приостановил проведение каких бы то ни было реформ и как бы замер в своей деятельности. Между тем мы видим крайнюю необходимость и неотложность некоторых из таких реформ. Могут [ли], в самом деле, русские епархии, Русская Церковь и народ в столь бедственное время оставаться в выжидательном положении? Мыслимо ли, с другой стороны, в революционные года собирать Церковный Собор, когда столько столетий не было Соборов и требуется на нем решить основные вопросы жизни Церкви...».

Далее епископы выражали мнение о невозможности проведения в настоящий момент Церковного Собора, для которого требуется энергичная подготовка, на которую понадобится не менее года, специально посвященного этому вопросу. Епископы предложили созвать сессию Синода «для проведения необходимых реформ и подготовительных к Собору мероприятий».

Они предложили уволить на покой «престарелых и недействительных архиереев*», которые как правители непригодны в переживаемое особо тяжелое время... Необходимо ввести во всех епархиях приходскую реформу или, лучше сказать, такую форму оживления приходской деятельности, которая допустима до созыва Церковного Собора и в состоянии дать возможность епископам объединить и сплотить духовенство между собой и с прихожанами и организовать общественную борьбу с безнравственностью и стихийно распространяющимся пьянством. Учреждение приходских советов или братств неминуемо поставит пастырей во главе приходов и руководителями народа, сблизит их с епископами, которые для проведения реформ будут вынуждены организовать пастырские собрания, съезды духовенства и мирян, публично беседовать со своею паствою, направлять деятельность и церковную жизнь всей епархии и т.д. Эта реформа крайне необходима главным образом для объединения верующего русского народа между собою и с пастырями и архипастырями, для борьбы объединенными силами с современными движениями, совращениями и безнравственностью и для вразумления молодого поколения. Без соответствующей формы приходской жизни, как уже выше сказано, нельзя организовать выборы мирян на Церковный Собор...

*(Это их предложение вызвало большое беспокойство у некоторых архиереев, особенно у тех, кто чувствовал себя не особенно твердо в области делания церковного или нравственности. Одним из первых был уволен будущий обновленец и разрушитель Церкви, первый викарий Санкт-Петербургской епархии епископ Нарвский Антонин (Грановский). Архиепископ Псковский и Порховский Арсений (Стадницкий) писал по этому поводу в своем дневнике: «Гуляя после обеда, я встретился с Антонином, который жаловался на физическое недомогание и душевное. Я думаю, что тут имеют влияние “беды над старцем” [митрополитом Антонием (Вадковским)], с которым связано и его благополучие. “Исидор Михайловский [епископ Михайловский, викарий Рязанской епархии Исидор (Колоколов) – за безнравственные поступки в 1911 году был уволен от должности викарного епископа. В 1918 году расстрелян большевиками в г. Вятке.] пысав мені, що в Москві ходят слухи, що Восторгов скоро возьметься и за мені”...»

В 7 часов вечера зашел ко мне Преосвященный Антонин, мрачный и вздыхающий. Я хотел было утешить его. Он мне и сказал: “Вы знаете, що теперь я уже не Нарвский”. – “А какой

же? Не Псковский ли?” – “Я тільки що від старця, который и сказал мені царскую волю, переданную через обер-прокурора, що бы я шукав собі місто”. Теперь только я понял, что он не шутит. Оказывается, в пятницу обер-прокурор был на обычном докладе у Государя, и он дважды сказал оберу об увольнении Пр<еосвященного> Антонина, а обер-прокурор вчера передал митрополиту, а митрополит сегодня Пр<еосвященному> Антонину, а последний – непосредственно мне. “Що я теперь буду робить, – воздыхал Пр-й. – Куда я піду? Як бы мені оставили в Лаврі – то ще нічого...” ...Заходил к Пр-му Антонину. Он дремал в постели и все стонал. Признаюсь – вся обстановка опального архиерея произвела на меня сильное впечатление. В спальне – полумрак от прикрытой электрической лампы, громаднейшая кровать (палладиевская), а на ней – громаднейшая фигура Пр-го, с полукрытыми глазами, стонущего. Он, еле двигая языком, говорил, что был у обер-прокурора, который передал ему волю царскую об удалении его на покой, что эта воля должна быть исполнена и что ему вскоре нужно подать прошение об уходе...”

Митрополит Санкт-Петербургский Антоний, на которого падала вина за попустительство епископу Антонину, пытается оправдаться, писал обер-прокурору Извольскому: «Раз Государь им недоволен и сейчас это выражает, как узнал вчера от Вас, то разговору тут никакого быть не может. Его можно удалить. Но на меня здесь все же падает вина, что я терпел человека, на которого падают, по-видимому, тяжелые обвинения. В оправдание себя могу сказать, что я знаю непростительные ошибки Преосвященного Антонина, но знаю то хорошее, что в нем крепнет и крепнет. Из него вырабатывается хороший архиерей. Удалить человека, Государю неугодного, – дело правильное, но без вмешательства Гермогена и Серафима. Тут для меня самое непереваримое. Они хотят поспешно представлять Синоду к увольнению многих архиереев – до 15-ти, по дошедшим до меня слухам... Если можно, надо удержать названных иерархов от осуществления задуманных ими планов...»

Следует поспешить с организацией миссионерских обществ и братств, учреждением миссионерских школ и благоустройством миссий во всех епархиях. На дело внешней миссии – против нехристиан – нужно теперь же отпускать Миссионерскому обществу из особого фонда 100 тысяч рублей ежегодно. Дело внутренней миссии – против расколов, сект, инославия и всяких иных заблуждений – нужно объединить при том же Миссионерском обществе в Москве или в особом Всероссийском Братстве в Петербурге при Святейшем Синоде и отпускать на него из того же источника 100 тысяч рублей ежегодно...

Переселенцы – русские православные крестьяне в Сибири – требуют самого заботливого внимания в отношении их духовных нужд: без церквей и церковных школ они погибают духовно на новых местах жительства...

Церковно-приходские школы – опора Церкви и верующего народа. Несмотря на любовь к ним народа, они – пасынки правительства, которое все средства отпускает в Министерство народного просвещения и дает ему вчетверо больше денег на число школ, значительно меньшее, чем число школ церковных. Необходима поддержка церковной школы...

Необходимо немедленно пересмотреть законоположение о свободе веры или вероисповеданий, для определения ограничений против насильственного совращения православных и распространения инославия и раскола...

Для борьбы с развращающей светской и духовной печатью, порнографией, театральной литературой и вообще с изобретательностью врагов Церкви и государства, стремящихся к уничтожению в народе христианской нравственности, необходимо выработать меры и найти средства. Сейчас они не встречают никакого противления, и этот важный вопрос должен быть поднят Синодом, тем более что при даровании свободы печати Святейший Синод был обойден обидно при графе Витте, и Синоду не дали высказаться даже по вопросу о богословской литературе и духовной цензуре. Вследствие этого ныне открыто печать проповедует безбожие...

Безусловно, необходимо духовенству поспешить на борьбу с новым бедствием, стихийно распространяющимся в городах и селах, это – тайной продажей вина. За последние два года села и деревни стали неузнаваемы. Повальное пьянство, которому способствуют враги русской национальности, должно озабочивать не только администрацию, и еще более пастырей – блюстителей за народною нравственностью. [1 сл. нрзб.], что внешняя сила не в состоянии бороться с безнравственностью, когда тайная продажа вина сделалась общим занятием и промыслом. Такое народное бедствие должно подвигнуть духовенство к самым решительным действиям и мероприятиям. Ежегодно увеличивается потребление вина на 20% сравнительно с предыдущим годом. Народ пропивает тело и душу. Мы подставляем будущие поколения вырождаться – [1 сл. нрзб.] для всякой революции и анархии...

Необходимыми мерами, а если нужно, то и церковным судом, следует прекратить «обновленческое» движение в духовенстве, чтобы предупредить готовящийся раскол и борьбу, которые в будущем могут потребовать много и жертв, и жизней...

Со всею непоколебимою строгостью необходимо очищать Церковь от недостойных деятелей и соблазнительей... Безнаказанность таких преступлений губительна для Церкви и соблазнительна для верных чад ее...

Святейший Синод в усиленном составе, как это показано выше, например, восполненным 12-ю иерархами, явится особо авторитетною силою для народа в переживаемое время. Он и должен выработать руководящие начала и те мероприятия, которые могут воздействовать на настроение в Церкви и в народе. Они ожидаются всеми с нетерпением...

Должно составить особую молитву, которая бы возглашалась за богослужением и призывала всех к покаянию, вразумлению, повиновению царю и властям, к преданности Святой Церкви, к христианскому воспитанию детей и к христианской любви как к основе религии и жизни...

Упадок нравственности в народе требует со стороны Святейшего Синода энергичного воздействия на совесть народную. Второй год крестьяне по наущению врагов государства жгут хлеб у помещиков и друг у друга. Кому, как не Святейшему Синоду, следует выступить с вразумительным и обличительным посланием к народу, объяснив, что уничтожать насущный хлеб – этот величайший дар Божий, основу благосостояния государства, главную потребность человечества, после усиленных молитв самих крестьян об урожае, – страшный, непростительный грех.

В виду 40 тысяч убитых революцией, указав на грабежи, нападения, насилия, чудовищные бунты и мятежи и бесконечные пожары, Святейший Синод должен осудить безумие врагов государства, высказать народу свое поучение, призвать его к вразумлению.

В селах и деревнях, по примеру городов, совращенные крестьяне начали разводиться с женами, бросать своих детей. Может ли Святейший Синод не обратить свое внимание на это развращение и бедствие? Необходимо пересмотреть вопрос о разводе, но не с целью его облегчения и разрушения семьи, а для укрепления семьи.

Святейший Синод в усиленном составе даст твердое руководство для направления вопросов общего церковного и государственного значения, а иначе будет нарушаться единство в Церкви и исчезнет единообразие исполнения и проведения в жизнь тех или других мероприятий во всех епархиях...»

¹¹ Протоиерей Иоанн Кронштадтский, к неудовольствию митрополита Санкт-Петербургского Антония, был назначен присутствовать на заседаниях Святейшего Синода по прошению к Государю епископов Серафима и Гермогена. В составленной специально по этому случаю по просьбе митрополита Антония справке доказывалась невозможность дальнейших вызовов протоиерея Иоанна Кронштадтского на заседания Синода и, в частности, писалось, «что сам отец Иоанн ни разу не был в заседании Синода, и люди, хорошо его знающие, объясняют это тем, что он, как пресвитер, не считает возможным присутствовать в собрании, где должны быть полноправными членами только епископы».

¹² «Я совершенно равнодушно прошел бы мимо этого, зная по собственному опыту, – писал Алексей Петрович Рогович, – что в наше распущенное время легко и безнаказанно пристегивают ко всякому имени самую наглую клевету. Да и опровергать подобные выходки нельзя: можно опровергать обвинения в определенных деяниях, но нельзя опровергать огульных обвинений... Мне было крайне больно, если бы эта гадкая заметка, попавшись Вам на глаза, отразилась бы в Вашей душе оттенком горечи или недоверия.

Не смею ничем хвалиться, но думаю, что с Вашим знанием жизни и людей, Вы, многоуважаемый Владыко, не причислите меня к тем, кто ходит кривыми путями. Я всегда старался и стараюсь, в чем Господь Бог мне да поможет, прямо и просто приближаться к правде, памятуя, что уклонившись от этого пути и допустив хоть раз, что “цель оправдывает средства”, можно по пути зла дойти до гибели души.

Поэтому, совершенно презирая мнения легкомысленных и лживых октябристов “Голоса Москвы”, я желал бы быть правым в путях своих в глазах Ваших».

¹³ Пешное действо – обряд представления в лицах чудесного спасения трех отроков в вавилонской печи, который состоял в том, что трое малолетних певчих с диаконом всходили на особое возвышение, огражденное решеткой, и пели песнь трех отроков; этот обряд совершался в русских соборах до Петра I в Неделю праотец.

¹⁴ «И в наши дни Божиим попущением явился новый лжеучитель – граф Лев Толстой, – писалось в постановлении Синода. – Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего, дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно пред всеми отрекся от вскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепка была Русь Святая» // Цит. по: Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М., 2003. С. 113.

¹⁵ «Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? – писал отец Иоанн. – А я вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной и всему христианству. И как денница и сатана отторгнул своим хвостом третью часть звезд небесных, т.е. ангелов, сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, “своим рыканием и хвостом” (Откр. 12, 4) отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия. Его безбожные печатные сочинения свидетельствуют о том.

“Разве собирают с терновника виноград и с терния смоквы? По плодам их познаете их”, – говорит Господь (Лк. 6, 44). Терновник России и всего христианского мира есть русский граф Толстой, бывший романист, а потом самозванец-богослов, нимало не смыслящий в богословии, нарядившийся в одежду мужика, чтобы вдоволь насмеяться над верою его и России и удобнее привлечь русского или иностранца недалёковидного на свою сторону, к образу своих мыслей и удобнее излить свой еретический яд в души их.

“Есть ли такой отец, – говорит Господь в пример, – который, когда сын его попросит рыбы, подал бы ему скорпию?” (Мф. 7, 9). Толстой именно это и делает. Он подносит змею вместо рыбы и своему семейству, и всей России, и христианам всех стран и языков. Он хочет вырвать у всех веру в Спасителя, веру в Троицу, в Церковь и во все спасительные истины, в которые веровать нас научила Святая Церковь и без которых невозможно жить ни одному здравомыслящему человеку» // Цит. по: Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М., 2003. С. 116-117.

Подобного рода обличения лжеучения Толстого вызвали против отца Иоанна потоки лжи и клеветы в левой печати. «...Ему не хотят простить того, – писал протоиерей Иоанн Восторгов, – что он бичевал Льва Толстого в пору, когда граф, убаюкивая власть словами мира и непротivления злу, подготовлял русскую кровавую революцию и воспитывал своими писаниями будущих убийц и бомбометателей; ему не хотят простить того, что он открыто высказался против последнего “освободительного движения”, стал за православие, попираемое врагами, за царскую и за всякую другую власть, уже приговоренную к упразднению...» // Прот. И.И. Восторгов. Полное собрание сочинений. Том 3. СПб., 1995. С. 878.

¹⁶ Архиепископ Арсений (Стадницкий) писал об этих событиях в своем дневнике: «К числу “мировых” событий в известном смысле нужно отнести и празднование 80-летия Толстого 28 августа. Левая печать еще задолго трубила об этом дне, стараясь сделать его мировым праздником, в пику т.е. Церкви, отлучившей его. Празднование, можно сказать, – не удалось, как ни старались раздуть его. Св. Синод в своем послании, очень сдержанно и корректно составленном, воздавая должное гению Толстого в области художественной литературы, указал на его еретичество, вследствие чего он отлучен от Церкви, и не благословил православным участвовать в этом юбилее. Боже! До чего это озлобило “освободителей”! Гром и молнии посыпались на Синод, на Церковь, на духовенство!.. В Саратовской Думе произошел инцидент с депутатом духовенства прот. И. Кречетовичем (моим учеником по Московской академии), который постановление Думы о поздравлении Толстого назвал позорным актом. Думцы, вероятно во имя проповедуемой ими (конечно только для них) свободе слова, решили исключить его из членов Думы и обратились к Преосв. Гермогену, который не согласился с этим и в ответ на их письменное заявление ответил со властью и, что называется, отхлестал их. Думцы пожаловались обер-прокурору. Еще неизвестно, чем кончится этот инцидент. Но правда, по-моему, на стороне Преосвященного. И не таков Гермоген, чтобы и в этом деле не дойти до конца».

¹⁷ «С пастырскою ревностью и о Христе любовью призываю Вас к содействию мне в нынешнее смутное время в руководстве наших пасомых следующим образом: 1) ввиду нравственно беззаконного стремления некоторой части общества праздновать юбилей анафемствованного Церковью Льва Толстого, разъяснить своим прихожанам всю безрассудность этой затеи,

поскольку Лев Толстой является величайшим еретиком и лжеучителем нашего времени, отвергающим Божество Иисуса Христа и спасительность Церковных Таинств, достойным не уважения к нему, а проклятия, ибо, как сказал Апостол, кто не исповедует Иисуса Христа Богом в плоти пришедшим, да будет проклят – маранафа [Ин. 4, 2; 1 Кор. 16, 22]; 2) для всенародного покаяния в эти мятежные дни в ближайший воскресный день или в день Воздвижения Креста Господня совершить в 7 часов вечера всенощное бдение среди села с произнесением поучения против учения Льва Толстого, против сектантства, против крайней распущенности нравов, против “молодой деревни”, буйственной, непослушной старшим, родителям, властям и т.п. Можно читать хорошие готовые поучения; о совершении этого богослужения донести мне. 3) Как можно лучше поставить богослужение, пение, ввести общее пение с народом, обильно раздавать “Братские листки”, “Троицкие листки” и т.п. Вести религиозно-нравственные беседы с народом в церковно-приходских школах; собирать детей, юношей сельских и назидать их, раздавать им листки религиозно-нравственного содержания. Где чувствуется потребность, приглашать миссионеров для беседы. В Рождественский пост призвать народ к говению, как в Великий пост. 4) Предлагаю Вам содействовать во вверенном Вам приходе учреждению Православного Всероссийского Братского Союза русского народа и Православного общества ревнителей веры и нравственности, причем прошу Вас вести религиозно-нравственные и религиозно-патриотические беседы и собирать – непременно под своим председательством и руководством – собрания сих членов для религиозно-нравственной беседы; если местная полиция будет препятствовать в чем-либо, по недоразумению, прошу доносить мне.

Гермоген, епископ Саратовский»

¹⁸ Труфанов Сергей Михайлович (бывший иеромонах Илиодор) – родился в семье сельского псаломщика на хуторе Большой станицы Мариинской 1-го Донского округа области Войска Донского в 1880 году. После окончания семинарии Сергей поступил в 1901 году в Санкт-Петербургскую Духовную академию, где в 1903 году был пострижен в монашество с именем Илиодор и рукоположен во иеромонаха. После окончания в 1905 году академии он был направлен преподавателем гомиетики в Ярославскую Духовную семинарию; в 1906 году – переведен в Почаевскую Лавру, где редактировал издаваемые обителью “Почаевские листки”. К 1908 году относится его знакомство с Распутиным. В 1908 году иеромонах Илиодор был переведен в Саратовскую епархию. Епископ Гермоген назначил его заведовать подворьем Царицынского мужского Свято-Духовского монастыря, и через два года он отстроил монастырь. В Царицыне иеромонах Илиодор активно развернул общественную деятельность, и за ним был установлен негласный надзор полиции. После конфликта иеромонаха Илиодора с Распутиным в 1912 году он был сослан во Флорищеву пустынь, где снял с себя сан и объявил о своем разрыве с Русской Православной Церковью. Уехав в родное село, он создал секту, которую назвал “Новая Галилея”. В 1914 году он перебрался в Западную Европу, а затем в Америку. Из Америки он вернулся в 1918 году и жил в Царицыне до 1922 года. В 1921 году он обратился к Ленину с письмом, в котором предложил себя в патриархи «Живой Христовой церкви», чтобы «вести русскую массу к политической коммуны... через религиозную общину».

В 1922 году Труфанов вернулся в Америку; скончался в Америке в 1950-х годах. Он был человеком, попытавшимся выступить на общественно-религиозном поприще, будучи совершенно не очищенным от страстей и даже, по-видимому, плохо разбиравшимся в своем внутреннем мире, и потому очень быстро он оказался опутан дьявольскими тенетами, объявив в конце концов себя источником нового вероучения и тем обнаружив свои тайные помышления, иными словами говоря, существо падшего человека, совершенно забыв, что всякая внешняя деятельность должна сопровождаться беспощадной внутренней борьбой со страстями и помыслами, с врагом нашего спасения дьяволом, ибо «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Находясь в Западной Европе, он опубликовал воззвание к русским людям, которое стало известно епископу Гермогену, и он дал на него свой ответ в брошюре под названием «От “света истинного” во тьму “кромешную”». «Только что прочитал содержание “привета”, – писал владыка, – вернее, истеричного лая Сергия Труфанова на ревностных защитников Родины – русских православных патриотов. Прочитал – и не в силах поверить своим очам...

Да! Он был когда-то светлым ангелом, вестником Евангелия, был, как сам прокричал в своем лае, “пророком Бога Вышнего”, вестником и внушителем вечной истины и правды Божией, – и вот теперь духом ниспал в глубочайшую пропасть, в самую преисподнюю нашей падшей земной природы человеческой, к одним лишь падшим и тленными стихиями своей души и своего

падшего и тленного разума, – он стал проповедником именно этого падшего, темного и слепого разума, отпавшего от Бога и Евангелия...

Вместе с тем в лае том вы услышите ясно, что он стал и вестником новой, дикой, безумной кровавой смуты, стал поистине уже как бы демоном во плоти, внушителем безумной злобы и бешеного кровавого мщения...

Какое гибельное падение и ужасное превращение! Какая страшная измена духа! Это, хотя и во временном еще бытии, но есть уже явное ниспадение от “света истинного” во тьму “кромешную”!.. Избави нас, Господи, от такого бесчеловечия!.. Плоды влияния этого глубоко павшего бывшего служителя Христовой истины на прежних его почитателей в г. Царицыне – прямо ужасны. Страшную картину этого гибельного влияния изображают со слезами великого духовного горя многие приезжающие к нам из Царицына; то же самое изображается и в письмах, получаемых оттуда же.

Слышится всегда один и тот же вопль духовно измученных, истерзанных душ: “все мы погибаем, не знаем, как все это понять нам, как поступить, что делать: совсем мы пали духом!..”

Действительно, по полученным подробным сообщениям из Царицына, там происходит в настоящее время душу раздирающий ужас духовной и нравственной гибели многих и весьма многих православно веровавших людей!..

Так с чувствами глубочайшей скорби извещают нас, что от посещения ложной галилеи, точнее иудейской акелдамы Сергия Труфанова (см. Деян. 1, 17-20), и под влиянием его писем и воззваний, даже некоторые старики и старухи, бывшие прежде глубоко веровавшими и благочестивыми, отпали от истинной веры, перестали молиться и ходить в храм Божий и наконец умерли без покаяния и христианского погребения!.. Так страшно погибают бесценные души человеческие на поле брани духовной, где – о! величайшее горе! – бывший пастырь, ставши “учеником лукавым”, извратившим святое Евангелие, совершил и страшную измену Вечному Небесному Пастыреначальнику Господу Иисусу Христу, отрекшись от Него, предавшись врагу Христа – Велиару, его последователю Льву Толстому и темному иудейско-языческому учению Толстого; притом он не стыдится коварно и лживо обманывать бедных людей, лукаво уверяя их, будто он сам нашел какую-то “истину” и следует какой-то “правде разума”, падшего конечно...

Великая скорбь и ужас объемлют всю душу при мысли как о страшной гибели бывшего иеромонаха Илиодора, так и о том, сколько уже погибло и сколько погибает в настоящее время православно верующих людей в Царицыне от лукавой и безбожной толстовско-иудейской труфановщины!..

Но не в одном Царицыне, а и повсюду у нас, даже в иноческих обителях, происходит крайний упадок религиозной и духовно-нравственной жизни, несмотря на нынешнее грозное и премудрое вразумление Божие в потрясающих всю вселенную ужасах и бедствиях всемирной войны. Доколе же мы будем глухи ко всему? Мировые грозы и молнии, страшные повсюду разрушения как бы от сильнейших землетрясений, ужасы, вопли и стон отдельных городов и целых стран и народов – все эти потрясающие весь мир события и явления как бы вовсе не трогают нас. Если мы послушаем голоса Божия, сообщенного нам языком потрясающих всю вселенную огненных ужасов и нестерпимых бедствий великой всемирной войны, тогда умолкнут средь расходящейся и исчезающей мглы, как бы от хищных птиц ночных, пронзительные крики чревоушителей падшего разума и языческих растленных нравов, дерзающих, подобно Труфанову Сергию, кощунственно предначертывать в виде кровавых силуэтов грядущую бешеную смуту – вслед за нынешней войной – якобы в качестве “грозного Суда Божия” внутри самой России и “воцарения в ней Правды Разума”.

Страшен ночных кудесников, чревоушителей кошмарный сон, да милостив Бог!..

Прочь постыдные страхования, боязни и смущения, которые тешат и веселят наших внутренних врагов, и они, как ночные птицы и стоящие повсюду тьмы, выпучивая глаза на жилища и быт людской, на чувства и настроения людей, слыша шепот боязливый или речи тревожные, замечая основанную на ложных страхах уверенность в возможности внутренних кровавых ужасов после войны, – эти кровожадные ночные птицы еще более укрепляются в своих кровожадных инстинктах и преступной жажде смуты и разрушения.

¹⁹ «Иеромонах Илиодор перенес свою проповедническую деятельность из аудитории в храмы, – писал епископ Гермоген, – и стал проповедовать в приходских церквях города Царицына; полиция учредила за ним надзор – гласный и негласный, применяя к нему все формы полицейского сыска, обычно практикуемого полицией по отношению к политически неблагонадежным лицам. Так, за каждым богослужением иеромонаха Илиодора присутствует целый наряд полиции, состоящий не только из обыкновенных полицейских агентов, но и из

тайных сыщиков; все сказанное... поучения, беседы, даже отдельные выражения записываются, и притом в искаженном виде, совершенно безграмотными лицами; по поводу каждой произнесенной... проповеди полицией составляются протоколы, к подписыванию коих привлекаются ею богомольцы и слушатели... словом, иеромонаху Илиодору усваивается репутация весьма вредного и опасного для общественной тишины и спокойствия человека, каждый шаг которого подлежит самому строгому наблюдению. Если, например, иеромонах Илиодор отлучается из своего подворья для служения на домах молебнов, полицией приводятся в известность и записываются те дома, кои посетил иеромонах Илиодор. Все это делается полицией будто бы в интересах охраны общественной тишины и спокойствия с целью своевременно предотвратить готовые чуть не ежедневно вспыхнуть в городе Царицыне беспорядки... В действительности же эти постоянные ожидания полицией беспорядков со стороны богомольцев и слушателей... эти зловещие слухи, провокаторски распускаемые кем-то о готовящихся в городе Царицыне еврейских погромах, грозные депеши в Саратов и Петербург об имеющих возникнуть в Царицыне крупных беспорядках – не только не содействовали и не содействуют успокоению умов в городе Царицыне, а, наоборот, создавали и создают в этом городе тревожное настроение...

В то время как одна часть населения, так называемая интеллигенция, вслед за полицией лицемерно или искренно также начинала ожидать и трепетать погромов и беспорядков и трубить о них в своих газетах, взывая о помощи к властям, простой народ, узнавая от полиции и из газет о готовящихся будто бы в городе Царицыне беспорядках, естественно раздражался от приписываемой ему роли погромщика евреев и устроителя всяческих беспорядков...

Несомненно, однако, это создание раздражающих условий жизни... было не случайным явлением, а ловким, строго обдуманном тактическим приемом полиции. Таким косвенным путем воздействия... царицынская полиция, не хотевшая или не могшая прямо удалить его из города Царицына, надеялась и надеется достигнуть того, что отец Илиодор сам вынужден будет покинуть город Царицын...»

Пресса продолжала публиковать об иеромонахе Илиодоре статьи, полные преувеличений и клеветы. В результате он сам совершенно потерял всякое равновесие и за вечерним богослужением, 10 августа, стал в проповеди говорить о гонениях, которым он подвергается, и о той клевете, которая печатается в газетах. Вынув номер газеты «Царицынская жизнь» от 8 августа, он зачитал статью под названием «Тайны о. Илиодора», в которой его, по существу, обвиняли в развратной жизни, и затем, обратившись к иконе Спасителя, сказал: «Порази меня Господь, если я виноват». И он поклялся, что с ранних лет невиновен в этом. На столе у храма были положены листы для подписей в защиту иеромонаха. Когда прихожане стали подписываться, прибыл полицмейстер Царицына Бочаров и сразу стал грубо кричать: «Расходитесь! Всякие сборища законом запрещаются! Что за сборище?» Люди стали отвечать, что собрались молиться Богу. Полицмейстер закричал: «Что за богомолье! Какой тут ночью Бог?! Какое богомолье в ночное время и при чем Бог при шуме?! Никакого я вашего Бога не признаю! Мокрохвостки! Болваны! Вас сюда Илиодор-мошенник собрал, ложь он вам проповедует». И далее разразился непристойными ругательствами. Народ вызвал иеромонаха Илиодора, тот попросил депутатов выйти для разговора с полицмейстером. Выступил первый из депутатов и стал говорить о лжи в газетной статье.

– Отойди отсюда, дурак! – закричал на него полицмейстер.

Вышел другой и стал просить запретить писать клевету про отца Илиодора.

– При чем здесь религия и Бог? Здесь трогают не веру, а господина Илиодора, – теперь свобода печати и запретить печать нельзя! – сказал полицмейстер и обозвал всех собравшихся дурачком.

На это иеромонах Илиодор возразил:

– Вы не имеете права называть меня господином Илиодором – я не господин, а иеромонах, не смеете моих верующих называть дураками.

Полицмейстер тогда пригрозил, что если сейчас народ не разойдется, то он велит пороть всех нагайками. Народ, однако, не расходился, и полицмейстер скомандовал казакам:

– Шагом марш на народ!

Казаки двинулись на народ, давили людей лошадьми и хлестали нагайками, и люди в ужасе стали разбегаться. Когда толпа рассеялась, иеромонах Илиодор сказал полицмейстеру:

– Вы не имеете права бить православных людей!

– Ты, смиренный монах, я тебя арестую, – я хозяин всего города!

– Я знаю, где следует мне быть смиренным, а где и не быть, и с кем и как поступать. Прошу на моем подворье не хозяйничать. Здесь я хозяин! – ответил иеромонах Илиодор.

– Ого-го-го! – захохотал полицмейстер.

Затем полицмейстер и казаки принялись обыскивать помещения на подворье и даже близлежащие дома, куда от казаков укрылись люди, вытаскивая их и оттуда.

Местные левые газеты изобразили все события в преувеличенном и искаженном виде, и 13 августа началось формальное следствие со стороны светских и церковных властей; в результате на полицмейстера Бочарова было наложено административное взыскание, а губернатор Саратова граф Татищев потребовал от епископа Гермогена удалить иеромонаха Илиодора из Царицына, что только возмутило владыку. Посыпались жалобы в Санкт-Петербург, причем иеромонаха Илиодора обвинили еще и в захвате под строения монастыря небольшого участка городской земли, хотя земля эта была выделена для церкви еще до приезда его в Царицын, но Городская Дума проголосовала, что пока иеромонах Илиодор в Царицыне, земли не давать.

²⁰ «Его Сиятельству, господину исполняющему должность Саратовского губернатора, графу С.С. Татищеву

Ваше Сиятельство, Милостивый Государь

С давних уже пор саратовские так называемые прогрессивные газеты ведут ожесточенную кампанию против Саратовского епархиального архиерея, видимая цель которой – дискредитирование его в глазах вверенной ему паствы, а сокровенная – опорочение Святой Православной Церкви нашей. Из дня в день, из номера в номер саратовские газеты: “Листок” и “Вестник” – помещают на своих страницах самые невероятные, самые неправдоподобные сообщения о действиях Саратовского епископа и из местной епархиальной жизни, сопровождая эти сообщения большею частью нелестными для епархиальной власти комментариями. Каждое происшествие в местной епархиальной жизни – даже самое незначительное – муссируется газетами и раздувается ими на степень события, в котором епархиальному архиерею отводится всегда некрасивая роль; каждое сообщение из саратовской епархиальной хроники в столичной или провинциальной газете усердно перепечатывается саратовскими газетами, будь это сообщение заведомо лживое, даже клеветническое, но лишь бы оно удовлетворяло цели газет – лишний раз набросить неблагоприятную тень на действия Саратовского епископа. Так, например, в № 186 “Саратовского Вестника” от 27 августа сего года помещена перепечатанная из газеты “Новая Русь” заметка под заглавием “Юбилей графа Толстого и Синод”, в коей описывается происходившее будто бы 21 августа сего года заседание Святейшего Синода, посвященное вопросу об отношении Синода к чествованию юбилея графа Толстого, причем приводятся речи, будто бы сказанные на этом заседании мною и Преосвященным Серафимом, епископом Орловским. Газета не устыдилась перепечатать лживое сообщение “Новой Руси”, несмотря на то, что хорошо знала, что 21 августа я был в Саратове и что, следовательно, принимать участие в заседаниях Синода я не мог иметь физической возможности. Однако в сравнении с этою перепечаткою из “Новой Руси”, хотя и возмутительной по своему глумлению над епископом и вопросами церковными, однако еще не обещающей серьезных практических последствий, собственные измышления саратовских газет, касающиеся моей деятельности, – такого рода, что могут иметь весьма серьезные и вредные результаты.

В № 176 “Саратовского листка” от 15 августа 1908 года в отделе хроники напечатано сообщение о предположенных будто бы мною перемещениях священнослужителей по городу Саратову: настоятеля Казанской церкви протоиерея Инсарского на таковое же место в Спасо-Преображенскую церковь, священника кафедрального собора Ледовского в Казанскую церковь на место протоиерея Инсарского и священника Спасо-Преображенской церкви Рождественского в кафедральный собор на место священника Ледовского, причем в названном сообщении добавляется, что резолюции по этим назначениям еще не объявлены. Если принять во внимание, что не только не было никаких резолюций о перемещениях поименованных в заметке “Саратовского листка” священников, но не возникало даже никаких предположений по сему поводу, то возмутительность этого лживого сообщения “Саратовского листка” станет очевидной. В самом деле, какую другую цель могла иметь напечатанная в “Саратовском листке” ложь о перемещениях некоторых священников по городу Саратову кроме той, чтобы вызвать в этих священниках тревожное настроение и неуверенность в завтрашнем дне и поселить в них чувства отчужденности и недружелюбного отношения к своему епископу, столь губительно влияющие на успех пастырской деятельности.

К подобному же роду лживых газетных сообщений, в которых нельзя усмотреть никакой иной цели кроме желания вызвать отрицательное отношение к епископу со стороны населения, нужно отнести помещенную в № 178 “Саратовского листка” от 19 августа сего года заметку о том, что член Православного братского союза, швейцар (слово “швейцар” подчеркнуто) в отделении

государственного банка, поступает в духовное звание с саном диакона. Газета знает, что печатаемое ею сообщение – ложь, газета сознательно лжет, но цель ее достигнута: в публику пущен слух будто бы архиерей рукополагает в диаконы неподготовленных к сему званию лиц, даже швейцаров.

Особенно усиливаются лживые сообщения саратовских газет во время каких-нибудь важных моментов в жизни епархии, например перед епархиальными съездами. В это время обе саратовские газеты – и “Листок”, и “Вестник” наперерыв друг перед другом стараются, путем подбора ложных сведений о действиях епархиального архиерея и недобросовестного комментирования этих действий, заранее, так сказать, подготовить духовенство к съезду и создать в духовенстве оппозиционное и даже прямо враждебное епархиальному архиерею настроение. В текущем году, например, едва только было сделано распоряжение о созыве на 4 октября сего года епархиального съезда, как “Саратовский листок” уже спешит набросить тень на это распоряжение. По словам помещенной в № 194 этой газеты от 7 сего сентября заметки, подробной программы вопросов и занятий предстоящего съезда духовенству не рассылается, вследствие чего духовенство лишено возможности предварительно обсудить эти вопросы на местах и должным образом избрать кандидатов на съезд. Главный же недостаток сделанного епархиальной властью распоряжения о созыве съезда газета усматривает, по-видимому, в том, что на съезд могут прибыть лишь те лица, которые будут утверждены в своем избрании епархиальной властью...

Произнесенная мною пред собранием царицынского духовенства в последнюю мою поездку в г. Царицын речь, извращенная царицынскими газетами, не только была услужливо перепечатана Саратовскими газетами (“Саратовский листок” от 10 сентября 1908 года за № 196), но и подвергнута была на страницах этих газет весьма неприличному вышучиванию. Пользуясь извращенной в царицынских газетах передачей моей речи, в которой будто бы я назвал царицынских священников “псами нелающими”, фельетонист “Саратовского листка” господин Свой в № 197 этой газеты печатает сочиненное им письмо от имени о. Павла Велегласова к некоему о. Андрею, в коем первый жалуется последнему на свое тяжелое житье, ибо прежде, говорит он, их, священников, будто бы ругали “нахалами” и “нечистоплотными”, а теперь ругают уже прямо “псами нелающими”. Между тем, хотя выражение “псы нелающие” и было употреблено мною в речи к царицынскому духовенству, однако в связи речи оно имело другой смысл и совершенно не заключало в себе того оскорбительного для духовенства характера, какой был придан этому выражению газетами. Укоряя царицынских священников за то, что они, вопреки моему распоряжению, не вели миссионерско-пастырских бесед со своими прихожанами, и подвергая критике высказанное где-то группою либеральничающих священников опасение, что в настоящее тревожное время невозможно священникам вести миссионерские беседы со своими прихожанами, ибо можно уподобиться псам, лающим напрасно, я со своей стороны выразил опасение, как бы, в случае закрытия священниками своих уст для миссионерско-пастырских бесед с прихожанами, не уподобиться им, по слову пророка, псам нелающим. Таким образом, очевидно, что царицынские священники псами нелающими мною названы не были.

В тех случаях, когда в местной епархиальной жизни возникают явления, идущие в разрез с желанием газет чернить епархиального архиерея, явления эти или замалчиваются газетами или передаются ими в крайне извращенном виде. Печатаемая, например, отчет о происходившем 2-го сего сентября в благотворительном собрании духовенства приходских церквей города Саратова, на котором было выражено пожелание, чтобы Городская Дума изменила свое отношение к духовенству и на будущее время при обсуждении вопросов чисто религиозного характера поступала как Дума православного города и как Дума православная, “Саратовский листок” в № 192 от 5 сего сентября, с целью умалить значение изложенного постановления саратовского духовенства, сообщает, между прочим, такого рода сведения о собрании духовенства 2 сентября: сделанное на этом собрании протоиереем Кречетовичем заявление о необходимости поддержать его в борьбе с Городской Думой вызвало будто бы некоторое смущение со стороны священников, нашлись будто бы такие священники, которые заявили, что не считают протоиерея Кречетовича своим представителем; в конце собрания духовенство, будто бы лишь под влиянием желания выйти из затруднительного положения, с видимым облегчением приняло предложенное священником Тверецким, составленное в общих фразах вышеизложенное пожелание.

Нет, однако, никакой возможности перечислить все многочисленные выступления газет против Саратовского архиерея. В конце концов это постоянное выслеживание и подкарауливание каждого моего шага, это желание в каждом моем действии или распоряжении отыскать дурную сторону, это стремление во что бы то ни стало очернить меня в глазах населения – словом, эта

паутина лжи и злобы, которую усердно изо дня в день ткут газеты и в которую, без сомнения, уловляют они своих более легковверных читателей – сами по себе крайне обидные и оскорбительные для епископа Православной Церкви, – роняют мой авторитет в епархии и унижают меня в глазах населения.

Ввиду вышеизложенного и принимая во внимание, что вышеизложенное отношение ко мне саратовской так называемой освободительной печати крайне вредно отражается на моей пастырской деятельности и возбуждает в населении чувства вражды и злобы ко мне, – позволяю себе обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбой, не найдете ли Вы со своей стороны возможным оградить меня на будущее время от травли, систематически ведущейся против меня саратовскими газетами, а за указанные мною заведомые извращения газетами городов Саратова и Цырицына фактов моей деятельности по епархиальному управлению наложить на означенные газеты по Вашему усмотрению соответственные взыскания, при чем имею честь присовокупить, что и на будущее время, в случае продолжения газетами прежних нападков на меня, я буду беспокоить Ваше Сиятельство сообщениями о каждом отдельном случае выступления против меня газет.

Призывая на Вас и дела Ваши Божие благословение, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть
Вашего Сиятельства, Милостивого Государя,
покорнейший слуга и богомолец Гермоген, епископ Саратовский».

²¹ «Петергоф. Его Императорскому Величеству

Великий Государь!

Открывшийся вчера в Саратове съезд депутатов духовенства Саратовской епархии ныне, в радостный день тезоименитства возлюбленного сына твоего, надежды России, вознес горячую молитву свою Царю Царей о твоем здравии, Государь, и всего твоего Августейшего Дома. Съезд духовенства всеподданнейше шлет тебе, Государь, свой сердечный сыновний привет с днем тезоименитства Наследника престола твоего. В нем и чрез него да сотворит тебя Господь истинного отца России, о чадах своих веселящегося. Святитель Алексей, великий собиратель земли Русской и устроитель ее внутренней жизни и силы, да послужит и ныне небесным своим покровом укреплению нашей дорогой Родины!

Духовенство Саратовской епархии живет и действует в пределах той части твоей страны, которая особенно чтит святителя Алексея, как своего покровителя. Поволжье чтит этого великого угодника Божия, который некогда являлся сюда к бывшим владыкам Руси – монголам Золотой Орды, дабы по молитвам своим святым и им явить величие православной веры и силу молитв Святой нашей Церкви. Ярко горел свет этой веры в сердце великого святителя. И не устояла перед этим светом слепота матери монгольского хана. Свет победил тьму. Так, служа этим светом религиозно-церковному созиданию русского народного духа, святитель Алексей светом веры привлек к себе и к Православной Церкви и сердца иноверных владетелей Руси. По ходатайству этого святого ханом Золотой Орды был дан, как знак почтительной заботы о вере народа русского, ярлык в обеспечение великих преимуществ нашей Церкви, в обеспечение свободы ее внутреннего Христова делания для вечного спасения душ человеческих...

Когда от этого дивного образа святителя Божия и его времени мы переходим к нашему времени, то скорбь невольно объемлет наши души и сердца. Скорбит сердце пастырей духовных, видя кругом свободу для всего, даже для зла, но не видя свободы, а одни лишь стеснения и ограничения для своего вечного и ответственного служения слову Божию. Современные враги света Христова все силы свои и всю полноту власти своей употребляют на то, чтобы стеснить церковное дело, чтобы ограничить свободу пастырей в религиозно-церковном созидании русского народного духа. Бесстыдно лгут перед народом и перед тобою, Царь наш Батюшка, те, которые говорят об успокоении, устраивая лишь внешнее успокоение и нисколько не думая о внутреннем духовном успокоении народа...

Так есть закон твой, данный для стеснения злодеев – врагов Церкви и Родины, к обузданию их деяний в распространении революционной смуты среди людей – и этот закон царский неумелые слуги твои, Царь, обращают против Церкви. Законом твоим пользуются для стеснения пастырской нашей деятельности, для ограничения тех бесед и наставлений, кои направляются к поддержанию в народе веры и к укреплению в нем преданности престолу Самодержавного Царя. Затем, дан закон свободы вероисповеданий, но когда Церковь Православная в лице своих архипастырей и пастырей возвышает голос против той или иной ереси, разрушающей церковную жизнь, или против темного иноверия, то во имя призрачного и людного внешнего успокоения Церковь ограничивают и здесь в естественном и необходимом праве ее. Духовенство желает

работать, и работать именно в духе и силе непоколебимых столпов веры – празднуемых ныне Церковью святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа. И вдруг та власть, которая должна бы помогать и содействовать этой работе, лишь противодействует ей... Мы не ищем и не настаиваем безусловно на этой помощи, ибо Бог – наша помощь, но мы не можем не возмущаться противодействием нашей работе со стороны русских православных властей. Создавая для Церкви ей чуждые законы, якобы диктуемые требованиями народного успокоения, эти власти уподобляются поистине тем монголам, которые предъявляли нередко к русским православным людям требование исполнения языческих обычаев. И это требование современных монголов идет все дальше и дальше. Брачное право хотят ныне определять не канонами Церкви, а требованиями плотских инстинктов испорченной греховной (языческой) природы человека. Идут далее. Вместо составления церковных законов властью церковной, по канонам Православной Церкви и слову Божию, вероисповедные законы призываются обсуждать те, которым поручено народом лишь помогать Царю в выработке законов, касающихся лишь мирской, а вовсе не духовной жизни русских людей... И все это увя! творится в нашем православном царстве. Громко и искренно, по долгу своего пастырского служения и по долгу присяги, депутаты духовенства Саратовской епархии дерзают открыть твоей, Самодержавный Царь, любви святую правду о положении Святой Церкви в нашем Отечестве. Депутаты духовенства твердо веруют, что сердце твое, Царь, в руке Божией, и уповают, что святая истина почитается у твоего царского престола. К тебе, Царь, обращается с нею духовенство Саратовской епархии, ибо Святая Церковь в своем чине православия справедливо именует тебя “христианского благочестия ревнителем, защитником и покровителем Христовой Церкви”.

Будь же им, Царь наш, в твоём высоком и священном служении Богу и Родине! Крепко иди тем историческим путем, какой завещали нам предки твои, а им указали непоколебимые столпы веры и Церкви – празднуемые ныне святители Московские. Яви, Государь, Самодержавную волю свою, да не попирается на Руси врагами Церкви свобода слова Божия, свобода доброй пастырской деятельности служителей Церкви. Верую святою строилась Русь и сама стала святою. Но ныне мрак врага во имя мнимого внешнего порядка силится заключить в узы самое слово Божие, обложить своею тьмою сердца верующих. Спаси нас, Царь, от этой властно надвигающейся тьмы, ибо в ней гибель России, в ней коренное зло нашей текущей действительности. Пример святителя Алексия да послужит тебе для этого святого дела основанием, а его небесная помощь да укрепит самое святое дело. И да воссияет свет святой веры в сердцах русских людей вновь, как воссиял некогда по молитвам святого Алексия свет для слепой Тайдулы!

Великий святитель Божий Алексей своим примером да вразумляет и воспитывает в послушании святой вере и сына твоего, великий Государь, дабы и он в будущем своем служении Православной Церкви и России также всегда являл себя “христианского благочестия ревнителем, защитником и покровителем Христовой Церкви!”...»

²² «Отрадно было бы при виде моих дорогих соратников – пастырей предложить вниманию всех всестороннюю разработку этой высокой темы... – сказал епископ Гермоген. – От простоты сердца постараемся обрисовать высоту пастырского дела. Пастырство нужно рассматривать как подвиг, подвиг высокий, возвышеннейший, святой, данный с высоты неба – и в то же время... тяжелый, страшно ответственный по своей внутренней чистоте. Чтобы быть истинным пастырем, нужно проникнуться пламенным духом призвания, восторженною любовью к Пастыреначальнику Христу. “Любиши ли Мя, Петре?” – обратился некогда Господь и Учитель к возвышеннейшему ученику Своему, и когда уже последний с искренним чувством беззаветной любви ответил Наставнику: “Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя,” – то услышал сладостный глас: “Паси агнцев Моих!” [Ин. 21, 15]. Этот высочайший зов Христов к апостолу Петру относится и к нам – пастырям Церкви Божией, эти слова Спасителя нашего и мы, пастыри, должны сохранять непрестанно в верующем сердце, также подражая в глубине души преданному ответу Петрову. Итак, избрание совершилось, служение вручено, благодатные силы даны – следовательно, пастырю Церкви только нужно гореть духом к Господу Иисусу Христу, проникнуться самоотвержением, всеми внутренними чувствами и силами отдаться этому единственному на грешной земле, высочайше-священному, небесному служению. Пастырю Церкви всегда ясно должны представляться заветы Христовы, и этим заветам, заповедям Его он должен подражать и следовать, чтобы самим собою явить пример и пасомым. Да, это великая трудность! И чтобы восходить к совершенству пастырского духа и горения, необходимо работать внутри себя, чаще проверяя свои внутренние начала, воспитывая в себе первооснову пастырского духа – священную любовь к Божественному Учителю и к своей пастве. Вот почему святитель Иоанн Златоуст и

говорит в слове о священстве: “если у пастыря отсутствуют возвышеннейшие начала и господствуют иные, земные, – то подобное священство незаконно”. Необходимо поэтому обращать самое усиленное внимание на добродетели души своей, освящать ее внутренние качества, и нравственные, и духовные.

Мы часто, имея это чудное пастырское служение, облагодатствованное наитием Святого и Животворящего Духа, не стараемся приблизиться к душам человеческим, далеко отстоим от простого, непосредственного общения со своими пасомыми. А сделать это легко, так как само пастырское дело позволяет священнику и посидеть в доме своего прихожанина, побеседовать мирно и благодушно за чашкою чая, с сердечным сочувствием расспросить его о нуждах духовно-нравственных, экономических и материальных, вместе с ним поболеть душою, дать тот или иной пастырский совет и пр. и пр. Если не удовлетворит пасомого простое пастырское слово, то можно и более – шире войти в его внутренний дух, дать ему возможность самому высказаться, внимательно выслушать его до конца и затем исчерпать все в области бессмертного духа человеческого и, если необходимо, то перейти и на чисто научную, философскую сторону, ибо психология души склонна почерпать и многое иное и, к сожалению, отвергать всякие небесные авторитеты. Вот в последнем-то случае пастырь и должен, как страж веры, выступить для спасения омраченной души своего пасомого, можно и необходимо пожертвовать временем и своим досугом или недосугом, оставив на время исполнение мало существенного, согласно заповеди Христовой: да оставит девяносто девять в горах и шед спасет заблудшую! [Ср. Лк. 15, 4; Мф. 18, 12]. Но истинный пастырь должен действовать в этом случае не какою-либо хитростью, иезуитством и т.п., а лишь правдою, истиною, самоотверженною любовью...

Пастырь да потщится просто, непосредственно открыть и повлиять на душу человеческую, и более всего духовными средствами, как сродными и близкими ему по врожденности. Человеческая – христианская душа – это поистине наша духовная лаборатория, и деятельность пастырской работы принимает на себя тот же характер, как в человеческой лечебнице: когда больной оказывает внимательному врачу безусловное доверие, тогда болезнь открывается сама собою, и уже нетрудно бывает поставить диагноз, определить ход болезни и дать ей испытанными средствами победить временную немощь организма. Горе больному, если врач будет только испытывать его болезнь, следуя влечению чисто научному, и применять одно за другим совершенно посторонние средства, несродные самому характеру болезни, – организм его быстро пойдет еще к большему упадку и... к смерти!.. Непрестанная любовь к Спасителю, внутренняя работа над собою, освящение, облагодатствование собственного ума делает пастыря самособранным в себе. Только из самособранности и можно почерпнуть чистые, святые мысли, священную ревность и приложить их благодатно на пользу пасомых. Ведь благодать Святого Духа не должна кого-либо поражать и удивлять в несвойственной степени, а освящать, умирать, давать благодатное успокоение мятущейся душе и неспокойному сердцу.

Поэтому между пастырем и пасомым необходимо должно быть искреннее взаимоотношение, взаимопонимание, со стороны пастырской даже до самоотречения от личного спокойствия и самопожертвования! Святитель Иоанн Златоуст, говоря о высоте и достоинствах пастырского служения, приравнивает его к царскому. Это возвышеннейшее и святейшее господство над пасомыми не наше чисто человеческое, а Божией благодати. Характер пастырского руководства и преобладания святитель Иоанн Златоуст только приравнивает к царскому – в виде подобия, но оно и выше царского, ибо пастыри имеют власть, какой Бог не дал ни ангелам, ни архангелам! Такое возвышеннейшее преимущество пастырского звания немолкаемо зовет пастыря работать над собою непрерывно, чтобы приблизить себя к Всеобразу – Всепастырю Иисусу Христу!

Поэтому пастырю необходимо отрешиться от мирского, тленного, воспитывая в себе мудрствование о возвышенном, небесном! Или, как говорят святые отцы, “отдать плоть, получить дух!”

Личные качества, удовольствия, желания, чувствования, побуждения и пр. и пр. должны быть претворены в нового человека – в духе духовного трудничества... Пастырю необходимо любящим сердцем отметить коренные запросы своих пасомых и всею душою откликнуться непосредственно и внимательно осветить все существенное, объяснить со всяким усердием непонятное. И не с амвона только, не в виде речей, мыслей, мимолетных убеждений, случайных разговоров – это имеет только характер оглашения, а не настоящей пастырской работы.

Истинный пастырь непосредственною любовью должен приблизиться к нравственной ране своего пасомого, не только поспешить на его зов сыновний, а и самому прийти к нему с пастырским советом, Христовым утешением. Общей какой-либо пастырской мерки в этом особом

бодрствовании над душою пасомого нет, не указывает ее и святитель Иоанн Златоуст. Но иначе и быть не может, как только пастырствовать непосредственно, просто, сердечно, чутко относиться ко всякой нужде пасомых. Или, как научает святитель Иоанн Златоуст, “скорбеть, болеть, сокрушаться о всем, назидая и себя сокрушением о своих пастырских немощах, непрестанно молиться – вот первая сила для пастыря, совершеннейшее начало среди других подвигов!” Крайне полезно и размышление о пороке и нравственном вреде от него вместе с пасомым: это как бы обоюдное назидание!..

И самим пасомым нужно заботиться о духовном самоусовершенствовании: читать... религиозно-нравственные книги (а не одни философско-пустые и малосодержательные), например Евангелие, творения святых отцов, знаменитых учителей и святителей Церкви Божией, усердно посещать храмы, с глубоким вниманием слушать беседы и поучения пастырские, к священникам относиться с доверием и уважением, усиленно бороться с противными течениями современной жизни, в особенности с порнографией – этой новейшей мерзостью неверующих проповедников свободы. Наши просветители, наизнанку, почти у самого кафедрального собора соорудили праздношатающийся театр с какими-то картинами сомнительного свойства и излюбленного вкуса и, конечно, усиленно стараются заманивать туда и наших верующих простецов. При первой же картине этого театра нужно бы бросить этот соблазн, но нет у бедного человека духовного опыта мужества, нет силы бороться против отвратительных способов порнографического искусства (нового излюбленного детища дьявола!), которое устремилось, как разрушающий поток вулканической лавы, воспитать порочного человека-зверя! Старцы, юноши и девицы, к стыду нашему, жалости и позору... забавляются этими отвратительными порнографическими картинками, а сколько раз я просил, убеждал, умолял не смущать малоопытных и юных, но последние спешат на это безобразное зрелище ужасных картин! Родители и воспитатели наших милых детей – сами ходят и последних водят на эти занятные развлечения! И, вероятно, по душевной слепоте не замечают, что семя пороков и страстей развивается и дает мерзостный и погибельный всход именно тут, когда картина демонстрирует воочию и выпукло пошлые и отвратительные сцены животной страсти. Родители, остановитесь сами и не водите туда детей! Умоляю вас архипастырскую любовью. Пастыри добрые! Прошу и вас: оберегите дорогих детей, войдите в опустошенные безнравственным влиянием дома православных семей и ревностною любовью скажите им слово против современных, безумных и растлевающих способов воспитания и влияния на детей! Юноши потому надсмехаются над всем священным и насмешливо относятся к духовным запросам и предметам, ибо в них, к сердечной печали нашей и горю родителей, укоренились страсти и открыли прямой путь к разнообразным порокам!»

²³ «Духовно страдное и неописуемо тяжелое время революционных годов 1905-го и 1906-го, нами пережитое, неизбежно вызывало пастырей Церкви, можно сказать, к чрезвычайному усилению своей деятельности, – писали они в докладе Святейшему Синоду. – Революционная зараза еще далеко не прекратилась: она стала принимать лишь то более осложненные, то более утонченные и неуловимые формы и движения. Как скрытый червь, подтачивает она – по видимому незаметно – все основы крепости и существования нашей Родины, и мы, священники, стоящие близко к народу, не можем не видеть всего этого и не можем поэтому не скорбеть и не возмущаться, когда заведомо ложно говорят об успокоении... Мы вполне понимаем настоящую цену этих речей и потому твердо и с глубоким убеждением заявляем, что и в настоящее время особенно усиленное напряжение и расширение нашего пастырского служения Церкви, царю и Родине не только не должно сокращаться, а наоборот, возрасти, чтобы могло оно явиться серьезным противодействием той демонически разрушительной работе, какую ведет теперь своим тонким и скрытым дыханием притаившаяся на время, но отнюдь не раздавленная гидра революции против нашей дорогой, родной и пламенно любимой православной Родины. И наше действие – посылка всеподданнейшей телеграммы с обличением этой работы – потому так и была принята революционною печатью, что прямо и ясно осветила положение дела. Недаром революционная печать закричала: “бунт” (“Соврем. слово”). Да, это бунт, но бунт против всеобщего бунта, т.е. против революции; в этой напряженной борьбе с тонкими демоническими течениями и движениями общего врага невольно приходится и обличать, и открыто восставать против тех условий, которыми некоторые представители светской власти, очевидно, по причине крайнего заблуждения, недоразумения, а в иных случаях, быть может, и злонамеренно думают стеснить нашу пастырскую работу, работу созидательную, а не разрушительную, работу, направленную к поддержанию и укреплению в народе благочестия и преданности престолу и Родине. Но, к великому прискорбию, очень часто в этой своей созидательной работе, усиленной

и осложненной требованиями нашего тревожного времени, пастыри Церкви встречают именно теперь в особенности массу самых разнообразных препятствий и, к величайшему огорчению, иногда встречают их с той стороны, откуда бы им следовало ожидать лишь поддержки своим добрым начинаниям. Вот священник в церковной школе устраивает религиозно-нравственные и религиозно-патриотические чтения для народа, и чтения эти закрываются представителями полицейской власти (!). Священник говорит проповеди в церкви, и этим проповедям заведомо придают иной смысл, злонамеренно перетолковывают их в другую сторону. Мы не говорим здесь, конечно, о тех двух-трех или пяти священнослужителях, которые сами действительно были увлечены духом “освободительного движения”, – о таковых не может быть никакой речи, ни одного слова в нашем глубоко благонамеренном православно-пастырском вопле к Богоизбранному и Богопомазанному Защитнику и Покровителю Христовой Церкви. Возьмем еще пример. За проповеди нередко священник получает угрозы и оскорбления от руки врагов царя и Родины; его имущество уничтожают пожаром и другими способами – и одновременно с этим ведут сильнейшую агитацию против платежа епархиальных налогов, против платы за требы. Не довольствуясь этим, на священника возводят обвинение в революционной деятельности. Это как будто какая-то неразбериха, но на самом деле все это очень понятно: хотят донять, добить православного священника не одними, так другими средствами без разбора, лишь бы только бить и непременно добить во что бы то ни стало. Дело обстоит часто так, например, что одни и те же руки, пишущие письма священнику с угрозами за пастырские проповеди и с требованиями “не мешать освободительному движению”, пишут и приговоры на священника и доносы на него, в которых священник обвиняется во всевозможных преступлениях до сочувствия и помощи “освободительному движению” включительно. Все средства пускают в ход, только бы выжить истинного пастыря Церкви из его места, причинив ему и нравственный и материальный урон. Одному Богу ведомо, сколько нравственных терзаний, мучений и унижений переживало и переживает духовенство Саратовской епархии... Как же после этого больно слышать духовенству – тому духовенству, члены которого всегда почти с опасностью для своей жизни выходили против толпы, своею грудью защищая представителей полицейской власти – урядников и стражников, – слышать, например, такое печальное сообщение. Вот “по указу консистории собирается благочинническое собрание 2-го округа Хвалынского уезда для выбора депутата на епархиальный съезд, собирается в церковной школе, – является урядник с другими деревенскими властями и грубо требует от председателя собрания отца благочинного объяснений, на каком основании и пр. им собрано духовенство благочиннического округа” и т.д. И это не единичный факт. Ими полна наша жизнь. По завету Христа духовенство молчит и терпит, чтобы не дать повода врагам Церкви сказать что-либо дурное о нем, – и без того много, очень много о духовенстве Саратовской епархии говорят и пишут. Но бывает мера терпению, есть предел, дальше которого терпение было бы преступно. Духовенство терпело и молчало, когда дело касалось лично его самого, но... не может оно молчать и терпеть, когда дело касается Матери Церкви, касается ее предстоятелей... Довольно было... только сказать, что “по приказанию господина саратовского полицмейстера запрещено было печатание в газете объявления о том, что 24 августа 1908 года в кафедральном соборе владыкой имеет быть сказано поучение о нравственно-незаконном желании некоторой части нашего общества праздновать юбилей графа Л.Н. Толстого”, как все члены съезда дружно, как один человек, точно предварительно сговорившись, сказали: “довольно! Довольно и этого одного факта, не нужно других: этого терпеть нельзя”... Как естественно было воскорбеть и возмутиться пастырям, слыша об угнетении полицией и самого архипастыря!.. Сами мы как-то сжились с тем, что всякий урядник и др. мелкие деревенские власти готовы творить нам пакости, но чтобы полиция осмелилась поднять руку на архипастыря, об этом мы еще не слыхали, и это больно, страшно больно поразило нас!.. И невольно тут вспомнили мы первые №№ “Церк. ведом.” за нынешний год, где Святейший Синод принужден был восстать, как святейший кормчий Церкви, и подвергнуть критике оказавшийся противным духу и канонам церковным вероисповедный законопроект, внесенный светской властью в Государственную Думу. Из этого для нас стало ясно, что кто-то от “инуде” стремится во двор Церкви и внутрь ее, хочет поставить себя на место Церкви и ее священной власти, безумно хочет свое слово явить миру вместо слова Божия и самую волю церковную направить по своей злой воле!!! После этого наши собственные местные унижения и оскорбления, обиды и огорчения кажутся уже не единичным чем-то, а выражением общего направления “внутренней политики” наших дней в отношении Церкви и духовенства... Вся эта мрачная и мертвящая “политика” встала пред нами в виде действительной и ясно очерченной полицейской машины, в виде закономерной и властно надвигающейся на нас тьмы со свободой для всего и всех, но только не для нас и не для Церкви. Как естественно было

закричать: “спаси нас, Царь, от этой фарисейски закономерной и властно надвигающейся безбожной тьмы!!!” И смеем думать, что этот крик наш есть глубокий вопль и всей Церкви Православной, так как и мы совершенно единомысленны и единокорны, например, со столь великим собором святителей, пастырей и православных мирян-ревнителей, какой был в июле сего года на миссионерском съезде в г. Киеве. Мы всей душой подписываемся под теми постановлениями, какие сделаны на Киевском миссионерском съезде, приемлем их как священный залог всей Русской Церкви, находя, что проведение их в жизнь крайне необходимо как для самой Церкви, так и для России, для сохранения ее единства и целостности. Мы не об ином чем поднимаем свой скорбный вопль, как только о том, чтобы “наше правительство было православным”, как возвысил об этом свой голос великий июльский миссионерский съезд.

Докладывая о сем, почтительнейше и сыновне смиренно просим Святейший Синод милостивным оком воззреть на пастырский вопль наш, выраженный во всеподданнейшей телеграмме нашей 5 октября 1908 года, благословить наше благодатное единение с архипастырем нашим и всей Русской Церковью и отечески утешить и любовно поддержать нас на дальнейшем пути в духе сего единения нашей пастырски созидательной работы».

²⁴ Цит. по: Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М., 2003. С. 75.

²⁵ «Члены Государственной Думы, так называемые правые, не по имени только, но сердцем принадлежащие к Святой Православной Церкви, собравшись на работу по велению Государя Императора на новую сессию, в первый же день открытия Думы весьма удручены слухами о колеблющемся положении на Саратовской кафедре чтимого православными церковными людьми владыки, Преосвященного Гермогена. Не смея утруждать просьбою Государя Императора, мы с сыновнею почтительностью и любовью пред высшею церковною властью Богопоставленных пастырей, ходатайствуем и молим, да пребудет на Саратовской кафедре ее духовный вождь, убежденный и вдохновительный служитель слова Божия и ревностный слуга Царя и Родины епископ Гермоген. Мы с благодарностью видим, как этот неутомимый архипастырь объединяет людей Божиих во единое стадо во дни смуты государственной. Мы с глубоким огорчением наблюдаем, что неразумные представители власти препятствуют святому его делу призыва русских людей к собраниям, крестным ходам и всенародным молениям, безосновательно опасаясь от этого чего-либо вредного для государства.

С благоговейной преданностью святителю Божию приветствуем мы его дерзновенный голос, поднятый против богохульника и развратителя и анархиста Толстого, и мужественное, полное скорби и достоинства его всеподданнейшее обращение к Государю Императору 5 октября, которое, надеемся, будет услышано.

Перевод Преосвященного Гермогена на другую епархию при таких условиях был бы торжеством для революционеров и врагов православия, глубоким оскорблением православным людям. Почтительно докладывая о сем Святейшему Синоду, мы убеждены, что в его руках все средства и достаточные полномочия для того, чтобы оставить чтимого архипастыря и борца за православно-русское дело на Саратовской кафедре».

²⁶ «Ваше Преосвященство,

Всемиловитейший Архипастырь наш и Отец!

Просвещение светом веры Христовой, распространение и утверждение религиозной нравственности, поднятие и укрепление веры в сознании человека – всегдашняя забота Ваша, – писали клирики и прихожане саратовского Свято-Николаевского храма. – В целях удовлетворения религиозной потребности в районе нашем, Вы подъяли на себя великий подвиг отстроить наш храм в честь славного Чудотворца и Святителя Николая. Сколько трудов и забот пришлось понести Вам по отстройке нашего храма! И доселе, хотя храм окончен и совершается в нем Божественная служба, отделен самостоятельный приход, забота о благоустройстве нашего храма и нашего прихода – одна из главных забот Ваших. Мы знаем Ваши труды по достройке нашего храма, хоть отчасти понимаем Ваши нравственные страдания, которые пришлось Вам понести из-за нас и особенно в 1905 году. А распри в нашем приходе, жалобы в Святейший Синод из-за нашего храма?! Но все это Вы претерпели своим любящим сердцем, ничто Вас не смутило; Вы все покрыли своею любовью, исходатайствовали перед Святейшим Синодом утверждение штатов причта.

Тронутые Вашей искренней и непрестанной любовью к нам, мы, прихожане Свято-Николаевской города Саратова церкви, во главе с нашими членами причта, приносим Вам искреннюю благодарность за все это и просим Господа Бога, да подаст Вам с верой Авраамовой и верностью Илиинной нести труды на пользу вверенной Вам паствы. Не смущайтесь,

ревностнейший Архипастырь, не смущайтесь продолжающимися злыми нападками на Вас лиц, потерявших веру в Бога, отрекшихся своего Отечества, продолжать смело и твердо вести вверенный Вам корабль. Усердно молим Господа Бога, да умножит Он дни Ваши на пользу паствы Вашей. Не забывайте, усердный молитвенник, в своих молитвах пред Престолом Всевышнего преданных рабов Ваших...

1908 года.

Октябрь».

²⁷ Многоуважаемый Алексей Петрович, – писал владыка, – из беседы с его Превосходительством товарищем министра внутренних дел Александром Александровичем Макаровым и из вчерашней продолжительной беседы с Вами я вынес для себя ясное убеждение в том, что ни со стороны духовной власти, ни со стороны потерпевших на Свято-Духовском Царицынском подворье оскорбления и насилия от полицмейстера города Царицына Бочарова судебное преследование против виновного непосредственно возбуждено быть не может; второе, что судебное следствие, возбужденное полицмейстером против иеромонаха Илиодора, построено на показаниях лиц, указанных полицмейстером и потому могущих освещать поступки иеромонаха Илиодора односторонне или заведомо неверно; и третье, что произведенное духовной следственной комиссией под председательством ректора Саратовской Духовной семинарии следствие не имеет никакого значения и на направление дела по обвинению полицмейстером иеромонаха Илиодора не может влиять.

Главная же и существенная неправильность в отношениях лиц административных и судебного следователя (производящего следствие над иеромонахом Илиодором по обвинению его в оскорблении полицмейстера) к “инциденту” 10 августа та, что преступное участие полиции в этом “инциденте”, оскорблявшей религиозное чувство народа и избивавшей затем народ, бывший на подворье, признается не бывшим вовсе, и признается таким на основании лишь заявлений полицмейстера, нескольких подчиненных ему лиц и двух-трех свидетелей, опрошенных судебным следователем по возбужденному Бочаровым частному делу; между тем столь важное и глубоко серьезное по своему глубоко печальному характеру событие должно быть обследовано особо и независимо ни от каких служебных или частных интересов лиц, заинтересованных или незаинтересованных в таком или ином взгляде на это событие. Словом, “инцидент 10 августа”, как глубоко печальное происшествие в городе Царицыне, должен быть тщательно и всесторонне обследован по особому и специальному распоряжению господина прокурора Судебной Палаты...

При этом, долг имею почтительнейше сообщить Вашему Превосходительству, что представляется крайне тяжким то обстоятельство, что и для Вас самих не оказалось законных оснований выслушать человек 10-15 из нескольких тысяч, глубоко обиженных и оскорбленных грубыми и бесчеловечными представителями полицейской власти в городе Царицыне. Казалось, могли бы прийти к Вам теперь свободно помятые и изувеченные полицией, но как Вы заметили, это утешение для православных людей должно быть обусловлено согласием представителя светской власти. Все это глубоко прискорбно, больше – все это дышит чем-то безнадежным» // РГИА. Ф. 797, оп. 76, 3 отд., 5 ст., д. 162 г, л. 103-104.

²⁸ «В этом сухом, деревянном формализме власти, – писал он в заключительной части отчета, – в этом нежелании считаться с настроениями и верованиями православного народа я и вижу ту роковую ошибку, которая, по моему мнению, в происшествии 10 августа делает полицмейстера Бочарова не менее виноватым, чем отец Илиодор. Ему объявлено административное замечание за произнесение в обращении к народу бранных слов. Наряду с серьезностью затронутых религиозных вопросов и тем тягостным впечатлением и недоумением, которое надолго останется в сознании православных царицынцев, это административное взыскание, наложенное на царицынского полицмейстера, производит впечатление плохой шутки или желания просто формально закончить дело... Я полагаю, что если начальство не признает достаточных данных для возбуждения против полицмейстера Бочарова уголовного преследования... то во всяком случае представляется необходимым, не оставляя его в Царицыне, дать ему другое назначение» // РГИА. Ф. 797, оп. 76, 3 отд., 5 ст., д. 162 г, л. 29-30.

После этого расследования полиция не только не прекратила своей провокационной деятельности, но установила еще более жесткий надзор за иеромонахом Илиодором, собирая слухи и искажая действительность, и в конце концов заявила: «Толки о полном разладе гражданской и духовной власти циркулируют по городу Саратову и, несомненно, скоро распространятся по губернии, отчего предвидятся весьма вредные последствия. В Царицын командирован вице-губернатор, коему поручено арестовать иеромонаха Илиодора в случае нового призыва к погрому и прекратить беспорядки при самом их возникновении силой».

«Из вышеизложенных обстоятельств мирной царицынской забастовки рабочих по поводу принуждения их работать в воскресные и праздничные дни видно, – писал он, – насколько неправильны доставленные в Министерство внутренних дел сообщения о том, будто эта забастовка в значительной степени была результатом проповедей царицынских священников о необходимости соблюдения всех воскресных и праздничных дней, произносившихся по предписанию епархиальной власти, будто бы со времени возбуждения в Государственном Совете вопроса о сокращении праздников.

В действительности защитительные проповеди о неотложном исполнении четвертой заповеди Господней или о праздновании воскресных и других праздничных дней ведутся у нас давно во всех городах Саратовской епархии... на чисто пастырской основе... с одной стороны, в противовес общественному равнодушию к соблюдению воскресных и праздничных дней... а с другой стороны – против свободной проповеди сектантских лжеучителей, отрицающих всякое церковное празднование особых дней, посвященных молитве и евангельским и другим церковно-историческим воспоминаниям.

Когда же среди некоторых членов Государственного Совета и других правительственных учреждений возник проект о сокращении числа православных праздников, то, естественно, и этот законопроект, и высказывавшиеся в пользу его в газетах левого направления мысли и взгляды должны были подвергнуться строгой критике со стороны пастырей Православной Церкви как явно антицерковные и слишком резко идущие против религиозного духа и православно-исторических жизненных обычаев народа русского...

Не оказать поддержки и помощи – в силу простого чувства и сострадания к незаконно (с религиозной точки зрения) преследуемым православно-верующим рабочим – я полагаю – были бы не в состоянии не только архиереи и духовенство, но и все, у кого еще сохранились простые человеческие чувства жалости и сострадания. Было бы в самом деле дико и неестественно, если бы православные русские рабочие люди не нашли себе поддержки на Святой Руси среди всех нас, еще продолжающих носить имя христиан.

И это наше чисто христианско-пастырское дело защиты искренно православных рабочих от незаконных преследований крайне несправедливо ставить в связь с фактом забастовки. Более чем очевидно, что мы не станем защищать и поддерживать рабочих, бастующих по чисто экономическим причинам. Не станем мы и подстрекать рабочих к забастовкам. Не мы своими – не только закономерными, а христианскими, православно-церковными – проповедями о почитании церковных праздников создаем забастовки, а, наоборот, создают забастовки близорукие, забывшие уроки недавнего прошлого, а может быть и кадетствующие работодатели, намеренно или ненамеренно заставляющие работать рабочих в праздничные дни. Следовало бы внушить лесоторговцам, чтобы они не устраивали работ и занятий в праздничные дни и не оскорбляли бы религиозного чувства рабочих и не разоряли бы вконец религиозно-православного уклада их жизни, без которого этот именно рабочий класс сам может направиться в сторону гибели как отдельных лиц, так и целых семейств. Близорукая тактика работодателей угрожает, кроме сего, опасностью и гибелью как хозяевам и их заведениям, так, быть может, и всему государству русскому, ибо, оторвавшись от религиозно-нравственного уклада своей жизни, рабочие вместо нынешней мирной забастовки с величайшей легкостью и удобством могут перейти к немирной и весьма непримирительной забастовке, как это уже и было в 1905 году и последующих годах...

В настоящее время положение рабочих-грузчиков очень тяжелое; хотя они и работают, подчиняясь требованиям хозяев, но работают только из-за страха, из-за боязни лишиться куска хлеба. Все время, начиная с Пасхальной седмицы, хозяева настойчиво заявляют о необходимости работать по воскресным и праздничным дням; замечается даже усиленная требовательность хозяев к рабочим в праздничные дни: в то время как за пропуск будничных дней рабочие никаким взысканиям не подвергаются за неявку на работы, в праздники – даже увольняются. Наблюдается также и то, что в праздничные дни требуется от рабочих усиленный труд, так как согласно требованию лесопромышленников в праздничные дни подается вагонов больше, чем в будничные; например, 14 августа по требованию лесоторговца Максимова подано было двадцать пять вагонов, а 15 августа, в день Успения Божией Матери, сорок один вагон; 6 августа, в день Преображения Господня, у того же Максимова подано было тридцать вагонов.

Из всего вышеизложенного... станет ясным... первое, что те лица, которые доставляли в Министерство внутренних дел сведения о царицынской забастовке, намеренно извратили истинные причины событий, а вместе с тем и обо мне сообщили совершенно неправильные сведения и... второе, что отказаться от проповеди в защиту праздников, кто бы против них ни

восставал, и от защиты невинно страдающих православных русских рабочих – было бы для меня грубым нарушением пастырского долга...».

³⁰ «С таким скорбным, истерзанным сердцем обращаюсь я сегодня к вам, возлюбленные о Христе слушатели, – говорил Преосвященный оратор, – чтобы излить свою невыразимую печаль своего сердца по поводу совершившегося на днях возмутительного преступления... О, ужас! О, горе, о, ужасное злодейство! При чтении этих ужасных преступлений сердце обливается кровью и необычайный трепет объемлет душу. С ужасом читали мы сообщения о подобных преступлениях в других городах, но когда пришлось читать о таких же зверских, варварских преступлениях в нашем городе Саратове, то не скрою, что я не могу выразить всех невыразимо жестоких мук истерзанного сердца, какие я не испытывал...

Итак, опозорен гнусными преступлениями и наш город Саратов. Стыд, срам и позор жителям города Саратова! Нечего теперь уже хвалиться нам техническими и другими усовершенствованиями в нашем городе. Что же нам делать? Обратимся к временам апостольским и посмотрим, что сделал святой апостол Павел, когда совершилось подобное преступление в городе Коринфе. Апостол писал тогда Коринфянам: “есть верный слух, что у вас появилось блудодеяние, и притом такое блудодеяние, какого не слышно даже у язычников, что некто вместо жены имеет жену отца своего. И вы возгордились вместо того, чтобы лучше плакать, дабы изъят был из среды вас сделавший такое дело. А я, отсутствуя телом, но присутствуя у вас духом, уже решил, как бы находясь у вас: сделавшего такое дело, в собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа обще с моим духом силою Господа нашего Иисуса Христа предать сатане во измождение плоти, чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса Христа. Нечем вам хвалиться” (1 Кор. 5, 1-6).

Если святой апостол Павел предал коринфского кровосмешника “сатане во измождение плоти, да дух спасется”, то так же нужно поступить с нашими преступными развратниками. По сношении со Святейшим Синодом я таковых отлучу от Церкви и от Святых Таинств, чтобы они слезами покаяния омыли и загладили свой жестокий грех...

О, стыд и позор для нашего города!.. Сколько раз я предупреждал и умолял и власть имущих, и родителей бороться с порнографией, оберегать и себя, и особенно своих детей от увлечения рассматриванием сладострастных картин и зрелищ. Но на мой призыв не обращали должного внимания. Хотя детей перестали пускать на таковые зрелища, но взрослые продолжали упиваться смотрением развратных “картин для взрослых”. И вот печальные плоды такого увлечения! И все это плоды крамольного движения, от которого сулили духовные развратители все блага мира. А вместо блага пока это крамольное движение приводит к разнузданности животных страстей и родителей, и их детей. Разные лжеучители как бы влили яд в душевную жизнь людей, развратили русских людей и извратили их умственную, нравственную и бытовую жизнь... Призываю вас, дорогие братья и сестры, обратиться к Господу с горячей молитвой и слезами покаяния, чтобы Он отвратил в нашем городе умножение подобных жестоких преступлений и избавил детей ваших от позора “растления”. По почину некоторых благомыслящих людей скоро, может быть в сентябре, откроется общество “религиозно-нравственного воспитания детей обоего пола”. Цель этого общества содействовать правильному здоровому воспитанию детей в свете Христовой веры, чтобы они были и умственно и нравственно здоровыми. Верю и убежден в вашем сочувствии этому обществу.

Чтобы уберечь ваших детей от позора, для этого недостаточно ходить и следить за ними, это не всегда возможно; для этого нужно всеми силами стараться уничтожить те причины и основы, которые приводят неизбежно к этому позору и преступлениям – чего в отдельности каждому достигнуть нельзя. Будем же все вместе дружно и твердо бороться с тем, что приводит к подобным варварским преступлениям. А теперь обратимся со слезами покаяния и с теплой молитвой Господу, да пошлет Он нам успех в этой борьбе и избавит наш город от большего посрамления, стыда и позора!».

³¹ «Как, быть может, известно Вашему Высокопревосходительству, – писал он, – в Саратове издаются две левых ежедневных газеты “Саратовский листок” и “Саратовский вестник”, с чрезвычайною враждою и ненавистью относящиеся ко всем лицам и партиям, которые осмеливаются выступать и действовать против революции и революционного движения. К этой общего, так сказать, характера вражде и ненависти редакций названных газет ко мне, моей деятельности и деятельности моих соратников, в том числе священника Карманова, примешивается еще чувство личного раздражения некоторых из сотрудников левых саратовских газет: двух бывших диаконов против Саратовского епархиального архиерея и вообще против

Саратовского епархиального начальства, создавшегося у них под влиянием производившихся о них в епархиальном управлении дел, окончившихся лишением обоих диаконов диаконского сана.

По этой чисто случайной причине ни в одном, кажется, российском городе епархиальный епископ и его деятельность не подвергаются такой злостной критике и нападкам, как в городе Саратове. Замалчивая одно, искажая другое, выдумывая и сочиняя третье – саратовские газеты усердно стремятся к одной желанной им цели – опорочить, очернить епархиального архиерея и его сотрудников в глазах населения и высшей церковной власти.

Священника Карманова усердно, с опасностью для жизни работающего на пользу Православной Церкви и православно-русского населения со времени начала так называемого освободительного движения, два года состоящего председателем Православного Братского Союза русского народа, особенно ненавидят и злобно поносят левые саратовские газеты и их сотрудники – ренегаты – бывшие саратовские диаконы.

По моему распоряжению священник Карманов с самого начала пагубной вспышки революции и до настоящего времени каждый воскресный день, а также и в другие праздники в разных местах города Саратова ведет с народом публичные религиозно-патриотические беседы. На основании слова Божия, учения святых отцов Церкви и исторических данных, имея под руками революционные издания – книги, журналы и газеты, он изобличал и изобличает все злодейские корни и измышления врагов Православной Церкви, Государя Императора и русского народа.

На основании устава Православного Братского Союза, утвержденного духовной и светской властью, Православный Братский Союз входит в нужды православных русских людей.

На собрании 2 февраля 1909 года шла речь об одной из этих нужд простых православных людей, возникшей вследствие неуклонного и прямолинейного применения к жизни... указа 9 ноября 1906 года.

Поводом к обсуждению этого вопроса послужило поступившее в Главный губернский Саратовский Совет Православного Братского Союза прошение районного съезда председателей семи отделов Союза – крестьян Саратовского уезда, в коем названные крестьяне, докладывая Главному Совету об обидах и притеснениях, чинимых им вследствие принудительного насаждения среди них хуторского хозяйства, просят Главный Совет донести об этих обидах их правым членам Государственной Думы.

Нужно заметить, что в Саратовском уезде много крестьян-землепашцев издавна арендуют у города Саратова земли на далеком расстоянии от города Саратова. Все они имеют хутора на арендуемых ими участках. Весной они выезжают в поле, осенью возвращаются и зиму живут кто в городе Саратове, кто по селам и деревням... Так, полагали крестьяне, будут владеть они и своей собственной “отрубной” землею: летом будут жить в поле, а зимою и осенью – в своих селам и деревнях; рабочий же скот их будет находиться на хуторах под наблюдением особых хранителей хуторов.

Но когда желающим выйти на отруба предложили ломать дома в селам и перевозиться со всем скарбом на постоянную жизнь в поле, то они завопили, не желая покидать святые храмы Божии. Тогда крестьян стали насильственно принуждать к выселению на отруба, причем за несогласие на выселение и оставление храмов Божиих их стали вычеркивать из списков представляемых к получению продовольствия и обсеменения.

Вот об этой-то явной и вопиющей несправедливости и говорил священник Карманов... на основании вышеупомянутого прошения районного съезда председателей семи отделов Православного Союза, подкрепляя слова свои заявлениями лично присутствовавших на собрании крестьян... Сопоставляя вышеуказанные факты насильственного удаления православных христиан от святых храмов Божиих с учением святых отцов и учителей Церкви, священник Карманов, на основании 3-го слова в Неделю мясопустную священномученика Ипполита, папы Римского, и 105-го слова святого Ефрема Сирина, заметил: “Неужели вынуждающие крестьян навсегда выселиться в поля, на далекое расстояние от святых храмов Божиих, не знают, что в таком случае храмы Божии останутся как овощные хранилища и будут плакать? Не знают того, что православные христиане не посещая храмов Божиих за дальностью расстояния от них и без слушания слова Божия от пастырей, могут охладеть к святой православной вере?.. Такими обстоятельствами воспользуются сектанты разных толков и начнут совращать крестьян в пагубное отступление от православной Христовой веры. Они, сектанты, и теперь уже рыщут по всем селам, деревням и хуторам, стараясь чрез своих проповедников совратить православных в свои заблуждения. Но, слава Богу, крестьяне их не слушают, так как каждый праздник в храмах Божиих они слышат православное вероучение. Тогда же сектантам будет свободно совращать крестьян, и виновными в этом будут, конечно, те, кто насильно старается удалить их от храмов Божиих.

Что же касается... указа 9 ноября 1906 года, то он, священник Карманов, не один раз на собраниях Православного Братского Союза выяснял огромное значение и пользу его для крестьян, но при этом справедливо указывал, что в... указе... не говорится о том, чтобы крестьяне насильем вынуждались к выходу на личное владение землею, тем более нет в... указе повеления насильем выселять из сел и деревень в поля, на большие расстояния от святых храмов Божиих желающих выйти на отрубное владение землею...

Однако об этих беседах священника Карманова левые саратовские газеты молчат, равно как и об его с опасностью для жизни беседах в революционные годы на саратовских фабриках и заводах.

“Саратовский листок” по своему обычаю и по вражде к православному духовенству, и в частности к священнику Карманову, искажил беседу священника Карманова... скрыл или лукаво обошел молчанием все, что читал и говорил священник Карманов на собрании в Киновии 2 февраля 1909 года.

Посему придавать какое-либо значение препровожденным ко мне для отзыва вырезкам из этой... газеты, по моему мнению, нет никакого основания и надобности...».

³² «Церковные основания для строгого и решительного пастырского “выступления” против общего зла и нравственных бедствий

Ввиду необходимости оправдывать свое открытое пастырское выступление против указанной злостной двоякой агитации скрытых темных сил против русского общества, в особенности против русского юношества, я почел своим сыновним долгом доложить Святейшему Синоду, что мое “выступление” в кафедральном соборе 14 ноября 1909 года отнюдь не вызывалось лишь какою-нибудь безотчетною, стихийною, так сказать, ревностью; оно явилось как вполне серьезный и духовно-осмысленный шаг: имело под собой в основании каноны Святой Православно-Восточной Церкви и учение святых отцов и учителей Церкви Православно-Восточной и Русской Православной Церкви.

Известно, что Православная Восточная Церковь относилась всегда отрицательно к театральным языческим представлениям, в особенности к тем, которые давались в воскресные и другие чтимые Христианскою Церковью дни, запрещая присутствовать на них не только “числящимся в священном чине и монахам” (24 прав. VI Вселенского Собора), не только “детям священников”, но и “всем христианам” (18 прав. Карфагенского Собора). В случае, если театральные и вообще “представления позорищных игр” будут даваемы “в день воскресный и в прочие светлые дни христианской веры”, 72 правило Карфагенского Собора рекомендует обращаться к христианским царям с просьбой “да воспретится представление позорищных игр” в сии дни. Эти правила навсегда определяют отношение Христианской Церкви к театру; современный же театр даже превзошел языческий своею возмутительнейшею гнусностью представляемых сцен разврата и пошлости и уничижением и оскорблением религиозного и нравственного чувства человека.

Если от канонов Православной Церкви мы обратимся к учению христианских отцов и учителей Церкви, то увидим, что все древние церковные писатели, касаясь в своих творениях театральных зрелищ, самым решительным образом высказываются против них и против участия в них христиан в качестве ли исполнителей или простых зрителей. Современный театр вполне оправдывает такое отношение к себе святых отцов и учителей Церкви: он действительно стал местом гнусных пороков и нравственных преступлений. Так святой священномученик Киприан занятие комедиантством считает занятием вредным для нравов, в особенности юношей. Церковный учитель Тертуллиан высказался в одном из своих творений, что “трагедии и комедии – это кровавые и распутные возбудительницы порока и похоти”. В столь же решительном и негодующем тоне высказывается о театральных зрелищах другой знаменитый западный церковный писатель Лактанций. Но едва ли кто-либо из отцов и учителей Церкви восставал с таким пламенным негодованием и возмущением против театральных и других представлений, как святитель Иоанн Златоуст.

“Какая выгода, – говорит святитель Иоанн Златоуст (Полн. Собр. Твор. Св. Иоанна Златоуста. т. II, стр. 351-352), – ходить на зрелище беззакония, посещать общее училище бесстыдства, публичную школу невоздержания, восседать на седалище пагубы. Да не погрешит тот, кто сцену, это пагубнейшее место, полное всякого рода болезней, эту вавилонскую печь назовет и седалищем пагубы, и школою распутства, и училищем невоздержания, и всем что ни есть постыднейшего. Действительно, диавол, ввергнув город в театр, как бы в какую печь, затем поджигает снизу, подкладывая не хворост, не нефть, не паклю, не смолу, а, что гораздо хуже этого, злободневные взгляды, срамные слова, развратные стихотворения и самые негодные песни”.

“Где теперь, – говорит святитель Иоанн Златоуст в другом месте (т. VII, стр. 697), – те, которые предаются диавольским пляскам, непотребным песням и сидят в театре. Стыжусь вспоминать о них... Здесь (в театре) мы найдем различия столько же, сколько между ангелами – если бы ты услышал их поющими на небе стройную песнь, и между собаками и свиньями, которые визжат, роясь в навозе. Устами одних говорит Христос, а языком других – диавол”...

“Вредные для общества люди бывают, по мнению святителя Иоанна Златоуста (т. VII, стр. 412), именно из числа тех, что действуют на театрах. От них происходят возмущения и мятежи”.

Высказываясь столь решительно против театра и театральных зрелищ, святитель Иоанн Златоуст для устрашения посещающих театры угрожал отлучением их от священных церковных собраний (т. IV, стр. 854).

Из русских церковных писателей заслуживают быть отмеченными отзывы о современном театре известного оптинского старца Амвросия и великого русского молитвенника и чудотворца батюшки Иоанна Кронштадтского. Старец Амвросий решительно высказался, что “современный театр – школа безнравственности” (Письма его, ч. 1, стр. 203).

От<ец> Иоанн Кронштадтский так отзывался о современном театре: “Театр погашает веру и христианскую жизнь, научая рассеянности, лукавству (или умению жить в миру), смехотворству; он воспитывает ловких сынов века сего, но не сынов света. Театр – противник христианской жизни; он – порождение духа мира сего, а не Духа Божия. Истинные чада Церкви не посещают его”... (т. V, стр. 173).

“Театр – богомерзкое учреждение. Только вникните в дух его, и вы согласитесь: это училище безверия, глумления дерзкого над всем и – разврат” (т. V, стр. 103).

“Театр – школа мира сего и князя мира сего – диавола; а он иногда преобразуется в ангела света; чтобы прельщать удобнее недаленовидных, иногда ввернет, по-видимому, и нравственную пьесу, чтобы твердили, трубили про театр, что он пренравоучительная вещь и стоит посещать его не меньше церкви, а пожалуй, и больше – потому, что-де в церкви одно и то же, а в театре разнообразие и пьес, и декораций, и костюмов, и действующих лиц” (т. V, стр. 81).

Из сопоставления вышеизложенных воззрений святых отцов и учителей Вселенской Церкви и Русской Церкви на театральные зрелища с тем, что мною сказано было о безбожном – безнравственном характере двух новых пьес Л. Андреева “Анатэма” и “Анфиса”, мне кажется, легко могут быть уяснены как тот решительный протест, какой мною был выражен по поводу постановки в Саратове этих двух пьес, так и та несколько необычная форма, в какую мною был облечен этот протест.

Случаи подобного же протеста при несколько иных лишь обстоятельствах известны из жизни многих наших святителей, в частности, между прочим, из жизни С.-Петербургского митрополита Гавриила (Русские подвижники XVIII века, стр. 216)».

Отстаивая право архиерея обращаться к высшим светским властям с целью защиты народа от нравственного растления пропагандой, епископ Гермоген далее писал: «Переходя теперь к специальному выдвигаемому против меня левыми газетами и левыми элементами общества обвинению, будто я своим обращением к Саратовскому губернатору в храме по поводу представления в театре “Анатэмы” и “Анфисы” обеспокоил светскую власть, в частности “поставил в неловкое положение губернатора”, даже “оскорбил его своим обращением к нему в храме”, я счел долгом в виде объяснения на такие обвинения доложить Святейшему Синоду, что иначе действовать я не мог и не могу, ибо глубоко уверен, что поступая так, как поступил я в данном случае, я действую на основании слова Божия, примеров святых отцов и учителей Церкви и правил Вселенских Соборов. Святой апостол Павел учит: “проповедуй слово, настой благовременно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением” (2 Тим. 4, 2). И святые отцы и учителя Церкви, когда светские власти допускали поступки не согласные с общецерковными нормами, или когда в общество проникало какое-нибудь зло, ересь, разврат, они безбоязненно обращались к светским правителям с открытыми и энергичными ходатайствами, не стесняясь ни временем, ни местом, ни другими какими-либо побочными обстоятельствами. Я лишь напому про первых защитников и ходатаев за Святую Церковь и духовные интересы ее чад пред царскою властью и правителями христианских апологетов: Аристиды, Кодрата, Иустина, Мелитона и других...

Из жизни святителя Амвросия Медиоланского известны два случая открытого предстательства его за благо Церкви и духовные интересы пасомых.

Из наших русских святителей с совершенно подобной защитой Святой Церкви выступали весьма многие.

К нашему случаю весьма подходит, между прочим, “выступление” святителя Димитрия, митрополита Ростовского. В его время был издан указ не соблюдать в полках святых постов. Нашелся солдатик, который не желал нарушать поста, за что был судим начальством. Это распоряжение о постах настолько возмутило святителя Димитрия, что он произнес в храме, в присутствии многих начальствующих лиц, резкое слово о двух пирах, Иродовом и Христовом, где сильно укорял начальников, разрешающих посты (Русские подвижники XVIII, Е. Поселянина, стр. 48).

Особенно энергичны были ходатайства святых архипастырей пред царскою властью и светскими правителями, когда какие-либо еретики, безбожники, кощунники оскорбляли веру православную, причиняли вред Церкви Божией и производили соблазны между немощными в вере православными людьми. С такими ходатайствами к царям и правителям обращались: святитель Иоанн Златоуст, архиепископ Цареградский, святитель Амфилохий, епископ Иконийский, святитель Григорий Богослов и многие другие. Святитель Иоанн Златоуст во время торжественного богослужения в храме в присутствии царя обратился не к губернатору даже или градоправителю, а к самому царю со своим архипастырским ходатайством в речи, обращенной к царю Аркадию, в то время когда последний вместе с царицею своею находились за Божественною литургиею в храме (см. кн. Маргарит, в житии святителя Иоанна Златоуста л. 69 об.). Просьба святителя Иоанна Златоуста царем была уважена, и именуемое теперь “выступление” Иоанна Златоуста не было тогда почтено за оскорбление царской власти. Между тем как мое “выступление” трактуется в сфере правительственных органов как “оскорбление губернатора”...

Что же касается поклонов, по сообщению газет, будто бы сделанных мною до земли в храме пред губернатором, то хотя эти сообщения совершенно ошибочны и мною были сделаны поклоны не до земли, а лишь поклоны обычные, поясные, не сходя с амвона, однако я должен сказать, что поклонов до земли я не сделал лишь потому, что предвидел, что они не будут поняты, с одной стороны, теми, к кому они относились, с другой — многими другими лицами, и будут вообще криво перетолкованы. Между тем поклоны пред лицами, сущими во власти, данной Богом, а не пред “мирскими палачами”, как назвал, очевидно, Саратовского губернатора и других сущих во власти лиц сотрудник “Нового времени” А. Столыпин, родной брат “сущего во власти” П.А. Столыпина (“Нов. вр.” № 12105), — поклоны пред лицами, сущими во власти, данной Богом, допускались весьма многими святыми людьми и подвижниками как на Востоке, так и у нас на Руси; наиболее яркий пример для нас представляет угодник Божий Серафим Саровский, который поклонился до земли посетившему его Государю Александру I Благословенному; также он кланялся до земли посещавшим его генералам и даже обыкновенным простым людям. Из обстоятельств жизни святых подвижников легко можно уразуметь, что они делали низкие поклоны пред царями и правителями, с одной стороны, чтобы обозначить как бы печатью своего личного унижения сильную опасность какого-либо момента в жизни государства и народа, с другой — такую же опасность, ожидающую тех лиц, пред которыми делались поклоны. Если поклоны совершались пред правителями и царями и в опасный переживаемый момент, то это обозначало как бы вопль самого святого мужа, обращенный к тем лицам: “Помилуйте народ, помилуйте и самих себя, ибо лютая опасность близ, губитель-враг не дремлет, поспешайте с помощью со стороны вашей Богом данной и благословенной власти, спасайте вверенных вам людей и спасайтесь...”

Отношения святых людей к представителям мирской власти должны быть для нас образцом истинного понимания внешней мирской власти; святые люди видели в представителях мирской власти не “мирских палачей” (см. “Новое время” № 12105) [Газ. «Новое время». 1909. 22 ноября (5 декабря). № 12105. С. 3], а “Божьих слуг” (см. посл. к Рим. апостола Павла гл. 13, ст. 3), от Бога уполномоченных и поставленных вместе с царями и пастырями для соблюдения и охранения в жизни народа общих благ, духовных и житейских (см. у апостола Павла), а не одних только житейских; а потому и они одинаково ответственны, вместе с царями и пастырями, за свое неправильное отношение к высокому долгу своего служения... По причине ответственных полномочий, общих с царями и правителями обязанностей блюсти истинные блага народа, — пастыри и архипастыри церковные и обращались к мирским правителям и царям с мольбой не уклоняться от богоустановленных и истинно законных правил соблюдения и охранения общих благ жизни людей, Богом вверенных не только архипастырям и пастырям, но вместе и царям, и мирским правителям. Таким образом, обращение святых людей с мольбой и ходатайством, вплоть до поклонов до земли в случаях вопиющей опасности, как выяснено было выше, — пред царями и правителями выражало стремление и мольбу святителей и святых людей о том, чтобы

деятельность царей и правителей, как слуг Божиих по отношению к жизни народа, была приведена в согласие с непреложными законами Бога, а не с какими-либо ошибочными и всегда сомнительными человеческими соображениями. Отсюда и особое повеление апостола Павла – пастырям и архиереям: настой благовременно и безвременно, обличь, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (2 Тим. 4, 2).

Саратовский епископ Гермоген».

³³ Священник А.П. Мраморнов. Сочинения 1896-1919 гг.: записки, епархиальные хроники, публицистика. Саратов, 2005. С. 282.

³⁴ «Господь Иисус Христос прежде шести дней Пасхи пришел в Вифанию, где Он воскресил Лазаря. Здесь Он был на вечери в доме Марфы, Марии и Лазаря. Сюда пришло много народа, желавшего видеть не только Господа, но и Лазаря, которого Господь воскресил из мертвых. Архиереи же и книжники, завидуя Его славе, желали умертвить не только Его, Господа, но и Лазаря, так как ради этого Лазаря многие уверовали в Иисуса, а им, книжникам, это было нежелательно. Еще в то время, когда Господь воскресил Лазаря, они говорили про Иисуса: “Человек этот творит много чудес, и поэтому, если оставим Его, все уверуют в Него, и у нас отнимется власть и влияние в народе, придут римляне и завладеют нашим народом и нашей страной”. Руководители народные боялись за свою власть. Они боялись римлян, но не боялись для избавления от этой власти убить Того, Кто творил многие знамения и чудеса. Из Вифании Господь пошел в Иерусалим. Здесь Его торжественно встречали как Царя, говоря: “Осанна! Благословен грядый во имя Господне!” Но эта встреча была такая торжественная именно потому, что и народ хотел видеть в Нем земного Царя, Который освободит его от власти римлян. Почему этот же народ, когда узнал, что Господь не для воцарения во Израиле пришел в Иерусалим, а для Своего уничтожения, для крестных страданий, то изменил свою призрачную любовь к Нему на совершенно противоположное чувство, на дикие крики: “Распни, распни Его!”? Такое перерождение любви совершилось вследствие увлечения иудеев призрачными, земными благами. Если же бы они презирали эти блага, то, ища славы небесной, не стали бы изменять своей любви к Господу. Такое чувство перерождения любви в злобу, в ненависть замечается и в настоящее время.

Многие и ныне ждут каких-нибудь земных выгод, обеспечения существования и поэтому любят тех, от кого они ждут этих выгод. Но когда они не получают желаемого, то любовь их перерождается в чувство вражды, ненависти. Так бывает у нас по отношению к Господу. Совершаем мы труды, молитвы, но когда не получаем просимого в молитве, то отступаем от Бога и готовы вновь кричать Ему: “Распни, распни Его!” Такие труженики, богомольцы и смиренники, ищущие земных выгод, помышляющие о земном и не получающие просимого, есть худые богомольцы. Любовь их к Богу ложная. Труды их напрасны. Веровать и любить Господа нужно по влечению сердца, но не из-за земных выгод, как это делали иудеи. Между тем современные люди, проявляя видимую любовь к Богу и не получая исполнения молитвы, отпадают от веры, становятся в ряды неверующих иудеев и доходят до полного распинания Господа. Отсюда и все беды в нашей земной жизни. Супруги, руководимые плотскими началами в жизни, но не ищущие силы благодати Святого Духа и единения в вере в Бога, также испытывают чувство перерождения любви, впадают в гнев, ненависть и даже в более худшее. Так бывает и во всем, когда нами руководят одни земные выгоды, но не высшие духовные блага. Вот от этого-то мы и теперь распинаем Господа.

В светской печати, не говоря уже о тех скверных пьесах, которых мы не однажды касались, всюду и везде хулятся Имя Господа. Даются Ему оплевания и заушения. Все желали бы одних выгод и преимуществ, как и иудеи, которые хотели быть властителями всех людей и говорили: “Придут римляне и овладеют нами”. Как язычники, которые кричали: “хлеба и зрелищ”, так и иудеи, если бы Христос был царем земным и воссел бы на царском престоле, разве не полюбили бы Его и разве они тоже не стали бы кричать, подобно язычникам, “хлеба и зрелищ”? Так и современные люди: и крестьяне, и мещане, и интеллигенция, и даже некоторая часть духовенства представляют из себя толпу, которая подобна иудеям и язычникам. И это иудейство и язычество у нас видно всюду и везде. Но истинная любовь не должна перерождаться ни под каким видом и из-за неудовлетворения земных выгод переходить во враждебное чувство. Иов Многострадальный и при благочестии испытывал бедствия, но не забыл Бога. Все несчастия не заглушили в нем любви к Господу. Вся церковная история – и ветхозаветная, и новозаветная – показывает нам, как мы должны относиться к Богу за Его бесконечную любовь к нам. Между тем у нас часто наблюдается открытая вражда на Бога, как это было, например, в недавние черные годы революционных движений. Искра была брошена, и пожар был сильный. С балконов домов

кричали: “Не надо нам Бога, Закона Божия, не надо царя!” И это имело место в нашем современном мире лишь потому, что плоть, грех, тление и искание земного счастья и выгод руководят им.

Дай Господи, чтобы не воздвигалось теперь языческих капищ в нашем дорогом Отечестве, как это предполагается сделать в нашей столице. Избави нас, Господи, от такого страшного и позорного распинания нашего Господа. Будем веровать в Господа и любить Его по духовному влечению, а не по мирскому, искренне и сердечно, а не распинать Его» // Священник А.П. Мраморнов. Сочинения 1896–1919 гг.: записки, епархиальные хроники, публицистика. Саратов, 2005. С. 105-106. (Слово приведено слушателем в изложении.).

³⁵ Особое внимание владыка уделял церковно-приходским школам – рассадникам религиозно-нравственного просвещения. За время его служения в епархии значительно увеличилось число таких школ: в 1901 году было 4 двухклассные школы, в 1910 году их стало 29; в 1901 году было 362 одноклассных школ, в 1910 году их стало 762. Епископ Гермоген основал противораскольническую школу в селе Сосновая Мыза и противомогометанскую в деревне Подлесной.

³⁶ Священник А.П. Мраморнов. Сочинения 1896-1919 гг.: записки, епархиальные хроники, публицистика. Саратов, 2005. С. 292.

³⁷ «Наши предки, – так приблизительно говорил владыка, – любили строить храмы Божии и под покров Неба отдавали свою жизнь, труды и занятия. И был над ними покров небесный. Не то мы видим ныне. Ныне от Бога милости не просят, а требуют, говоря, что Бог обязан благодетельствовать людям. Не так ли и дети ныне говорят: родители обязаны их и воспитать, и содержать...

Не то же ли самое мы часто слышим и от взрослых: власти и цари обязаны заботиться о нашем благосостоянии. А мы? Разве у нас нет обязанностей по отношению к власти царской, как у детей по отношению к родителям? Мы жалуемся на непочтительность своих детей. Но разве могут дети почитать тех родителей, которые не подают им доброго примера, не воспитывают их, не научают даже молитве

Что они – дети видят в своих родителях? Злобу, ненависть, пьянство, распутство, бунты и противление властям.

Какое, например, воспоминание осталось в детских сердцах [от] тех странных революционных годов, когда вы – родители, забыв Бога и заглушив свою совесть, огнем и мечом прошли по своему селу, жгли барские усадьбы, поджигали своих односельчан, ругались над священниками и даже над их беззащитными женами и детьми?

И может ли Небо приклониться своими милостями к земле, обогрелой невинно пролитой кровью? Одно осталось у нас средство приклонить на милость Небо – это покаяние. Идите, православные люди, в храм, к жертвеннику и священнику, складывайте здесь, у аналоя, котомки своих грехов и верьте без всякого сомнения Божиим словам: “аще будут грехи ваши, яко багряное, яко волну убелю” [Ис. 1, 18]. А ведь есть люди, именующиеся православными христианами, которые, однако, лет по 10-30 не бывают у исповеди. Что в их душе? Мысли их: чрево, плотоугодие, блуд, пьянство и иные непотребные деяния. Помните, есть иная жизнь, будет Страшный Суд, будет мука вечная... Нужно, пока время не ушло, чаще и чаще прибегать под покров Царицы Небесной, Которая избавляет от великих бед и зол благонравные и богобоящиеся рабы Своя».

³⁸ Священник А.П. Мраморнов. Сочинения 1896-1919 гг.: записки, епархиальные хроники, публицистика. Саратов, 2005. С. 215.

³⁹ «Господи, Господи, – молитвенно взывал к Богу владыка, – да оживи же нас, стряхни окаянный прах греховный, омой, освяти, очисти нас. Ты принял тело от человека, чтобы нас обновить. Мы же легко и скоро это забываем. К чему ведут эти сатанинские насмешки над нашими священными предметами, над святыми иконами и прочими святынями, которые оживляют наш дух? В них мы получаем жизнь. Наши знамена, с которыми мы несем иконы, есть видимый знак, указывающий на присутствие в собрании нашем Самого Небесного Царя, победителя врагов. На эти священные знамена и для встречи святой иконы должен собраться весь город, но лишь только немногих, может быть, простое любопытство влечет сюда. На забавы идет православный люд, а о бессмертном своем духе забывает, не помнит о существенном и необходимом в человеческой жизни. В человеке и ум, и сердце – все должно быть в Боге, но мы видим, что все это разложилось в богатырском духе народа русского. Молиться надо, чтобы человек изгнал из себя прежде всего все то, что в нем есть злого, грешного, а потом уже, отрясши греховную плесень, осуществил в

жизни те духовные совершенства, к которым непременно должен стремиться всякий христианин...

Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя. Надеемся, что вы, дети, будете приходить к спасению. Ведь вы все будете держать ответ пред Богом за все свои чувствования, дела и слова.

Если же отреклись вы от Христа и злое помышляете в сердцах ваших, то и мы, пастыри, страшимся не только за вас, но и за себя, так как и за всех вас мы строго ответим пред Богом. Дай Бог и спаси Небесная Царица, чтобы этого не было. Будем молиться пред Седмиезерской иконой Божией Матери Ей Самой, чтобы спасла Она всех» // Священник А.П. Мраморнов. Сочинения 1896-1919 гг.: записки, епархиальные хроники, публицистика. Саратов, 2005. С. 195-196.

⁴⁰ «Хочу еще с вами побеседовать, – сказал владыка. – Извиняюсь, что задерживаю вас после большого служения в храме...

Побеседовать об общем пастырском деле нужно много теперь, так это важно и необходимо. Когда я был ректором в Тифлисе, то я собирал воспитанников семинарии и беседовал с ними, делились впечатлениями, обменивались взглядами. И это было нужно.

Объединение во взглядах необходимо. Так и в нашей пастырской работе объединение нужно, потому что каждый будет делать то, что существенно важно... Я не раз высказывал свои взгляды на пастырский труд, и вы его знаете. Приходится повторяться в этом вопросе. Этот вопрос так важен особенно в нынешнее тяжелое боевое время. Теперь воздвигнута война против Церкви. Ополчились сектанты с такою стремительностью, что не успеешь оглянуться, как они уже испортили святое дело. Особенно взять бойкие пункты, такие как: Одесса, Саратов, Царицын и другие города. Здесь пропаганда и натиск сектантов стремителен. И нужно во всеоружии встретить этот натиск... Дружная пастырская работа должна быть на первом месте. Я готов поощрять труды духовных работников, но мне хотелось нечто другое.

Я обращаюсь к вашей совести и долгу пастырского служения, обращаюсь не мертвой бумагой, а лицом к лицу, как к живым, отзывчивым соработникам в деле пастырского служения. Время требует самоотверженного труда, и труда пастырского в чистом виде. Ведь пастыри – руководители народа, им вверено многое, и они могут сделать многое. Но иногда у пастыря является искушение. Общество тоже хочет влиять на народ и приглашает пастыря для совместной работы. Пастырю в этом случае должно быть настороже. Сообразить нужно: не хотят ли им воспользоваться только для привлечения народа, а его роль сводят к самому жалкому положению. Иногда хотят сделать благотворительное дело: ну, например, собрать средства в пользу приюта. Делают литературно-вокальный вечер с танцами, приглашают пастыря сказать что-нибудь, а после – танцы-аллеги, музыка, пение романсов...

Соберут они, положим, 200 рублей, но эти деньги хотя и идут на благотворительность, к чему они? Эта лепта неприятная, сатанинская. Сколько душ на этом вечере развратится! В Саратове в пользу благотворительности плясала босоножка в невозможно наглом костюме, с срамными движениями... Но к чему же эта благотворительность, если она соблазняет и развращает души?..

Возьмем общества трезвости, заведенные светскими лицами с участием духовенства. Духовенство играет там жалкую роль, и вокально-музыкальные занятия светских лиц прямо уничтожают их работу. Есть другие общества трезвости в церковном духе – те другого покроя, и от них можно ожидать большой пользы.

Задуманные беседы пастыря, посещения домов прихожан, увещания, советы, общая молитва, общее ревнование о храме, приходе – все это большой плюс и даже целая единица в общей духовной работе. И если общество желает этой формой развивать народ, так пусть отдает пастырям все дело. Дело примет свою настоящую церковную окраску. Теперь, когда сектанты хвалятся своей организацией, своей пламенной работой, нужно пастырям ближе стать к прихожанам. В приходе есть религиозно настроенные люди, болящие душой о развитии ужасного религиозного бедствия – сектантства. Необходимо призвать к работе этих любителей православной красоты, организовать их и завести кружки ревнителей православия. Особенное внимание нужно обратить на школы... Я бы желал, чтобы наши церковно-приходские школы носили профессиональный характер, то есть были бы миссионерскими. Тогда хозяевами этих школ, без сомнения, всегда были бы пастыри, которые могли бы воспитывать народ в надлежащем виде. И посторонние деятели не имели бы влияния на духовное дело...

Дело так нужно поставить, чтобы не было ущерба в пастырском деле по существу, чтобы не было ущерба в религиозно-нравственном воспитании и обучении народа.

Я не желаю такого отношения, что ждут, когда будет предписание, когда пришлют бумагу; предписание – само собою, оно идет своим порядком и вызывается явлениями общепастырской епархиальной деятельности, – но я желал бы, чтобы пастыри по чувству пастырского призвания, как главные лица в приходе, через кружки ревнителей организовали то здоровое, религиозное, воодушевленное общество, которое в кульминационной борьбе с язычеством и сектами осталось бы стойким и сильным, способным выдержать стремительный натиск. Языческая и сектантская рать распространяется быстро, и я предчувствую тяжелые времена для пастырей и пасомых. Если пастыри будут рассуждать по душе, искренно, то нельзя не заметить, что происходит то, что описано у евангелиста Иоанна Богослова в Откровении. Это шествие языческой мглы подготавливает нас к тяжким временам – шествию антихриста. Это замечали лучшие провидцы и наш дорогой батюшка отец Иоанн Кронштадтский. Антихрист вступит в борьбу с Церковью, и подготовительное время начинается. И верующим людям нужно встретить антихриста во всеоружии: в добрых делах, ревности по вере, настроенности, подвиге и трудах. Если так верующие должны приготовить себя, то пастырям и вовсе надо отвергнуть, возненавидеть удовольствия – пьянство, картежные игры, музыку и др. Время не Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича, думавших только об ужине и обеде, а время подвига и воздержания. Если бы время было спокойное, то довольная, покойная жизнь была бы не вредна, а теперь вредна и преступна. Не нужно терять дорогого времени, а нужно использовать святое религиозное дело. Антихрист надвигается – пастыри, будьте настраже святого дела: ободряйте, учите, проповедуйте и не молчите» // Газ. «Братский листок». 1910. 10 декабря. № 267. С. 3-4. (Беседа изложена присутствовавшим на ней священником.)

⁴¹ «Вы, Владыка святой, видели сами, с какой верой и любовью относились мы к нему, как к рабу Божию, – писал он. – И теперь мы по-прежнему думаем, что он имел благодать Божию, а также и теперь еще трудится духовно во спасение ближних.

Но многие факты из жизни его, за последнее особенно время, показали нам совершенно убедительно, что враг рода человеческого использовал, так сказать, эксплуатировал, самую его благодать, добытую предшествующими подвигами его пред Богом.

Григорий Ефимович, очевидно, не вынес всей той тяжести высоты, на которую восшел (разумеется Двор), и вообще не вынес всего того ненормального, огромного (чуть ли не абсолютно непогрешимого) положения, на которое поставили его почитатели неопытные. В последнем, должен искренно теперь сознаться, виновен был раньше по части и я лично – своим сверхмерным доверием решительно ко всему, что <Григорий> <Ефимович> говорил или делал, доверием, которое глушило (нередко против тайного моего голоса сердца) всякую возможность того, о чем говорил апостол Павел: “смотрите, как опасно ходите”, – т.е. рассудительно-спокойного, критического отношения, – с молитвой к Богу.

Теперь же не так: повторю, решительно выяснилось, что Григорий Ефимович стал на опасный путь преувеличенного о себе самомнения (или, как он сам выразился, самонадеянности).

Подробно сейчас нет возможности писать обо всем. Скажем лишь, что мы ему прямо говорили уже обо всем – и еще будем говорить.

Но, к величайшему прискорбию, он (что естественно и необходимо у уклонившегося в самонадеянность) сознает свою опасность и неправильность лишь умом, – точнее, языком, – но не внутренним человеком. Он самооправдывается – что вполне доподтверждает (см. Авву Дорофея) его неправильность. Поэтому – с полным убеждением и глубокой серьезностью, – отвечая пред Господом (сознательно и спокойно говорю сие), просим Вас, Владыка святой, держаться пока серьезной осторожности во всем по отношению к <Григорию> <Ефимовичу>, а больше всего молиться за него и всех нас: иначе возможны неожиданно огромные последствия. Все это – усердно просим и решительно надеемся – Владыка, Вы сохраните в полнейшей пока тайне от всех, и тем паче пока от Григория Ефимовича. Молитесь за всех нас!

Подробности и дальнейшее движение дела – опишем после, а также – и те факты, на основании которых мы действуем и которые, несомненно, неизвестны Вам, Владыка».

⁴² «У меня накопилась масса весьма важных епархиальных дел, ради которых я и приехал, чтобы лично доложить их Святейшему Синоду и тем ускорить разрешение.

Прежде всего, я прошу разрешения приступить у себя, в Саратове, к постройке грандиозного кафедрального собора...

Далее, я ходатайствую пред Святейшим Синодом об отпуске средств на ремонт саратовского архиерейского дома, который, не видя уже свыше семидесяти лет никаких исправлений, пришел в полную ветхость.

Затем, я просил о назначении на освободившуюся должность ректора Саратовской семинарии лично мне известного архимандрита Евфимия, состоящего ныне ректором Ардонской семинарии, но эта просьба моя не была уважена, так как отец Евфимий прослужил в Ардоне всего один год и потому перемещение его было признано рановременным.

Далее, я возбуждаю вопрос о назначении в Саратов второго викария, ввиду обширности епархии и сильно развившегося сектантства.

Кстати, я привез доклад и о деятельности наших саратовских сектантов, в котором обращаю внимание Святейшего Синода на то печальное положение, в какое ставят они мою православную паству. Дело в том, что когда в миссионерском доме идут противосектантские собрания, мы свободно допускаем представителей сект и разрешаем им высказывать свои мнения. Когда же наши миссионеры заходят на их собрание и начинают возражать на кощунственные речи по адресу православия, то сектанты требуют полицию и составляют протоколы о том, что мы якобы нарушаем их молитвенные собрания...

Таким образом, вы видите, что у меня слишком достаточно дел и помимо хлопот о старце Григории.

Что же касается моих личных взглядов на этого старца, то могу сказать следующее. Года три назад он приезжал в Саратов и представлялся мне. Тогда он произвел на меня впечатление человека высокой религиозной настроенности; после, однако, я получил сведения о его зазорном поведении от таких лиц, которым не имею оснований не верить. Осуждать его за это я, конечно, не стану, ибо история Церкви показывает, что были люди, которые достигали даже очень высоких духовных даров и потом падали нравственно, но и хлопотать за такого человека, прежде его исправления, было бы странно».

⁴³ «Тяжкое и нестерпимое бедствие, переживаемое ныне Россией

Все быстрее и сильнее движется пестрая и широкая, охватившая всю Россию волна еретических, сектантских и чисто языческих противорелигиозных течений, никем и ничем не сдерживаемых на пути; повсюду в наши места эта волна из дальних, видно, краев – из-за границы, из Петербурга, из западных губерний – приносит и религиозно-зловредную заразу, и ее распространителей, различных лжепроповедников, книгоношей, агитаторов и других религиозных смутьянов, и ширится и растет религиозная смута, а еретические и сектантские агитаторы со всеми иными религиозными смутьянами свободно устраивают разрешенные и не разрешенные им религиозные “банкеты” и “митинги”, на которых со всею наглостью хулят они и осмеивают православие и Православную Церковь, общее учение веры христианской, все догматы и истины вероучения христианского, издеваются над святейшими именами и лицами Спасителя, Божией Матери, Иоанна Предтечи и других святых... Боже наш! Боже наш!.. Что это такое?! Неужели на нашей земле не стало уже православного народа, нашего русского, верного своей истории народа, неужели нет у нас больше никаких православных властей из русских людей и ни у кого нет никакой действительной силы, ни энергии, ни надлежащей власти, чтобы сдерживать эту мучительно гнетущую дух народа и глубоко оскорбительную религиозную смуту? Неужели все, кому вручена на земле власть от Бога, решили не только ослабить, но и совершенно предать на поприще и поругание священную и Богоучрежденную власть, господство и внутреннюю силу православной веры и Церкви?.. Неужели эти, все же, вероятно, русские люди не боятся гнева Божия: неужели не вразумила их ужаснейшая Божья кара, разразившаяся над Россией в виде особой всероссийской Мессины, начавшейся глубоким политическим провалом от Японской злополучной войны и длившейся затем несколько лет, вплоть до 1908 года, в виде революционно-вулканических ударов, междоусобиц, смут и других эксцессов революции: провал и революционно-вулканические извержения погубили ведь многие сотни тысяч народа русского, кроме женщин и детей, не считая ужасного и повсеместного обнищания всего народа и всей нашей страны?.. А самое бедствие итальянской Мессины [Итальянский город Мессина был почти полностью разрушен во время землетрясения в 1908 году, когда погибло около 60 тысяч жителей.], по своим ужасам не поддающееся описанию, – это поистине грозное и решительное выступление карающей власти Всемогущего Бога против власти мира и наглых оскорбителей Божьего достоинства и Божьей власти на земле?! Неужели все это никого из наших русских носителей светской власти не вразумляет, никого не страшит?! О, постыдное бесстрашие, постыдное мужество и позорная храбрость терпеть нестерпимое оскорбление в самом святилище своего собственного верующего духа, допускать наглые разбойнические удары в самое святое святых нашей великой Матери – Православной России и нашего родного и дорогого отца и брата – боголюбивого народа русского: это жалкое бесстрашие свойственно лишь самоубийцам и обезумевшим детоубийцам – и, точно, как бедное дитя, верный Богу народ предается теперь

пред лицом всего мира на самое ужасное заклятие – к вечной его гибели; и те, кому вверено оберегать его жизнь, сами теперь своими же руками открывают пред разбойниками сокровенные и священнейшие чувствилища души этого всемирного Божьего дитяти, как бы заботясь о том, чтобы удар был верным и смертельным!.. У, как страшно, как страшно становится за все совершающееся на Русской Земле!.. И невозможно... Нет, невозможно нам ждать помилования и спасения России – а скорее новой ужаснейшей кары, новых ужаснейших бедствий, ибо мы сами пред лицом всего мира предаем и святейшее Имя и власть Божию на всеобщее поругание и глумление, сами вместе с тем лишаем себя жизни!.. У, какая во всем этом непроницаемая тьма, не видно просвета, ни выхода вокруг, – точно особой, какой-то таинственной революционной забастовкой вдруг прерваны все сокровеннейшие связи, все нити духовного единения и общения людей русских на русской земле, вдруг прекращены все правильные и законные пути сообщения с самим центром – с душою всей России, объединяющей в себе и силу, и власть светскую и духовную – с священнейшею властью и сердцем Помазанника Божия: где этот наш светоч жизни русской, где этот Богом данный всероссийский маяк, который помог бы нам проникнуть к просвету, к спасительному выходу сквозь эту черную и страшную тьму новой и исключительной ночи революционной, покрывшей и окутавшей вновь бедную Россию?! Где этот всеми благоговейно чтимый ангел – архистратиг России – “ревнитель и защитник” нашего Всероссийского духовного света – веры и Церкви, наш обожаемый русский православный Царь-Самодержец? Таинственная тьма и смута новейшей революции будто сокрыла, заволокла какой-то мглою его священный лик вдали от нас: видно, трудно ему слышать нас, трудно ему, видно, и довериться нашему зову и воплю и подать нам свою царственную руку помощи, ибо око его царское, так еще недавно глядевшее в Церковь непосредственно через Святейший Синод и руководившееся его церковным разумом и таким же освещением всех церковных дел, теперь почему-то – к величайшему горю России – принуждено руководиться особым, искусственным освещением тех же дел, заимствуемым то в группе первых государственных чиновников, то в группе уполномоченных государственных деятелей, а между тем, как опыт показал, понимание и освещение дел церковных со стороны названных групп ни в какой степени не могут заменить понимания и освещения со стороны Высшего иерархического священноначалия церковного и со стороны разума и верующего сердца самого Помазанника Божия: искусственное государственное освещение функций церковных идет прямо вразрез с вековыми Богоустановленными основами и церковно закономерными свойствами Православной Церкви – этого Всероссийского Светоносного Источника, духовно озаряющего многомиллионную семью верующего народа русского. И неужели основные государственные законы державы Российской так в корне изменены, что Всероссийский Царь-Самодержец не властен уже почему-то сносить с Православною Церковью непосредственно чрез своего уполномоченного слугу – обер-прокурора, а должен подчинить его сначала разным директивам и коррективам Совета Министров и Государственной Думы?! А между тем, посмотрите, ведь Высочайший Двор и Дом Царя земного находится под непосредственным наблюдением и руководством самого Царя; так неужели же Высочайший же и Святейший Двор и Дом Царя Небесного, милостию Божиею поставленный среди великой и святой Руси, среди великого православного народа русского не заслужил и не заслуживает особого и при том непосредственного наблюдения и попечения со стороны самого православного русского Царя?! Неужели это величайшее Небесное Царство – Царство Христово может быть в той или иной мере подчинено группе государственных чиновников и других светских деятелей государственных – часто разноречивых, и хотя благонамеренных и сведущих в государственном отношении, но всегда почти весьма мало преданных благу Церкви и еще менее сведущих в законах и задачах ее благодатной жизни и деятельности? О, величайшее всенародное горе, величайшее общее бедствие переживает теперь Россия и многострадальный русский народ – и нет помогающего, нет спасающего! Присмотритесь ближе, глубже, и вы увидите, что мы переживаем теперь такие экономические, и нравственные, и религиозные условия жизни, какие бывают лишь в эпоху действительного пленения народа верующего каким-либо иноверным или даже прямо языческим народом: в самом деле, наш православный русский Царь и русский народ отнюдь не могут в настоящее время предупреждать и останавливать общее народное горе и общие народные бедствия религиозно-нравственного характера – они могут, повидимому, лишь оплакивать их тяжкие последствия. Вот, например, лишь после возмутительной травли, глумлений, издевательства, всякого рода преследований, клевет, всеобщего позора пред всей Россией, после того как до самой смерти мучительно влачили святого мужа в карикатурах, в сказках, в газетных повестях, статьях и стихах, на частных домашних игрищах и на театральных подмостках, – тогда лишь дорогие останки великого и святого старца, священномученика и богоносца, дорогого

батюшки отца Иоанна Кронштадтского отданы были православному русскому Царю и народу, и в это лишь время как бы слегка смолкло пленившее нас дикое и темное полчище врагов-изуверов; и Царь и народ могли тогда мирно склониться пред гробом святого мужа и в глубокой благоговейной скорби оплакивать его кончину и перенесенные им при жизни страдания и тяжкие бедствия: только в этот момент они могли отдаться единственно для нас родному теперь и общему чувству – чувству горя, скорби и слез: разве это не то подлинное состояние души народа, которое одно вполне достаточно и ярко рисует действительное пленение России дикими и безбожными языческими изуверами нового времени?! Да, так варварски поступило с нашим русским святым мужем пленившее нас новое агарянское безнациональное племя, живущее на Русской Земле, – но выясняется теперь, что точно так же оно готовится поступить и со всею Православною Церковью Российской, – то были лишь отдельные толчки и удары, то были предваряющие предзнаменования, глубоко печальные и возмутительные... Но одновременно с этими ужасными и возмутительными предзнаменованиями безбожные и дикие агаряне нашего времени направили уже густые тучи своих отравленных злобою стрел, густые тучи всякого вражеского огня и дыма против всей Православной Церкви, православно-верующего народа русского и его пастырей. Вот видим мы уже, как снимают они все законные преграды и препоны, направляют на самые основы нашей православной веры и Церкви широкую и мутную волну ересей, раскола, сектантства, языческой философии, перемешанных с наглой критикой, глумлениями, насмешками и издевательствами над всей Православною Церковью. И таким образом уже готов теперь и растет все больше и больше особый вид революционной смуты – смуты религиозной; и в этом же религиозном духе особый революционный натиск или плен агарянский уже теснит народную душу и угрожает ей полным религиозно-нравственным опустошением для цели будущей, какой-либо пьяной русской революции вроде Пугачева или Стеньки Разина. Что же?! Видя и прозревая все это, неужели мы будем долго находиться в своем постыдном бесстрашии и с позорным мужеством будем сносить от своих революционно-кроважидных пленителей и религиозно-нравственных угнетателей все их подлые и гнусные издевательства над нашими священнейшими заветами и святынями нашей отеческой веры и религиозно-нравственной жизни? Да, со скорбью скажем снова: просвета пока не видно вовсе. А между тем бедствие наше и горе народное еще более отягчается тем типично русским среди служилых людей обстоятельством, что наши русские государственные мужи, гоняясь за проведением во всю русскую жизнь исключительного принципа государственного и исключительной закономерности государственной, совершенно не хотят понять и признать возможности и необходимости существования в Православной Церкви особой, ей одной свойственной закономерности: они с непримиримым упрямством стремятся проводить свой властный, чисто государственный принцип закономерности политической и даже полицейской в религиозно-интимные и даже благодатные сферы жизни и деятельности, чисто церковные и религиозно-нравственные: они в этом случае, к великому горю Православной России, сознательно или бессознательно – вернее же, по русско-служилому упрямству своему – объединяются с врагами или действуют по крайней мере совершенно в руку врагов православной веры, врагов русского народа и самого же Русского государства. И взгляните вы – в этом ослеплении и затмении свои люди бьют своих, терзают их, мучают, преследуют. И таким образом в нынешнее время, как и в прежнее, чисто внешнее, революционное время, выявляются все черты смутного или революционного времени, с своей характерной междоусобной бранью и даже кровопролитием в форме тягчайших и мучительных страданий верующего духа и сердца. Итак, по-прежнему “несть мира, несть ослабы, несть успокоения в домах наших, ниже во градах и весех наших...” Саратовский епископ Гермоген».

⁴⁴

«В бытность Вашу в городе Саратове в сентябре месяце прошлого года я обещал Вам доставить сведения о причинах натянутых отношений, установившихся в последние годы губернаторской службы в городе Саратове графа С.С. Татищева между мною и им, и – факты, устанавливающие невинность, так сказать, мою в этих, во всяком случае ненормальных, взаимоотношениях между светской и духовной властями в пределах одной губернии... К сожалению, множество миссионерской работы по епархии и связанный с этим обстоятельством недостаток времени препятствовали мне до сих пор исполнить данное мною Вам обещание. Да и теперь, побуждаемый и даже вынуждаемый к этому распространившимися в Саратове, и вероятно уже дошедшими до Петербурга, лживыми слухами о мотивах оставления графом Татищевым поста Саратовского губернатора, я по необходимости буду краток, отлагая подробное изложение всех обстоятельств дела до более благоприятного времени.

Часть саратовского общества полагает, что граф Татищев ушел из Саратова вследствие того, что будто бы я позволял себе вмешиваться в губернаторскую деятельность графа С.С. Татищева, вторгаться в чуждую и не принадлежащую мне сферу губернаторских действий и распоряжений, якобы нарушал предоставленные губернатору законом права и преимущества, подрывал авторитет его в губернии и вообще будто бы оказывал противодействие графу в указанной ему законом сфере деятельности.

Смею Вас уверить, глубокоуважаемый Петр Аркадиевич, что ничего подобного, что распространяется про меня злонамеренными людьми, я никогда не позволял себе и – думаю – никогда не позволю себе. Я никогда не вмешивался в действия губернатора и его гражданские распоряжения по губернии. Напротив, граф Татищев всегда встречал с моей стороны самое предупредительное и внимательное отношение: в тех случаях, когда, по моему разумению, нужно было оказать помощь графу как губернатору, я всегда оказывал ему, насколько мог, помощь...

К удивлению, такое мое всегда доброжелательное и – скажу прямо – сердечное отношение к графу встречало с его стороны недружелюбное и даже какое-то высокомерно-пренебрежительное отношение ко мне...

Граф С.С. Татищев за время своей губернаторской службы в городе Саратове оказывал положительное противодействие мне при проведении мною в жизнь и осуществлении самых законных и полезных пастырско-церковных мероприятий. Так им, графом Татищевым, не раз и не в одном уезде были запрещаемы религиозно-нравственные и патриотические беседы в церковных школах, несмотря на то, что эти беседы в школах устроались по указаниям и требованиям Училищного совета при Святейшем Синоде. Неоднократные мои обращения по сему поводу к графу Татищеву были оставляемы им без всяких последствий. Кроме того, граф Татищев чинил положительные препятствия к деятельности учрежденного мною Православного Братского Союза русского народа, не только не оказывая поддержки основываемым мною по селам отделам Союза, не только не оберегая членов Союза от травли со стороны злых, порочных и анархически революционных элементов сельских обществ, но положительно выставляя их на посмеяние и насмешки этим элементам.

Было бы долго и, пожалуй, мелочно перечислять все случаи открытого противодействия графа Татищева моим распоряжениям и мероприятиям по епархии; скажу только, что это противодействие графа Татищева моей деятельности – вылившееся к концу его губернаторской деятельности в форму открытой борьбы со мною – велось им не только, что называется, по фронту, но и по всем линиям и завершилось заключительным завещанием его своим сослуживцам и преемникам вести беспощадную борьбу со мною до конца, сделанным им при отъезде его из города Саратова.

Вняв этому завещанию, бывший, как теперь выяснилось, вдохновитель графа Татищева в борьбе со мною, временно исполняющий должность Саратовского губернатора, Саратовский вице-губернатор П.М. Боярский тотчас же, по принятии бразд правления, повел против меня решительную и непримиримую атаку.

Не побывав у меня ни разу, П.М. Боярский 10 января сего года шлет мне бумагу с приглашением меня или моего уполномоченного прибыть в тот же день в Губернское правление на совещание по поводу празднования 19 февраля дня 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости, совещание, устраивавшееся в силу циркулярного распоряжения Вашего Высокопревосходительства.

Не надо быть преувеличенного мнения о престиже архиерейской власти и сана, чтобы понять, что приглашение архиерея, без предварительного переговора с ним, в Губернское правление как простого чиновника есть или невежество, или намеренное желание оскорбить архиерея.

Поняв таким образом бумагу П.М. Боярского, я в тот же день послал ему письмо следующего содержания: "Глубокоуважаемый Петр Михайлович. На письмо Ваше от 10 января сего года за № 5 я нахожу для себя возможным лишь переговорить лично, ибо со стороны Святейшего Синода никаких новых распоряжений о праздновании 19 февраля не было, в письме же Вашем ничего определенного о содержании циркулярного распоряжения министра внутренних дел не сказано, и потому лицу, которое могло бы быть уполномоченным с моей стороны, я никаких определенных указаний дать не могу. Поэтому вновь прошу Вас, глубокоуважаемый Петр Михайлович, посетить меня для личных переговоров по названному в Вашем письме вопросу, тем более что я имею весьма достоверные сведения из среды общества касательно возможных осложнений в отношениях как самого общества, так в особенности молодежи к торжеству празднования 19 февраля".

Еще ранее, однако, этого приглашения П.М. Боярский допустил по отношению ко мне такое действие, которое я не могу рассматривать иначе, как желание вести... завещанную ему графом Татищевым... борьбу со мною. Дело в том, что еще при графе Татищеве у нас возник вопрос о замещении священнической вакансии при церкви Саратовского исправительного арестантского отделения. Так как граф Татищев не был согласен на назначение к этой церкви моего кандидата – священника Казанской города Саратова церкви... а я не считал достойным этого места предложенного графом Татищевым кандидата... рекомендованного графом не в силу личных достоинств и заслуг этого священника, а вследствие родственных связей его с одним из чинов жандармской полиции, то я предложил П.М. Боярскому – уже после ухода из Саратова графа Татищева – избрать на должность священника церкви Саратовского исправительного арестантского отделения кого-либо из наличного состава священников города Саратова, приняв, конечно, во внимание согласие их на занятие означенной должности. В ответ на это мое предложение я получил от П.М. Боярского буквально следующее письмо:

“Ваше Преосвященство, милостивый Архипастырь... уведомляю Ваше Преосвященство, что... мною вместе с сим священник Серафимовской города Саратова церкви... назначен священником Николаевской церкви при местном исправительном отделении, как заявивший отказ от священнического места при Серафимовской церкви”.

В этом письме не знаешь чему больше удивляться: намеренному ли закрыванию Боярским глаз на права архиерейской власти или сознательному желанию его обидеть, оскорбить архиерея. Я не допускаю мысли, чтобы П.М. Боярский не знал, что назначение на священнические места, где бы таковые ни находились, законом предоставлено архиерейской власти... Между строк этого письма я читаю как бы следующие слова Боярского: Вы были недовольны графом Татищевым... Но он поступал с Вами слишком мягко и во всяком случае не так, как бы следовало поступать. Теперь мы уже не будем церемониться с Вами, и вот на первый раз я преподношу Вам этот сюрприз.

Вы видите, Петр Аркадиевич, как безо всякого с моей стороны повода светская власть в городе Саратове в лице бывшего губернатора и нынешнего вице-губернатора намеренно и сознательно вовлекает архиерея в какую-то совершенно неприличную и соблазнительную борьбу ведомств, чтобы потом хотя бы с призрачным основанием говорить: Саратовский архиерей не ужился с одним губернатором, теперь не уживается с его временным преемником, значит, он вообще неуживчивый человек. После всего сказанного о неприязненных отношениях ко мне высшей гражданской власти в городе Саратове – отношениях, являющихся выражением целой строго продуманной системы, будет неудивительно, если и вновь назначенный в город Саратов губернатор – в случае если он проникнется духом и направлением этой системы – будет относиться ко мне по примеру своих предшественников: графа С.С. Татищева и П.М. Боярского, дабы, искусственно вызывая к жизни разного рода инциденты, снова создать конфликт между светской и духовной властями в городе Саратове и тем окончательно установить за мною репутацию неуживчивого архиерея...».

⁴⁵ «Имеющиеся в моем распоряжении сведения об отношениях, установившихся между Вами и Саратовским Преосвященным Гермогеном, – писал П.А. Столыпин П.М. Боярскому, – свидетельствуют о том, что с самого начала вступления после графа Татищева в управление губернией Вы усвоили совершенно неправильный тон в деловой переписке и личных сношениях с Преосвященным. Так, не побывав у епископа ни разу, Вы 10 января сего года письменно пригласили его в Губернское правление на совещание по поводу устройства юбилейного празднования 19 февраля, хотя высокий сан архиерея обязывал Вас отнестись к нему в данном случае с надлежащим вниманием и уважением. Кроме того, Вы, не считаясь с тем, что лишь власти епископа по каноническим правилам принадлежит право определения на священнические места, собственным приказом назначили нового священника к церкви исправительного отделения, тогда как Вам надлежало просить епископа утвердить избранного Вами кандидата. Этим нарушением прерогативы Преосвященного Вы также проявили отсутствие такта и выказали незнание лежащей на Вас, как высшем представителе гражданской власти в губернии, обязанности поддерживать достоинство и авторитет высшего представителя Церкви. Такой образ Ваших действий я вынужден поставить Вам на вид».

⁴⁶ «Наступившая с назначением Целебровского инспектором семинарии заметная перемена воспитательного режима оказалась тяжела для привыкших к вольностям учеников, – писал в отчете ревизор Святейшего Синода, – и особенно для тех из них, которые, отличаясь либеральным образом мыслей, совершенно не сочувствовали задачам и целям семинарского образования; эта перемена, как бы подтвердив в глазах учеников их недоверчивое отношение к самому

назначению Целебровского на должность инспектора, постепенно усиливала начатую с самого начала учебного года агитацию против инспектора среди учеников, которая прежде всего и привела к демонстративной выходке учеников в семинарской церкви 26 сентября. (В этот день в семинарском храме по случаю храмового праздника совершал богослужение сам Преосвященный Гермоген; по его распоряжению молебное пение после литургии исполнялось общим пением всех воспитанников; и вот, когда в обычное время провозглашено было многолетие Святейшему Синоду и епархиальному Преосвященному, ученики ответили демонстративным молчанием (многолетие пропели одни священнослужители); а затем, когда по окончании молебна владыка обратился к ученикам с обличительной речью, по местам в ученических рядах слышалось демонстративное покашливание и шарканье по полу ногами)».

⁴⁷ «Сегодня вспоминаем мученическую кончину дорогого, незабвенного друга во Христе, Алексея Ивановича... Это был отец семинарии по долгу службы своей и истинный пастырь по духу. Ведя вверенное ему юношество к пастырству, он сам проникался всеми дорогими заветами пастырства и недалек уже был от принятия священного сана. Безжалостная и крамольная рука злодея прекратила жизнь его. Со смертью Алексея Ивановича семинария лишилась отца и главного руководителя... Безумная крамольная пропаганда проникла через стены семинарии, посредством лживых и обманных речей нашла среди молодого и неопытного юношества благоприятную почву, создала здесь целую революционную библиотеку и привела, наконец, к этому ужасному событию. Опомнитесь, русские люди, и вы, воспитанники семинарии. Вдумайтесь серьезно в то, что сулит вам революция и что дает на самом деле. Сулит счастье, житейское довольство, материальную обеспеченность, свободу – а несет с собою мрак, кинжал и смерть.

Обещает создать счастье на несчастье других. И наша несчастная семинария, поддавшись лживым и обманным уверениям крамольников, надолго обречена теперь нести тяжелый крест презрения, ужаса, недоверия среди других учебных заведений и в обществе. По тяжести совершившегося в ней злодеяния она заслуживает не только быть закрытой на год, на два года и более, – она должна быть совершенно стертой с лица земли. Не нужно совсем такого учебного заведения, среди которого вырастают... отцеубийцы и матереубийцы... И только Божественное милосердие, щадящее целые города ради нескольких праведников, в них обретающихся, побуждает и заставляет и нас щадить семинарию ради тех немногих, непричастных к убийству своего отца и воспитателя воспитанников. Только искреннее, нелицемерное покаяние и полное исправление в своем поведении воспитанников может сохранить семинарию. К этому покаянию и исправлению я вас, дети, и призываю; призываю, любя, жалея вас, и желаю вам искренно одного блага; призываю, ибо знаю, что не совсем еще улеглась среди вас крамольная буря и доселе продолжает выражаться в грубых отношениях к своим наставникам и воспитателям. Будьте сами на страже своих интересов. Гоните от себя прочь тех товарищей, которые несут с собою смерть вашему учебному заведению; боритесь с этими злодеями и будьте готовы понести за это святое дело даже и страдания. К дружной, объединенной общностью интересов, воспитательной работе призываю и всех наставников семинарии... Нужно постоянно иметь в сознании и то, что если хорошо и благородно умирать за идеи, за политические убеждения, за Родину и Отечество, тем более высоко и свято умирать за заветы Христа и Церкви Православной. Нужно уметь вовремя останавливать всякое проявление своеволия, дерзости и распущенности юношества, как и вообще родителям уметь вовремя прививать своим детям хорошие навыки, религиозное чувство и доброе поведение. Ведь, по существу, проста и несложна наша земная жизнь. Не нужно особых философских систем и размышлений для того, чтобы жизнь эту сделать осмысленной, счастливой и довольной, – нужно просто приучать себя и детей своих к порядку, труду и благоповедению.

Пусть же смерть дорогого Алексея Ивановича послужит семенем возрождения нашей семинарии. Она вскрыла гнойные язвы семинарии. Для этой цели она, может быть, Богом и была попущена. Сам покойный отчетливо сознавал грозившую ему опасность, но служебный долг и вера во всеблагий Промысл Божественный побудили его сказать на мое предложение своей посильной помощи: «Да будет на мне воля Божия». Будем верить, что новые начальники семинарии последуют примеру мученически скончавшегося Алексея Ивановича, мужественно и неустрашимо будут исполнять свой служебный долг и с корнем вырвут революционную гидру из стен семинарии».

⁴⁸ «Мы не можем воспроизвести эту живую речь Владыки в подробности, – писал священник-очевидец, – почему и припоминаем лишь ее главные мысли. Владыка говорил приблизительно следующее. Знаменательно настоящее священное собрание верующих в день сошествия Святого Духа на апостолов. Цель его – объединиться верующим людям, православным пастырям и мирянам, в живую Церковь Христову для защиты ее и веры православной от врагов, ныне

утверждающих, что Церковь Православная отжила свой век, что основы ее подгнили, что она безжизненна, что в ней уже не замечается проявлений благодатной силы Божией. Вина наша в том, что мы недостаточно внимательны к проявлениям благодатной силы Божией чрез пастырей Церкви, в Таинствах и других священных действиях, молитвах, благословениях.

Мы не ведем, к сожалению, таких дневников или записей о проявлениях благодатной силы в наше время во Всероссийской Православной Церкви и в отдельных местных церквях и в приходских общинах наших. И разве только в конце жизни каких-либо подвижников или уже после их смерти вспоминаются и записываются чудесные их дела, совершавшиеся ими по силе Христовой. Не так было в Церкви первенствующей. Там знали и помнили все случаи благодатного действия Святого Духа.

Ныне Церковь Христова, можно сказать, необъятна, но она разделена на отдельные местные Церкви и церковно-приходские общины; члены ее, к прискорбию, не имеют должной любви между собою, почему нам бы и хотелось в день проявления особой любви Божественной к роду человеческому, выразившейся в ниспослании Им Духа Святого на апостолов, объединить православных верующих людей вокруг своих приходских храмов, около своих пастырей для взаимного обмена мыслями по поводу современных церковных событий под руководством слова Божия.

Всякая сила, в том числе и благодатная, должна найти себе приложение. Человек, воспринимая силу слова Божественного, для него написанного, делается причастником этой силы... Примеры святых угодников Божиих доказывают жизненность Церкви Христовой, ее уставов и догматов. Апостолы были первыми свидетелями или, выражаясь научно, первыми точками приложения силы Христовой в основанной Им Церкви, кроме, конечно, сына погибели Иуды Искаротского. Есть и в современной Церкви эти иуды и сыны погибели, которые с презрением относятся ко всему тому, что совершается в Церкви и что проповедуется в ней пастырями и архипастырями. А ведь они проповедают то, что завещано Самим Христом и Его святыми апостолами, что затем утверждено на семи Вселенских Соборах...

Со всех сторон окружена Церковь Христова врагами и предателями. Таковы: еретики, сектанты, безбожники, неверы. И это обстоятельство должно заставить объединиться не только пастырей, но и мирян совокупно с пастырями для защиты ее. При встречах с еретиками и сектантами в общих трудах, на пути, в дороге, защищайте, как умеете, свое достоинство; не оставайтесь равнодушными слушателями хулы их на Церковь Святую. Ценность вашей защиты будет равна подвигу пастырства, ибо Господь ценит не сан и положение, а усердие и исповедничество. Того требует от нас самое время – тревожное, опасное, воинствующее. Не так должны вести себя мы ныне, как в бывшее мирное время, когда каждый спокойно спал и жил под своею смоковницею. Вера – наша сила. Вспомните смутное время в нашей истории. Предки наши только верою своею побеждали врагов. Дом Богородицы воодушевлял их защищать свою страну, а не наоборот. Сохраняя веру, они тем самым были уверены в скорой помощи Божией для сохранения целостности страны, подобно тому как каждый из нас при нападении разбойников на дом постарается прежде всего спасти от насилия не имущество свое, а родителей и детей.

Ради одних политических целей – спасения хотя бы своей страны – не следует дружить и сближаться с безбожниками, еретиками и сектантами. Иначе не только не спасем страны, а потеряем и самую веру, как это мы видим на примере Франции – этого гниющего трупа – развращенной и безбожной, которую не в состоянии уже спасти ни Жанна д'Арк, ни весь сонм духовных и нравственных подвижников этой несчастной страны. До какой степени пала Россия и уклонилась она от веры в безверие, мы не знаем, но глубоко верим, что возможен еще для нее поворот и возврат к вере отеческой, вере православной. Есть еще у нее сила, способная ее возродить и объединить в одно тело, это – Церковь Христова, это – святая вера православная...

Если бы даже и у нас в России было уже то самое, что и во Франции, то и тогда не все еще для нее потеряно, ибо, во-первых, объединившиеся под покровом Церкви православные люди представили бы такую могучую благодатную силу, которая в состоянии была бы спасти ее от конечной погибели; во-вторых, Россия в случае гонения на святую веру выдвинула бы, несомненно, целый сонм мучеников, кровь которых была бы семенем возрождения России, и, в-третьих, не оставила бы ее благодатная сила и помощь, хотя бы ради немногих праведников, в ней оставшихся... Сразу хоронить Россию, не бороться с современным ядом неверия и безбожия было бы ошибочно и пагубно. Нужно объединение духовное, религиозное, церковное для спасения России. Нужно объединение для самовоспитания и совершенствования, нужно оно особенно и для нашего спасения. Во время эпидемии неверия нужно быть так же осторожным, как мы бываем осторожны во время какой-либо болезненной эпидемии. Но это объединение

должно быть непременно под покровом Церкви Православной и объединять оно должно людей, одинаково верующих непременно во все то, что возвещено нам Спасителем, Его святыми апостолами и что утверждено семью Вселенскими Соборами... Все политическое должно быть чуждо сему собранию. Не может быть членом его и тот, кто, хотя именует себя православным христианином, однако выражает, например, сомнение в необходимости догматов или отвергает какую-либо часть православного учения, например, вечность мучений, троичность Лиц во Едином Боге и прочее...».

⁴⁹ Общество диаконисс получило широкое распространение в XIX веке в Германии стараниями лютеранского пастора Т. Флиднера. К началу XX века в Германии существовало восемьдесят общин диаконисс с общим числом до двадцати тысяч человек. [Подробнее об этом см.: Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995; в статье А.В. Постернака «К вопросу о присвоении сестрам обители звания диаконисс». С. 225-233.]

Пытаясь не только возражать и протестовать против того, что считал неправым, епископ Гермоген предоставил свою аргументацию в письменном виде. Он писал: «Таким образом, женам и девам, выразившим одно видимое желание или обещание быть всю жизнь диакониссами, уже присваивается наименование “диаконисс по одеянию”: никаких других обетов, например духовно-нравственных, духовно-аскетических, вовсе не требуется. Но ведь почти “вся жизнь”, о которой упоминается в постановлении, находится в полном и безусловном распоряжении самих желающих быть диакониссами по одеянию. В самом деле, согласно уставу “обители милосердия” от новочинных диаконисс требуют лишь одного обещания служить обители, исполнять обязанности сестер милосердия, просвещения и т.п. – словом, требуется одна лишь внешняя – видимая сторона служения, именно: благотворение, врачевание, просвещение. А где же личные желания и чувствования? Где же вся остальная огромная часть души, все тело, вся остальная жизнь?.. Все это, очевидно, предоставляется безобразному хаосу собственных, чисто личных, ничем не удерживаемых стремлений плотских и душевных, а вследствие этого посвященная Богу часть души и жизни должна висеть над бездной страстей и предоставлена быть неверным стихиям...

Никогда православное истинно церковное посвящение души и жизни человека на служение Богу не знало и не допускало такой зыбкости, такой поистине стихийной бесформенности и беспочвенности...

Но скажут: ведь есть же устав обители милосердия, и он утвержден Святейшим Синодом; я прибавлю, что и устав “общества хоругвеносцев”, уставы различных благотворительных и просветительных братств благословляются и утверждаются церковною властью, также и уставы странно именуемого “сестричного братства”, “общества сестер просвещения” и т.д. и т.д.

Но неужели же по этому одному признаку, например, и благотворительный “братчик”, и “братчик сестричный” должны быть удостоены сана диаконисского, если они просто лишь пообещают, по возможности, всю жизнь пребыть в принятом служении?!

Где же гарантия “непорочности” служения, где внутренняя непререкаемая дисциплина и строгий соответственный порядок?.. Нет, внутренняя и внешняя животворная дисциплина Святого Тела Христова – Церкви не может освоить и сроднить с собою никаких бесформенных и безобразных, хаотических начал мирских, хотя бы и заключающих в себе благие намерения и стремления; они должны быть всецело претворены, мирские их элементы – плоть и кровь – должны быть во всей полноте своей осолены, освящены и повиты, как младенец, пеленами строгих священных обетов перед Богом и Церковью, и тогда только испытанная и избранная душа облекается в священно-церковный сан, будет ли это мужчина или женщина, – разница лишь в степени приближения их к алтарю Господню; и почему, в самом деле, женщине, в противность Православной Церкви, ее духу и правилам, стремятся навязать какой-то бесформенный, хаотический вид посвящения себя Богу?.. Нет, Святая Православная Церковь и женскую душу, стремящуюся к Богу, возносит и ставит как бы непосредственно перед лицом Самого Бога (во святилище пред алтарем); здесь Благодатная Святейшая Мать – Церковь собирает и объединяет разрозненные и рассеянные жизненные силы избранной, связывает, укрепляет, точно бронировывает их священными обетами полного и всецелого самоотвержения – в обетах девства, чистоты, безграничного послушания и смирения, освящает наитием Святого Духа, и душа, как готовая могучая ладья, имея руль заповедей, парус послушания, якорь веры и другие святые и спасительные качества и силы, небоязненно и безопасно шествует средь бурных волн безбрежного житейского моря, совершая служение Богу и ближним от имени Самого Бога и Его

Святой Церкви; она чувствует радостный долг “приметаться” в часы свободные от труда всегда при святилище Божьем, как юная трепетная отроковица, посвященная Богу...

В противоположность этому строго церковному, могучему и Божественному чину и способу служения Богу и ближним, все иные виды, вроде различных братств, сестер просвещения, сестер милосердия и т.п., хотя и переполнены бывают благими святыми начинаниями и задачами, но при этом весьма много оставляют свободы для личной самости, личных намерений, желаний, планов и т.п. И в этих, как вода, изменчивых условиях утлая ладья души без руля и без ветрил невольно и скоро подвергается неизбежной опасности гибели и исчезновения, и никакие молитвословия, ни святительское рукоположение при вступлении в мирскую обитель, ни молебны, ни скорое возложение крестов на перси юных дев, ни временный самочинно и своеобразно составленный устав обители и проч. – ничто не удержит, не спасет “рассвирепевшую” самость, если она не связана была обетами бесповоротными... истинными, если не была освящена и запечатлена благодатью Святого Духа...

Поэтому Святая Православная Церковь, желая направить энергию и силы женской души всецело на служение Богу, Святой Церкви, страждущему человечеству, издревле подвергала эту душу должному и долгому испытанию, на перепутье ее подвига она освящала и благословляла ее святительской молитвой, предварительно связывала обетом чистоты хранимого ею девства, облакала в особое одеяние – как внешний знак будущего всецелого посвящения души и тела на служение Богу и ближним от имени Самого же Бога и Его Святой Церкви, – и только лишь после долгого испытания, в пожилом уже возрасте (в 40-60 лет или немного раньше по усмотрению епископа) дева или женщина, бывшая один раз замужем, желающая служить Богу в церковном сане диакониссы, была приводима к алтарю Господню, изрекала здесь пред Богом обет девства на всю жизнь, до своей смерти и тогда через архиерейское рукоположение наитием Святого Духа посвящалась в сан и именовалась диакониссой. Как один единственный (а не двоякий) был сан диакониссы, так и один единственный был литургический чин их постановления и посвящения: “Един Диаконисс чин к Церковному потребен был”... (Св. Ипполит о преданиях апостольских, 7 и 8).

О том, что был один единый, а не двоякий или троякий сан диаконисс, свидетельствуют канонические правила святых Вселенских Соборов: IV Вселенский Собор правило 15, VI Вселенский Собор правило 14 и 40 и святителя Василия Великого 18 правило.

19 правило I Вселенского Собора, с толкованиями Занары, Вальсамона и Аристина, указывает на павликианских девиц, которые, однако, в Церкви Православной сопричислялись с мирянами. Таким образом, диаконисс, не испытанных предварительно долгим искусом, не дававших обета девства и чистоты и не посвященных архиерейским рукоположением пред алтарем церковным, вовсе не было никогда в Православной Церкви. Даже те девы, которые приходили в Православную Церковь от павликианской ереси, где от еретиков они именовались “диакониссами по одеянию”, все-таки, очевидно, давали обет чистоты, носили особое одеяние и готовились к принятию сана диаконисс по достижению надлежащего возраста; однако, сих дев, как не получивших рукоположения, Собор сопричисляет с мирянами. А сестры Марфо-Мариинской общины, являясь во всех отношениях совершенно мирскими, вовсе не дающие предварительного обета хранить чистоту, тем более вовсе не желавшие и впоследствии дать обет девства на всю жизнь и быть посвященными архиереем по древнему чину пред алтарем церковным, желают именоваться диакониссами. Устав Московской обители милосердия “почти совершенно тождествен с уставом” “сестричных братств”, “общин просвещения” и т.п., “отнюдь не заключает в себе ни малейшей попытки применения канонических правил и установлений к потребностям практической жизни, что могло дать повод, хотя бы рассматривать” “обитель милосердия” как корпорацию, сплошь состоящую из девиц и жен, правильно и сообразно с каноническими правилами готовящихся к принятию сана по достижению полного возраста; тогда бы такую обитель можно было бы наименовать “обителью православных церковниц”; но нынешний устав “обители милосердия” вовсе не дает для этого никаких оснований, так как вовсе для сей цели он не приспособлен, не разработан. Правда, это учреждение, по-видимому, является довольно благочестивым среди мирского общества, но оно же, повторяем, по организации своей и уставу совершенно подобно “сестричному братству”, “общинам просвещения”, “общинам милосердия” и т.п.; и таким образом, если сестрам “обители милосердия” присвоить наименование диаконисс, то почему же не могут претендовать на это наименование и “сестры” всех возможных “общин”, “братств” и т.п. ...И удивительно, что канонический, строго церковный чин диаконисс, ни одним соборным правилом не измененный, ни тем более не запрещенный,

почему-то считают невозможным сейчас восстановить, а, напротив, не канонический, а прямо еретический чин учреждается вопреки православных канонов?..

Ввиду изложенного, глубоко и искренно смиряясь пред Святейшим Правительствующим Синодом, как пред моим... иерархическим начальником, я вынужден, однако, был – истинно скажу – со слезами на глазах сделать надпись на протоколе Святейшего Синода: “Постановление признаю противоканоническим; особое мнение представляю на благовоззрение его Императорского Величества”. И воистину молю его Императорское Величество рассудить в нашем деле церковном и защитить благотворные и законные церковные установления, так как он, Самодержец, является “верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви Святой благочиния” (64 ст. Основн. Зак. т. 1. ч. 1, изд. 1906 г.). Он же, Великий Государь, и в рескрипте своем на имя первоприсутствующего члена Святейшего Синода, Высокопреосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского от 27 декабря 1905 года, благоволил выразить свою волю, чтобы некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви произведены были на твердых началах вселенских канонов для вящего утверждения православия”.

В двух моих докладах и в сем “Особом мнении” тщательно, по возможности, выяснена и вполне доказана мною полезность и даже необходимость восстановления чина диаконисс на строго канонических началах; и было бы крайне желательно дабы вопрос этот был вновь всесторонне рассмотрен в Святейшем Синоде» // РГИА. Ф. 796, оп. 209, д. 2565, л. 291-297. Подчеркивания в документе сделаны епископом Гермогеном.

Сама великая княгиня Елизавета Федоровна в тот же день, когда Император наложил резолюцию на доклад обер-прокурора Святейшего Синода по этому вопросу, в письме к нему невольно полностью подтвердила правоту епископа Гермогена. Ее желанием и было создание внутри Русской Церкви особой благотворительной организации с различными отделами, которая была бы и не монастырем, и не мирской организацией, что и было создано лютеранским пастором Флиднером; это ввело бы в Православную Церковь неканоническую организацию, хотя и подразумевающую благотворительную деятельность, но не имеющую попечения о самом главном, о душах тех, кого она опекает, и тех, кто опекает.

Великая княгиня Елизавета Федоровна писала Императору: «Ты понимаешь, для чего мы просили именование “диакониссы”, что по-гречески означает “служительницы”, а именно служительницы Церкви – для того, чтобы как можно яснее обозначить наше положение в стране как органа Православной Церкви, и когда замечания Гермогена были опубликованы в газетах, он бросил сильную тень о подражании протестантизму на нашу деятельность, на деятельность, которая проходит под непосредственным руководством нашего митрополита и при постоянном прямом контакте с епископами. Старцы из самых разных очень строгих монастырей и “пустынь” приезжали в нашу “обитель”, и мы имеем их молитвенную поддержку и благословение. Жаль, что Гермоген, прежде чем бросить несправедливое замечание в адрес нашей деятельности, вначале не ознакомился с ней. Теперь относительно замечания о том, что мы должны быть в полном виде “рукоположенными” диаконами”, – это также не было обязательным в древней Церкви, поскольку “посвященные” сестры “по одеянию” существовали именно как живое “trait d’union” [связующее звено (фр.)] между Церковью и народом – это то, что сейчас так востребовано, и ты видишь, что Святейший Синод почти единогласно поддержал наше прошение как прошение об абсолютно желательном учреждении и органе, в котором Церковь сейчас остро нуждается. Поставление в “великих диаконисс” могло бы производиться, если это будет абсолютно необходимо, из первой, низшей категории. Я была настолько уверена, что ты знаешь все эти детали и согласишься с 8-ю голосами, что я написала только в последний момент, когда до моего слуха дошло, что якобы я колеблюсь. Конечно, я ни разу не подумала протестовать, я только хочу, чтобы ты узнал мое мнение. Аликс сказала в качестве одного из аргументов: “Св. Олимпиадой руководил св. Иоанн Златоуст”, но должны ли мы дожидаться некой святой Олимпиады и еще одного мудрого святого в качестве ее руководителя? Это была бы снова частица рая на этой земле, но ведь иногда смирением, ничего не значащим существом Бог позволяет работать в Свою славу и для Своей Церкви, и их деятельность процветает по молитвам Его служителей и паломников, которые обретают утешение, и страдальцев, которые обретают покой, – разве это не так, дорогой! Вот простая женщина, которая искренне не мнит о себе, что она что-то значит, а имеет большое стремление и любовь к Церкви, и которая начинает свою работу и находит группу мудрых руководителей. Кажется, что польза, которую мы могли бы принести – невелика, но, наверное, Церковь должна поддерживать нас и не бросать и, к счастью, большая ее часть это делает. Аликс находит [положение] нашего Сестринского дома абсолютно ясным, впрочем, это

как раз то, в чем я не совсем с ней согласна, и все же, я надеюсь, поскольку наш “чин посвящения” утвержден некоторое время тому назад Святейшим Синодом, что мы, вследствие этого, займем прочное положение и что нас ясно и открыто утверждают перед страной в качестве церковной организации – организации Православной Церкви, – большего я не желаю. В любой день можно умереть, и мне было бы жаль, если такой тип обители – не совсем монастырь, и, безусловно, не простая светск<ая> община – будет изменен. Люди, простые и бедные, когда их посещают мои сестры, слава Богу, принимают их хорошо и называют “матушками”. Это большое утешение, что они чувствуют наше монастырское основание. Все наши службы – в монастырском стиле, вся наша работа основана на молитве. Итак, надеюсь с терпением и по молитвам других, что наша скромная “обитель” будет процветать, и когда состоится “Собор”, мы сможем представить им работу, которую они единодушно поймут. Многие другие хотят присоединиться к нам и открыть маленькие “отделы”, и мы ожидали нашего утверждения в качестве “диаконов”. Ну, посмотрим, Бог поможет, потихоньку и без робости мы будем работать. “Работай, и Бот будет соработать тебе”. Молись ты тоже за нас, дорогой, чтобы мы могли оказывать помощь твоей Церкви и утешение страждущим, ибо это является целью нашей жизни, полной молитвы и труда». Письмо написано на английском языке, подчеркивания в письме сделаны великой княгиней Елизаветой.

Настаивая на введении в Русской Церкви протестантского учреждения, Елизавета Федоровна вряд ли могла это и осознать, потому что и протестантское мышление, и положительная оценка многих явлений исконно протестантской традиции, в которой она была воспитана, были для нее вполне естественны – неоткуда было и появиться прочной религиозной основе, имеющей своим источником православие, чтобы все это переоценить, не было в то время ясного канонического православного критерия, с помощью которого можно было бы произвести оценку протестантской традиции, тем более что эта разница может быть выражена не только в догматических формулах, но и в применении их, формируя разные традиции – в духовной, психологической и бытовой плоскостях. Можем ли мы сказать, что приходящий в Церковь от язычества или от безбожия человек сразу же изменится? И не будет ли он еще некоторое время опираться на суждения, имеющие корни в его языческом или безбожном прошлом? И какие еще его труды и помощь Божия ему потребуются, чтобы преобразиться в христианина? Но даже и ему это сделать легче, чем приходящему от инославных заблуждений, так как здесь волей-неволей человек будет оценивать многие явления своей прошлой жизни, внешне связанные с христианством, как положительные, а следовательно, и трудно преодолимые для их изжития.

Одним из существенных аргументов, с точки зрения великой княгини, было одобрение ее проекта теми епископами, которым она рассказывала о планируемом ею учреждении, а также поддержка ее начинаний митрополитом Московским Владимиром, как она писала об этом: «Мы благословлены нашим митрополитом, который, конечно же, знает нашу жизнь».

Трудно предположить, что митрополит Владимир не был в курсе того вопроса, о котором говорит епископ Гермоген, или, общаясь с великой княгиней, не знал ее религиозных настроений. Вероятно, в данном случае проявилось обычное в человеческом обществе лицеприятие, весьма досадное, когда оно сказывается в вопросах церковных: не будь Елизавета Федоровна великой княгиней, вряд ли митрополит Владимир стал бы и вникать в этот вопрос. Не сделал он и попытки показать ей, что некоторые ее пожелания имеют своим источником иную, не православную традицию, вероятно рассуждая так, что взрослого человека кардинально уже не изменишь.

Восемь архиереев из десяти – членов Святейшего Синода – по разным и, вероятно, вполне благопристойным соображениям и чувствованиям оказались едины в одном – в безразличии в данном вопросе к интересам Церкви при разрешении неожиданно возникшего, но такого важного вопроса, как введение в Православную Церковь не предусмотренной ее канонами организации.

⁵⁰ Григорий Распутин в воспоминаниях современников. М., 1990. С. 52-53.

Впоследствии появилось много домыслов, искаживших происшедшее на встрече епископа Гермогена с Распутиным, но воспоминания очевидцев, написанные сразу вслед за событиями, говорят, что события развивались именно таким образом, как о том пишут Бадмаев в письме Императору и иеромонах Илиодор в январе 1912 года.

Впоследствии Илиодор будет излагать события, значительно приукрасив их собственной фантазией.

⁵¹ Епископ Гермоген был уволен от заседаний в Синоде за то, что сделал нелюбезное внушение Распутину, потребовав от него клятву, что он не будет посещать царскую семью и тем самым подрывать авторитет монархии и вмешиваться в государственные дела. Императрица, действуя через мужа, потребовала удаления епископа Гермогена из Санкт-Петербурга в Саратов. Обер-прокурор Саблер и послушные ему члены Синода сформулировали официально-приличную

причину удаления епископа Гермогена, сославшись на его особое мнение по поводу диаконисс и чина отпевания инославных, а затем на обращение епископа Гермогена к Императору, чем якобы подрывался авторитет Синода. Перед Саратовской паствой епископ Гермоген оказывался, таким образом, неправомыслящим относительно церковных вопросов, обсуждавшихся в Синоде. Прежде чем уехать в епархию, владыка пожелал объясниться перед паствой относительно происшедшего. Поскольку постановление Синода было опубликовано, то и епископ ответил публично, через газеты. Поясняя существо дела, он был вынужден назвать и настоящую причину своего увольнения (и то уже после того, как об этом стало известно от других) – обличение Григория Распутина в распутстве и хлыстовстве. Так он понимал свой долг в защите интересов Церкви. Вероятно, примером ему послужили обличения Предтечей и Крестителем Господним Иоанном царя Ирода за Иродиаду и святителем Московским Филиппом – царя Ивана Грозного за беззакония. Епископ Гермоген обличил авантюриста Распутина, чье влияние, как показало ближайшее будущее, на кадровые перемещения в правительстве, от которого зависели судьбы миллионов людей, становилось все более и более значительным. Во всех этих случаях обличение власть предержащих не привело к переменам, обличаемые не переменили нрава, а обличители стали исповедниками. Однако и вся христианская жизнь – доколе она существует в рамках лежащего во зле мира – держится на исповедничестве – и в семье среди своих близких, и на государственной службе среди подчиненных или начальствующих.

⁵² Впоследствии, уже после отставки Саблера в 1915 году, хорошо осведомленный в церковных делах протоиерей Иоанн Восторгов писал о нем: «Предоставим будущему дать оценку отрицательной работы г. Саблера в области церковного управления. Теперь приведем на справку лишь главное и существенное для оценки той позиции, которую он занимал в последние годы. Прежде всего г. Саблер в 1905 году слишком ясно показал свою двойственность, столь опасную в вопросах принципиальных вообще, а в церковных в особенности, которая не обещала ничего утешительного в деятельности его на посту г. обер-прокурора. В начале 1905 года, во время болезни К.П. Победоносцева, которому г. Саблер обязан решительно всей своей службою и своим возвышением, исполняя в качестве товарища должность обер-прокурора Святейшего Синода, г. Саблер неожиданно повел свою личную линию в сторону приспособления и уступок в делах церковных якобы общественным течениям, а на деле – планам и намерениям графа Витте. Именно г. Саблер, а не иной кто, тогда согласился на обсуждение дел Церкви, помимо Святейшего Синода, в Комитете Министров; он тогда дал свое согласие от имени ведомства на умаление прав и положения Православной Церкви в России, на упразднение духовной цензуры. Он же потом устроил заседание Святейшего Синода не в Синоде, а на квартире одного иерарха, подписал и пропустил определение о созыве всего через два месяца Собора и учреждении патриаршества. Ни правые, которые жаждут Собора и канонического строя Церкви, ни левые, для которых Собор нужен менее всего в целях церковных, однако, не верили г. Саблеру и, как оказалось впоследствии, не верили совершенно справедливо, ибо, когда переменились обстоятельства, ушел Витте, отшумела революция, – г. Саблер говорил и действовал совершенно вразрез тому, о чем он заявлял в свое время в Комитете Министров, а в бытность обер-прокурором он только задерживал осуществление вопросов о Соборе, о реформе Высшего церковного управления, о приходе...

В годы смуты, царившей в России и требовавшей борьбы с элементами государственного разрушения, г. Саблер путешествовал по Европе и осматривал разные безобидные в принципиальном смысле филантропические учреждения, имевшие целью “мирную борьбу” с социализмом, увы, не в России, а во Франции, Италии и Бельгии. Жизнь церковная в это время подвергалась всевозможным экспериментам. Сменились одни за другими в короткое время пять обер-прокуроров Святейшего Синода; занимали этот пост иногда лица, лично достойные, но совершенно не знавшие ведомства. Жизнь церковная естественно шла ненормально; без справок и счетов с прошлым делались назначения и распоряжения.

Вот почему, когда четыре года тому назад последовало назначение г. Саблера на пост обер-прокурора Святейшего Синода, добродушные русские люди как-то забыли прошлое, и многие приветствовали это назначение, видя в Саблере человека, прекрасно знающего ведомство, знающего прошлое и личные качества каждого архиерея, каждого чиновника... Насколько велики были надежды на г. Саблера видно из того, что выдающийся из архипастырей архиепископ Антоний, ныне Харьковский, в ответ на извещение частных лиц о назначении г. Саблера, отвечал телеграммой: “Людие Божии святи, веселимся божественне”, а епископ Гермоген, тогда Саратовский, писал: “поздравляю себя и Церковь со Владимиром первой степени”. Этим ожиданиям вполне соответствовали и первые заявления г. Саблера по вступлении его в

должность. При приеме служащих в канцелярии Святейшего Синода чиновников г. Саблер указал девиз свой: “Церковь-Мать возвеличить, а себя умалить”; в Государственной Думе он заявил, что мечтает дожить до времени “погребения обер-прокурора”, т.е. упразднить или совершенно изменить положение и самое имя обер-прокурора.

За четыре года пребывания в должности обер-прокурора г. Саблер сумел сделать одно: он разбил все надежды, обманул все ожидания. Архиепископ Антоний едва ли теперь пожелает продолжения той оттяжки решения всех жизненных вопросов церковной жизни, которую занимался г. Саблер, и замены живой работы одними словами и обещаниями г. Саблера и устройством лично угодных ему своих любимцев на те или другие должности, а Жировицкий затворник епископ Гермоген, едва ли теперь не поздравит себя и Церковь с давно жданным уходом г. Саблера от полновластного управления церковными делами. Власть обер-прокурора за эти четыре года г. Саблер довел до полной гипертрофии, простирая ее решительно на все мелочи жизни, включая до назначений на диаконские и псаломщические места в епархиях, – факт совершенно невероятный...

Церковь именно не возвеличена, а умалена при г. Саблере, особенно бесконечными, совершенно ненужными с точки зрения пользы Церкви переводами епископов, которые по временам принимали характер какой-то болезненной мании. Постановления многолюдного Предсоборного присутствия были переданы в учрежденную г. Саблером Предсоборную комиссию, очень малолюдную, сначала что-то делавшую, а потом и совсем умолкнувшую, но заседавшую с непременным участием г. Саблера в каждом заседании. Постановлением нескольких комиссий по пересмотру уставов и программ духовно-учебных заведений тоже с крайнею поспешностью переданы были г. Саблером новой малолюдной комиссии, в глухую летнюю пору, во время так называемого малого Синода, в отсутствие всех митрополитов. Но и это дело потом остановилось и теперь стоит без движения. О Соборе Россия услышала от Саблера в своем знаменитом заявлении в Государственной Думе: “Мы не против Собора”, – и так осталось в недоумении, кого надо разуть под словом: “мы”... О законе Россия услышала в Государственной Думе от Саблера тоже историческую фразу: “Мы, по возможности, исполняем закон”, – и тоже осталось в недоумении, кого надо здесь разуть под словом “мы” и кто же, в сущности, определяет рамки этой “возможности”. Впрочем, лица, близкие по служебному положению к делам Церкви, отлично видели и знали, что мерою этой возможности являлся один г. Саблер. Вот яркие примеры. Два года собиралось междуведомственное высочайше утвержденное Совещание об удовлетворении духовных нужд русских переселенцев в Сибири; в нем участвовали не только представители от Святейшего Синода, но в гораздо большем числе представители Министерства Внутренних Дел, Путей Сообщения и в подавляющем числе членов представители ведомства Землеустройства и Земледелия – более всего и осведомленные в деле, и заинтересованные им. Казалось бы, эти лица не подчинены г. Саблеру. Не делая журналов, и постановления этого междуведомственного и высочайше утвержденного Совещания г. Саблер без всякого стеснения изменял и переделывал по своему личному усмотрению: часть постановлений вносил в Синод, притом в измененном виде, а часть совсем опускал и вычеркивал... Всего характернее то, что все это делалось исключительно для того, чтобы не допускать к делу тех или других лично г. Саблеру неугодных лиц...

Дело открытия монастырей в Сибири, на Дальнем Востоке, начатое инициативой Дальневосточного Комитета, высочайше утвержденного, определенное и намеченное в подробностях специальным постановлением Святейшего Синода, было остановлено единоличным распоряжением г. Саблера, и опять по тем же личным мотивам, без всякого соответствующего решения тех инстанций, которые начали и вели это дело. Таким разрешением дела г. Саблер отнял народным лицам. По тем же мотивам и целям высочайше утвержденного Положения о Министерском Совете при Святейшем Синоде два года фактически не приводилось в исполнение г. Саблером, за эти два года – факт прямо невероятный – г. Саблер в Государственной Думе при обсуждении бюджета ссылался на этот, на деле не существующий Совет как на существующее учреждение. Результатом было полное падение при г. Саблере монастырского дела. Характерно при этом то, что г. Саблер в официальном журнале именовался наряду со званием “кормчего Церкви” и “испытанным другом миссии”. Приходской вопрос был при г. Саблере совершенно остановлен. Пенсии служащих в духовно-учебных заведениях прошли в Государственной Думе не благодаря содействию, а вопреки противодействию г. Саблера, и лицо, согласившееся от имени Синода в Бюджетной Комиссии Государственной Думы на условия, указанные для принятия таковых пенсий (совершенно справедливые), подверглось от г. Саблера ожесточенным преследованиям и получило от Саблера имя “предателя”. Вопрос о жаловании

приходскому духовенству затормозился исключительно благодаря г. Саблеру и, если бы не это обстоятельство, давно бы прошел в Государственной Думе в благоприятном направлении. В сущности, ни одного из назревших вопросов церковной жизни г. Саблер не двинул и не разрешил. Вопросы, казалось бы чисто церковные, например о прославлении мощей святителя Ермагена, на вскрытие шли под спудом, о составлении ему службы и акафиста, о построении и освящении первого храма в честь его – испытывали властное, личное, прямо непостижимое вмешательство г. Саблера, а главное, менялись по его указаниям и настояниям то в одну, то в другую, совершенно противоположную сторону. Вопрос чисто церковный – об имябожниках г. Саблер вел в такой явной двойственности – в Синоде с одной стороны, в Москве – с другой, что именно вследствие такой двойственности он грозит вспыхнуть с новой силой и в очень острой форме по окончании войны. Такая же двойственность наблюдалась и в других подобных вопросах. Между тем справедливость требует сказать, что г. Саблер отличается большою трудоспособностью и необычайною для его 73 лет подвижностью и живостью и такою самоуверенностью, что казалось, он готовил себе обер-прокуратуру в Святейшем Синоде по крайней мере на сто лет вперед.

Где же причина полного бесплодия всей его деятельности? Причин этих много. И прежде всего все четыре года г. Саблер только боролся за свое личное положение и всеми способами старался его сохранить. Далее – это необычайный субъективизм г. Саблера. Все, что не им сделано и начато, пользовалось его нерасположением, иногда какою-то... ненавистью. Надо было поэтому все переделать по-своему, на все наложить свою личную печать, переместить всех архиереев и даже курьеров Синода; надо было перерешить и все вопросы, до него начатые. Отсюда, это понятно, переиначить и исправить постановления о Соборе, о церковном управлении, о духовно-учебных заведениях, о Консистории, о приходе, о переселенческом деле, о Миссионерском, прежде существовавшем Совещании при Синоде и т.д. А так как все перерешить и переделать самому просто физически нельзя, то отсюда система бесконечных оттяжек, фраз и обещаний. А живое дело, живая жизнь, живая Церковь приносились в жертву личному самолюбию.

Можно выписать параллельно за три года объяснения г. Саблера в Государственной Думе при обсуждении бюджета, и мы увидим удивительное явление: почти в одних и тех же словах одни и те же обещания, и кроме обещаний – ровно ничего. Тот же субъективизм Саблера сказался и в управлении: раскройте за его время официальный орган Святейшего Синода “Церковные ведомости”, и вы увидите бесконечные перемещения, назначения, а главное, награды и награды, сыпавшиеся без счета, к сроку и без срока: это г. Саблер выдвигает и продвигает симпатичных ему лиц, начиная от служащих в его собственном имении Тульской губернии, или отстраняет лиц ему несимпатичных. Все счета, оставшиеся у него от времени, когда он был товарищем обер-прокурора, и особенно в годы, когда он был не у дел, – все счета были сведены, и все лица, которые так или иначе не соглашались с г. Саблером в вопросах церковного управления, если бы это было простое обсуждение этих вопросов в печати или только предполагаемое г. Саблером осведомление ими других лиц, пишущих в газетах, все такие лица неизменно получали систематически обдуманые удары по своему служебному положению, если они были в ведомстве Святейшего Синода. В ответ же на указанные недостатки или злоупотребления и вообще на критику тех или других действий г. Саблера, получалось не расследование указанных неправильных действий и не опровержение сообщений, а настойчивое требование чрез подлежащую власть денежных штрафов с газет и конфискации книг...

Награды и кары были так необъяснимы и непонятны с точки зрения простой человеческой справедливости, что они буквально по всей России вызывали самые неожиданные и невероятные для положения министра предположения и объяснения, и даже действия...

Не осведомленная в делах церковного нашего управления, наша печать и так называемая больная публика очень часто склонна осуждать здесь самый Святейший Синод. Но мало кто знает, что внесение тех или других вопросов для обсуждения в Святейший Синод – “предложение их” зависит исключительно от единоличного усмотрения г. обер-прокурора; журналы заседаний Святейшего Синода могут быть даны членам Святейшего Синода для подписи только после разрешительной подписи обер-прокурора: “Читал”, т.е. по единоличному же разрешению обер-прокурора; мало того, и самое исполнение журналов, даже всеми подписанных, только тогда осуществляется, если обер-прокурор сделает на журнале надпись: “Исполнить”, т.е. опять только по его единоличному решению.

Самое избрание членов Святейшего Синода, вызываемых на зимнюю и летнюю сессии, если официально утверждается высочайшею властью, но предварительно проходит опять-таки через обер-прокурора.

При таком положении дел осуждать Святейший Синод за какие-либо административные действия, совершенно несправедливо и невозможно. И нужно сказать, что ни один обер-прокурор так полновластно не пользовался этим положением, как г. Саблер. Только там, где он не имел власти, он проявлял удивительную и ненужную уступчивость – это в бюджетных комиссиях Государственной Думы... Такую же уступчивость явил г. Саблер в самое последнее время, после начала войны и в суждениях в Совете Министров по вопросам жизненным и важнейшим для Православной Церкви... Не можем не сказать и о том, что нерусское имя и нерусское происхождение г. Саблера все-таки невольно сказывалось в его деятельности. Мы далеки от мысли упрекать его в нерусских тенденциях. Он старался, напротив, казаться ультраславянином и ультрацерковным. Но у наших людей инстинктивно и бессознательно вырабатывается какое-то нерасположение к тем лицам и деятелям, у которых русское национальное чувство и церковность православия проявляются особенно ярко и резко. Таким лицам тяжело жилось при г. Саблере... и наоборот, инородцы или люди вообще с нерусским происхождением в прошлом... старательно выдвигались г. Саблером по службе и пользовались его расположением. Это не могло не производить справедливого недовольства во многих.

Уход г. Саблера будет встречен с чувством всеобщего удовлетворения, это несомненно...»

⁵³ Распутин не отрицал свою роль в деле увольнения епископа Гермогена, сделав по этому поводу публичное заявление корреспондентам газет: «Вот сколько на меня нападают за епископа Гермогена... говорят, что я его враг... Какой же я могу быть враг такому большому человеку?... Разве может быть равная борьба?... Я только говорил друзьям [Имеется в виду Императорская чета] всю правду... К словам моим прислушались, так как в них была правда... А сколько ни кричи, к правде всегда прислушаются... Ее сколько ни гони, все равно выйдет наружу... Ложь велика, но правда больше... Правдивое слово все равно услышится и побьет ложь... Так и вышло. Люди сильные, а когда правду-то сказали, всё разлетелось...»

⁵⁴ По поводу нового официозного сообщения о деле епископа Гермогена. М., 1912. С. 6, 15.

⁵⁵ Там же. С. 15-16.

В то время делались и попытки обсудить происшедшее с позиции защиты действий обер-прокурора Саблера. В 1912 году профессор церковного права и принципиальный противник в то время патриаршества и сторонник того порядка вещей, который сложился при обер-прокурорах, М.Д. Кузнецов опубликовал обширную статью в журнале «Отдых христианина», где отстаивал правильность решения Синода, совершенно игнорируя критику Синода с точки зрения законности его решения; он стоял на позиции, что поскольку Саблер полезный для Церкви человек, то потому всякая критика его будет вредна: «С назначением нынешнего обер-прокурора Святейшего Синода много православных людей вздохнуло свободно, и было бы крайне печально, если бы В.К. Саблеру пришлось покинуть этот пост, на котором в настоящее время он едва ли заменим. Не кто другой, как обер-прокурор, особенно одушевлен заботами о Церкви и не только не подавляет голос иерархов, но старается придавать силу решению иерархов, которым принадлежала основная роль, например в вопросах о преобразовании академий, семинарий, прихода, закона о лишении духовного сана и т.д.» // Отдых христианина. 1912. № 5. С. 1030.

Возвращаясь к вопросам, по которым епископ Гермоген высказал особое мнение, напомним, что владыка всего лишь требовал, чтобы чин диаконисс был восстановлен в полном виде, что возможно было сделать только на Поместном Соборе, и, значит, до этого времени этот термин не должен был употребляться. Называя чин «диаконисс» чисто еретическим учреждением, он имел в виду заимствование его у современных описываемым событиями протестантов, таких, как лютеранский пастор Флиднер, являвшихся, с точки зрения епископа Гермогена, еретиками; это заимствование хорошо описано у таких современных исследователей, как А.В. Постернак // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М.: Изд-во ПСТБИ, 1995. / Постернак А.В. К вопросу о присвоении сестрам обители звания диаконисс. С. 225-233.

Оспариваемое епископом Гермогеном нововведение заупокойного служения за инославных является достаточно сомнительным для Православной Церкви при не вполне проясненных отношениях к католицизму и протестантизму и при отсутствии литургического общения; те или иные оценки католицизма и протестантизма производились в основном из соображений необходимости высказаться об уже сложившейся практике, возникшей под влиянием политических или иных не церковных обстоятельств. Вопрос об инославных стал решаться «по ходу дела», когда православные уже стали выходить замуж или жениться на католиках или протестантах, внешне в духе человеколюбия, а по существу в духе человекоугодия,

чтобы «утешить» религиозно настроенных людей, когда одному из супругов Церковь вынуждена была отказывать «в молитвенном утешении». Ответственность за разрешение этого вопроса возлагалась на Церковь, хотя в действительности ее должен был нести один из супругов, когда делал выбор между своим земным спутником жизни и верой. Под видом утешения православного супруга или супруги практиковалось осужденное апостолами лицеприятие, так как речь в то время шла большей частью о власти имущих или о людях богатых. Это, естественно, не могло не огорчать всякого православного и, в частности, епископа Гермогена.

Отношение к инославным архиереям и оказание им архиерейских почестей при отсутствии молитвенного общения справедливо возмущало совесть тогдашних людей. То, что главная улица Петербурга была переполнена инославными храмами, – это было делом светской власти, насильственно навязывавшей народу элементы западно-европейской культуры, и в частности религиозные; но насильственно навязанное отнюдь не означало еще, что является правым лишь потому, что оно уже существует. Существовал и обер-прокурор, с которым православным людям приходилось мириться, но мириться как с попущенной Богом по грехам человеческим злой неизбежностью. Это положение трудно было изменить, ему приходилось подчиняться, но это не значило, что надо было его хвалить и говорить о нем как о законном, каноническом и благодетельном. Святой Иоанн Предтеча не мог изменить волю царя Ирода и принудить его расстаться с Иродиадой, но он считал своим долгом назвать беззаконие беззаконием – и сделал это. В иных случаях только это и может сделать человек, стремящийся к праведной жизни, чтобы по крайней мере самому не стать участником беззакония.

⁵⁶ «Ожесточенное возмущение против всенародно желаемого и ожидаемого преобразования на соборных началах внутреннего строя Православной Церкви Всероссийской

Всмотритесь! Вон, то в речах, то на страницах газет, – некоторых даже церковных газет и журналов, какую безумную смуту, какое лютое возмущение подняли крамольные элементы и спутавшиеся с ними политики против верующего живого сочувствия и ревностной защиты православными русскими людьми твердо и решительно поставленного одним православным епископом святого дела! Против прямой и стойкой защиты неизменности и неприкосновенности всех соборных установлений и основ в строе Православной Церкви Всероссийской! Против неотложной необходимости наискорейшего и всецелого восстановления этого истинного, церковно законного строя, за что сейчас идет большая смута, возмущение, состязание в сфере церковно-религиозного сознания и разума.

И как, в самом деле, естественно, что эта духовно разумная борьба и состязание совершаются на соответственной им почве и в соответственной среде: в речах ораторов, на литературных сборищах, на страницах газет и журналов.

В самом деле. Как смута политическая своим особо выразительным натиском, как известно, началась и происходила на улицах городов и селений, так в особом, типически выразительном натиске начатая врагами Православной Церкви религиозно-церковная смута и борьба с нею должны, очевидно, происходить прежде всего на соответственной им почве: на страницах газет и журналов, а затем во взаимном духовно разумном обмене религиозно-церковных мнений, мыслей и отношений среди лиц и классов общества различных религиозно-церковных убеждений и взглядов. И среди этих бурных волн взбаламученного моря смуты наш священный корабль неизбежно должен составить для себя и якорь, и руль из соборного начала, крепко притом утвержденного во всем строе Православной Церкви, сцепленного живыми и деятельными ее членами крепким как смерть послушанием этому святейшему апостольскому началу. Послушанием всего религиозно-церковного разума, всех понятий и мнений в среде истинных и искренних чад Православной Церкви.

Да, видится: натиск смуты явно и бурно движется пред нами. И что крайне горько и прискорбно наблюдать, так это то, что среди толпы крамольных противцерковных смутьянов появляются ныне – быть может, конечно, на короткое время и для каких-либо личных целей – некоторые лица с политически правым направлением. Чиновники, общественные и государственные деятели, некоторые даже епископы. Последние, между прочим, особенно громко и бранчливо восстают против ярко вскрывшейся из недр души народа пред натиском смуты горячей православной ревности по вере, против живого и искреннего религиозно-церковного сознания и чувства.

Но что же это происходит с ними?

Своя ли своих не познаша или же они намеренно стали сторонниками принципа “честью просим разойтись немедленно, не то в нагайки”?

Нет, здесь, очевидно, происходит нечто более ужасное и тяжелое! Это явное и открытое участие спутавшихся в своих воззрениях политиканов в ожесточенной борьбе и натиске против вполне законного и святого чувства ревности по вере православного русского народа.

И эта ожесточенная борьба с душою народа имеет все признаки смуты. Так, она сопровождается, между прочим, такими крайне лукавыми или прямо подлыми провокаторскими выкриками по адресу православно верующих ревнителей церковных: “Зачем вы стали в оппозиционную борьбу с существующей церковной властью! Вы опорочиваете существующий строй Православной Церкви, наносите оскорбление представителям власти церковной своим непрошеным вмешательством. Вы хотите показать, что вы больше, чем самый Синод и епископы, заботитесь о сохранении и ограждении достоинства и власти Православной Церкви. Вы этим самым создаете возмущение в народной массе, бунт в самой Церкви” и прочее.

Ну точь-в-точь, как выкрикивали в 1905–1906 годах сторонники политической смуты против ревнителей и защитников монархического государственного строя и царского самодержавия! “Вы натравливаете, – говорили они, – одну часть населения против другой, берете на себя полномочия правительственных лиц, силитесь показать себя более преданными монархическому строю России и царскому самодержавию, чем сам царь и его правительство. Этим самым вы опорочиваете правительственную власть, восстаете против нее и возмущаете против нее народные массы” – и прочая...

Совершенно аналогичные, крамольно-провокаторские приемы допускаются, как мы видим, и в нынешней, пока еще не повсюду разлившейся религиозно-церковной смуте – те же выкрики, клеветливые нападки, инсинуации, измышления различных тайн, гнусных историй, мнимых преступлений и тому подобного.

Неудивительно поэтому и весьма понятно, почему сыплются сейчас со всех сторон, точно камни, жестокие нападки со стороны заправских ли смутьянов или от церковной лжебратии против ревнителей и защитников Православной Церкви.

Но поспешим сказать открыто всем провокаторам нынешней церковно-религиозной смуты: кто бы вы ни были, бесчестные клеветники и враги Православной Церкви и верующего народа! – вы скоро понесете жестокую кару, если не перестанете клеветать на искренне благочестивую душу русского народа, если не перестанете всеми способами совершать свой безумный крамольный натиск и возмущение против духа народа, по-детски трепещущего за Божие достояние.

Действительно наш, как дитя преданный Церкви народ жаждет сам оградить, спасти и сохранить свое святейшее достояние – Церковь Православную. Конечно, не без участия святителей Церкви, Синода, благочестивых государственных деятелей. И этому драгоценнейшему отклику и участию Божиего дитяти – народа, должно сейчас в высокой степени радоваться и за него благодарить Господа и Божию Матерь. А не противиться, а тем паче – не возмущаться против этого святого движения, где нет и тени какого-либо протеста, так называемой “оппозиции”.

Ведь подобное движение уже было однажды на наших глазах и сделало уже свое великое патриотическое дело! Так пусть же оно и ныне совершит великое дело церковное. Тогда государственная власть, по-видимому, вовсе не противилась светлomu и святому движению царелюбивого народа. Будем свято верить, что подобным же образом и церковная власть, не стесняемая мертвящими тисками противцерковного бюрократизма, его предрассудков и заблуждений, станет и ныне, ввиду высокой важности момента, как можно ближе к народу. Станет даже во главе своего духовно родного народа-дитяти и с матерински пастырской любовью поддержит его в святых его порывах, утешит в его глубочайшей скорби, нравственных тревогах и терзаниях, мучительных опасениях за драгоценнейшее и безгранично любимое Божие дело – Церковь Святую.

Пустите же детей поближе к Церкви Христовой, как к Самому Христу, и не препятствуйте им! Пусть ревнуют по вере, борются, защищают Святейшую Мать! Пусть детей церковных и на открытую борьбу. Пусть пишут они в газетах и журналах, пусть выступают со своими чтениями на больших собраниях людских в защиту духовной мощи, силы и свободы Святейшей Матери Церкви. Пусть открыто выступают с обличениями против мертвого и все вокруг себя мертвящего бюрократизма, угашающего дух Церкви Христовой и детей церковных, препятствующего единению духа Церкви Христовой с духом народа в союзе мира. Такое единение будет источником покаянного благоговейного трепета народа пред Богом Промыслителем, привлечет Его благоволение к нашей стране. И исполнится тогда над нами изречение псалмопевца: “Дал еси достояние боящимся Тебе, Господи!”».

⁵⁷ «Ваше Императорское Величество,

Всемиловейший Государь-Самодержец!

Опала и кара, постигшие святителя Православной Церкви епископа Гермогена, глубокою скорбью отозвались в сердцах русских людей – верных сынов православия.

Преклоняясь безропотно пред самодержавной волей Вашего Императорского Величества, мы, православные жители города Вильны, как верноподданные, не дерзаем даже касаться обстоятельств, кои навлекли на епископа Гермогена монаршую немилость. Но непоколебимая верность ныне опального святителя древним уставам Православной Церкви, его безграничная горячая любовь к Царю и Родине, его деятельность, твердо направленная к развитию и укреплению тех же чувств среди русских людей, – всегда были для нас вне всякого сомнения и служили нам источником живого утешения в многочисленных случаях унижения и оскорбления православной веры польскими фанатиками, коими мы окружены в Виленской губернии и натиск которых против нашей святой веры и русской государственности усиливается с каждым днем. Живя среди этих тяжких испытаний и оберегая по мере наших невеликих по численности сил родное православие от сильного врага – яростного польского фанатизма, мы привыкли в течение последних лет обращать свои взоры на Саратовского епископа, как на истинный светильник веры и пример преданности своему Царю.

Понятна поэтому безграничная скорбь, которая омрачила нам дни Святой Пасхи, когда надежды наши на возвращение высокочтимого нами святителя Гермогена на епископскую кафедру не оправдались и когда в великий светлый Праздник христианского всепрощения святитель наш остался в ссылке.

Из глубины и изо всей силы наших преданных тебе сердец молим тебя, Великий Государь-Самодержец: яви милосердие и возврати милость твою обездоленному русскому епископу Гермогену, для которого величайшим счастьем было лишь твое благоволение, а величайшим несчастьем – только утрата этого благоволения. Безошибочно знаем и дерзаем утверждать, что в лице епископа Гермогена Русская Церковь и ее Державный Покровитель – Самодержец Всероссийский имеют лучшего своего сына и верноподданного слугу, горячо любящего свою веру, Царя и Родину.

Припадая к священным стопам твоим, взываем снова: помилуй же, великий и добрый Государь-Батюшка, святителя Гермогена и этим актом милосердия соверши новое светлое деяние в истории твоего царствования.

Да не зайдет солнце во гневе твоём!

Вашего Императорского Величества верноподданные русские жители города Вильны».

⁵⁸ Архиепископ Варнава (Накропин); еще будучи архимандритом и настоятелем Палеостровского монастыря, благодаря природной смекалке, приобрел много знакомств среди купцов. В бытность его настоятелем Палеостровского монастыря случился в тех местах неурожай сена, отчего нечем стало кормить скотину. Архимандрит Варнава собрал в церковь монахов «и предложил им помолиться, дабы Господь не оставил голодающим скот монастырский... на другой день к монастырю привозят несколько возов сена и просят указать, куда таковое сложить, так как их послал неизвестный человек и за все сено заплачено. Конечно, монастырь принял такой дар с благодарностью и в ознаменование этого как чуда, как называл о. Варнава, был отслужен благодарственный молебен... По прошествии небольшого времени о. Варнава уехал в г. Петрозаводск на несколько дней. И в его отсутствие явились люди с просьбой заплатить за купленное сено лично о. Варнавою, которое несколько времени тому назад по его приказанию было отправлено в монастырь и по указанию его было поступлено так, как он говорил... благодаря случайности... чудо это было принято монастырем уже в другой форме...»

9 мая 1918 года архиепископ Варнава был арестован и, находясь под следствием, сделал ряд заявлений, которые из пропагандистских целей большевики опубликовали в «Еженедельнике ВЧК». Он на следствии, в частности, сказал: «Советскую власть я признаю выше и лучше всякой другой, какая была до сих пор, и готов за нее умереть. А если Собор или Патриарх задумают отлучить меня от Церкви, я не буду обращать на это внимание, потому что я готов порвать со всеми для простого народа и для советской власти» // ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. Жуковский, М., 2004. С. 112.

«Я жил в Арзамасе и сам был далек от всего, но слышал не раз, что собирают средства в фонд восстановления России или другой фонд подобного названия... К сожалению, я не знаю, кто именно участвовал в белогвардейской организации или в других организациях, идущих против советской власти, но я берусь узнать, если мне дадут возможность вести деятельность на свободе, и все, что я узнаю, сообщу Чрезвычайной комиссии. И не только я один, но и все, кто не пойдет за

Собором, а за Церковь, стоящую за большевистскую власть» // ВЧК уполномочена сообщить... 1918 г. Жуковский, М., 2004. С. 113.

«Со времени Октябрьского переворота не только никогда не выступал против советской власти, но по крайнему моему разумению считаю власть эту правильной и народной; еще во времена соглашательского правительства Керенского я неоднократно заявлял, что тов. Ленин является вторым Мессией, выведшим народ ко спасению, советскую власть приветствовал... Когда окрестные крестьяне обращались ко мне по вопросу о вступлении в ряды Красной армии – я всегда с открытым сердцем благословлял идущих в ряды армии...»

После подобного рода заявлений он был освобожден и в 1919 году направил Ленину образок и письмо. Посреднику, который должен был передать письмо он писал: «Посылаю образок в благословение Владимиру Ильичу и прошу вручить ему и поздравить его с днем Ангела... Попроси прощения у Владимира Ильича за мою смелость беспокоить его, но я за это беспокою и буду беспокоить Господа Бога, да умудрит его во всех делах его на пользу родной нашей Руси».

На самой же иконе он написал: «Рабу Божьему Владимиру Ильичу на день Святого Ангела благословение от грешного архиепископа Варнавы. Июля 15-го 1919 г.».

Архиепископ Варнава скончался в Москве в 1924 году.

⁵⁹ Самуэль фон Пуфендорф (1632-1694) – немецкий юрист, историк и философ, был некоторое время историографом и советником при шведском короле Карле XI, занимался разработкой вопросов, касающихся взаимоотношений Церкви и государства с протестантской точки зрения. Его книги активно переводились на русский язык и публиковались в России в начале XVIII столетия под личным наблюдением Императора Петра I.

⁶⁰ Черные дни русского православия. (Документы и материалы притеснения служителей культа и религиозных объединений Тюменского края в годы Советской власти. 1917-1965 гг.). Тюмень, 1992. С. 20.

⁶¹ Хохряков П.Д. (1893-1918), уроженец деревни Хохряковской Вятской губернии. Призванный в армию, служил кочегаром на броненосце «Император Александр II» на Балтийском флоте. Участник кровавой расправы с офицерами броненосца в 1917 году. С августа 1917 года – член исполкома Екатеринбургского совета; с марта 1918 – председатель Тобольского совета рабочих депутатов. В июне 1918 года возглавил Особый экспедиционный отряд и речную флотилию и руководил боевыми операциями на реках Иртыш–Тура. Был убит шальной пулей 17 августа 1918 года – на двадцатый день после мученической кончины епископа Гермогена. Похоронен с почестями около пермского театра оперы и балета в братской могиле.

⁶² Протоиерей Ксенофонт Крючков родился в селе Поим Пензенской губернии в семье раскольников. Со временем он стал читать православные книги о старообрядцах и все более и более размышлять над ними. «“Семя православия, – говорил впоследствии отец Ксенофонт, – во мне начало развиваться быстро, так что на другой год, побывав у владыки Московского Филарета, я решился объявить ему, что его молитвами и прилежным рассмотрением Священного Писания, я вполне убедился в неправоте раскола”... В 1868 году с благословения митрополита Филарета в село Поим отправился вместе с Крючковым отец Павел Прусский и, путем долгих бесед с раскольниками села Поима, убедил многих жителей принять единоверие...

В своем слове при посвящении в сан отец Ксенофонт сказал: “Преклоняюсь пред судьбами Божиими и буду неумолчно благовременно и безвременне проповедовать слово Божие: буду возвещать всегда и везде, что кроме основанной Христом Церкви с ее иерархией нигде нет спасения”. И, действительно, в течение тридцатилетнего служения своего отец Ксенофонт ни разу не изменил взятому на себя обету».

Протоиерей Ксенофонт Крючков скончался 5 мая 1909 года в селе Поим.